

Висенте Бласко-Ибаньес

Винный склад

Висенте Бласко-Ибаньес

Винный склад

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3167385

Аннотация

«Торопливо, какъ въ былыя времена, когда онъ опаздываль въ школу, вошелъ Ферминъ Монтенегро въ контору фирмы Дюпонъ, – эта фирма была первой виноторговлей въ городѣ Хересъ, извѣстная во всей Испаніи – фирма «братьевъ Дюпонъ», владѣльцевъ знаменитаго вида Марчамало и фабрикантовъ коньяка, достоинства котораго превозносятся на послѣднихъ страницахъ газетъ, въ разноцвѣтныхъ объявленіяхъ, расклеенныхъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, на заборахъ и стѣнахъ старыхъ домовъ и даже на днѣ графиновъ для воды въ кофейняхъ...»

Содержание

I	4
II	33
III	57
IV	81
V	133
VI	172
VII	208
VIII	246
IX	276
X	312

Висенте Бласко Ибаньесъ

Винный складъ

I

Торопливо, какъ въ былыя времена, когда онъ опаздываль въ школу, вошелъ Ферминъ Монтенегро въ контору фирмы Дюпонъ, – эта фирма была первой виноторговлей въ городъ Хересъ, извѣстная во всей Испаніи – фирма «братъевъ Дюпонъ», владѣльцевъ знаменитаго вида Марчамало и фабрикантовъ коньяка, достоинства котораго превозносятся на послѣднихъ страницахъ газетъ, въ разноцвѣтныхъ объявленіяхъ, расклеенныхъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, на заборахъ и стѣнахъ старыхъ домовъ и даже на днѣ графиновъ для воды въ кофейняхъ.

Дѣло происходило въ понедѣльникъ, и молодой служащій явился въ контору съ опозданіемъ на цѣлый часъ. Когда онъ вошелъ, его товарищи едва подняли глаза со своихъ бумагъ, какъ бы опасаясь жестомъ или словомъ стать соучастниками въ этомъ неслыханномъ нарушеніи аккуратности. Ферминъ съ безпокойствомъ окинулъ взглядомъ обширный залъ, въ которомъ помѣщалась контора, и затѣмъ устремилъ глаза въ смежный кабинетъ, гдѣ въ торжественномъ уединеніи возвышалось бюро изъ великолѣпнаго американскаго дерева. Хо-

зьяина еще не было тамъ. И молодой человекъ, уже болѣе спокойный, сѣлъ передъ своей конторкой и сталъ приводить въ порядокъ кипу бумагъ – предстоявшую ему дневную работу.

Въ это утро ему казалось, что онъ видитъ въ конторѣ нѣчто новое, необычайное, точно онъ только что вошелъ туда, а не провелъ здѣсь цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ своей жизни. Пятнадцать лѣтъ – считая съ того дня, когда его приняли сюда мальчигомъ для отправки писемъ на почту и исполненія разныхъ порученій еще при жизни дона Пабло, второго владѣльца, изъ династїи Дюпоновъ – изобрѣтателя знаменитаго коньяка, открывшаго «новые горизонты» для виноторговли, какъ о томъ съ паѳосомъ извѣщали объявленія, рассылаемыя торговой фирмой.

Ничего новаго не видѣлъ Ферминъ въ этомъ бѣломъ залѣ съ его холодной и суровой бѣлизной, съ его мраморнымъ поломъ, оштукатуренными и блестящими столами, съ его громадными окнами изъ матоваго стекла, которыя, прорѣзывая стѣну до потолка, придавали молочную нѣжность свѣту, врывающемуся въ нихъ. Шкапы, конторки и высокіе табуреты изъ темнаго дерева одни вносили теплый тонъ въ этотъ холодъ кругомъ. Рядомъ съ конторками виднѣлись стѣнные календари съ большими хромолитографированными изображеніями святыхъ, а также и мадоннъ.

Эта-то полумонашеская декорація конторы винъ и коньяка и пробудила въ нѣкоторомъ родѣ удивленіе въ Ферминѣ послѣ того, какъ онъ все это видѣлъ въ теченіе многихъ лѣтъ.

Въ немъ еще пребывади впечатлѣнїя предшествующаго дня. Онъ провель его до поздней ночи съ донъ-Фернандо Сальватерра, который вернулся въ Хересь послѣ восьмилѣтняго заточенїя въ одной изъ тюремъ сѣверной Испанїи. Знаменитый революціонеръ возвратился къ себѣ, на родину, скромно, безъ проблеска тщеславія, точно онъ эти долгїе годы провель не въ тюрьмѣ, а въ увеселительной поѣздкѣ.

На взглядъ Фермина, донъ-Фернандо нимало не измѣнился съ того послѣдняго раза, когда онъ его видѣлъ передъ своимъ отъѣздомъ въ Лондонъ съ цѣлью усовершенствоваться въ англійскомъ языкѣ. Это былъ тотъ же донъ-Фернандо, котораго онъ зналъ въ дни юности. — У него сохранился тотъ же мягкій отеческій голосъ, та же добрая улыбка, тѣ же ясные, спокойные глаза, нѣсколько слезящіеся и ослабѣвшїе, но сверкавшїе сквозь слегка голубоватые очки. Лишенїя тюремной жизни вызвали кой-гдѣ сѣдину въ русыхъ его волосахъ, борода его побѣлѣла, а въ лицѣ все еще сохранилось прежнее югшеское его выраженїе.

Это былъ «святой мірянинъ», какъ, говоря о немъ, называли его противники. Еслибъ онъ родился нѣсколькими вѣками раньше, онъ пошелъ бы въ монахи нищенствующаго ордена, отдался бы весь утоленїю чужого горя и, быть можетъ, кончилъ бы тѣмъ, что былъ бы причисленъ къ лику святыхъ. Но живя среди волненїй періода борьбы, онъ сталъ революціонеромъ. Плачь ребенка волноваль его всего, въ немъ не проявлялось ни малѣйшаго проблеска эгоизма, и

онъ былъ готовъ на какой угодно поступокъ, если думалъ, что могъ оказать имъ помощь несчастнымъ. Тѣмъ не менѣе его имя вызывало страхъ и смятеніе среди богатыхъ и достаточныхъ людей, и ему, въ его скитальческой жизни, стоило лишь появиться на нѣсколько недѣль въ Андалузіи, чтобы власти тотчасъ же встревожились и была вызвана вооруженная сила. Неспособный самъ нанести кому бы то ни было вредъ, ненавидя насиліе, онъ тѣмъ не менѣе указывалъ народу на возстаніе, какъ на единственное средство спасенія.

Ферминъ вспомнилъ о послѣднемъ его злключеніи. Въ бытность свою въ Лондонѣ, онъ прочелъ въ газетахъ объ арестѣ Сальватьерра и вынесенномъ ему судебномъ приговорѣ. Появленіе его въ окрестностяхъ Хереса: когда сельскіе рабочіе приступили къ одной изъ своихъ стачекъ, его присутствіе между ними – были единственнымъ его преступленіемъ. Его обвинили въ соучастіи въ стачкѣ и въ противогосударственныхъ стремленіяхъ, а этого оказалось достаточно, чтобы засадить его въ тюрьму.

Поведеніе Сальватьерра въ тюрьмѣ возбуждало здѣсь общее изумленіе. Посвятивъ себя по личной склонности изученію медицины, онъ служилъ санитаромъ для заключенныхъ въ тюрьмѣ и отдавалъ имъ и пищу и одежду – все, что ему присылали изъ Андалузіи его друзья. Сторожа, видѣвшіе въ немъ бывшаго депутата, знаменитаго агитатора, который въ періодъ республики отказался отъ министерскаго портфеля, – называли его съ инстинктивнымъ уваженіемъ

донъ-Фернандо.

Пробывъ нѣскольжо дней въ Мадридѣ среди журналистовъ и прежнихъ политическихъ товарищей, — они то и добыли ему амнистію, не обращая вниманія на его отказъ воспользоваться ею, — онъ пріѣхалъ въ Хересь, чтобы повидаться здѣсь съ тѣми изъ своихъ друзей, которые еще оставались ему вѣрными. Весь воскресный день онъ пробылъ въ небольшомъ виноградникѣ въ окрестностяхъ Хереса, принадлежавшемъ одному изъ старыхъ его товарищей изъ періода революціи. Друзья и поклонники дон-Фернандо собрались туда, узнавъ о его пріѣздѣ. И Фернанъ тоже явился повидаться съ старымъ своимъ учителемъ. Онъ вспомнилъ дѣтскіе свои годы, глубокое уваженіе, съ какимъ онъ слушалъ этого человѣка, которымъ его отецъ восхищался. Донъ-Фернандо прожилъ у нихъ въ домѣ долгое время и внушилъ и ребенку самую благородную стремленія своей души — горячую любовь къ человѣчеству.

Весь вечеръ и часть ночи провели друзья Сальватьерра вмѣстѣ съ нимъ въ маленькомъ домикѣ среди виноградника. А хозяинъ этого виноградника радушно угощалъ ихъ золотистымъ хересомъ и закуской изъ ветчины, оливковъ и другихъ съѣстныхъ припасовъ. Подъ конецъ у многихъ затуманились головы отъ выпитаго вина, за исключеніемъ одного лишь донъ-Фернандо. Онъ пилъ только воду, а относительно ѣды удовлетворился нѣсколькими ломтями хлѣба съ сыромъ. Дѣлалъ онъ это потому, что разъ навсегда рѣшилъ, во

все время пока продолжается общественное неустройство и миллионы ему подобных медленно погибают от недостатка питания, лично он не имеет права на большее.

О, неравенство! Донь-Фернандо горячился, терял свою мягкость, думая об общественной несправедливости. Сотни тысяч человеческих существ умирают ежегодно от голода. Общество дѣлает видъ, будто ничего об этомъ не знаетъ, потому что тѣ люди не умираютъ, какъ брошенные собаки, на улицѣ, они умираютъ въ больницахъ, умираютъ въ своихъ хижинахъ, повидимому являясь жертвами разныхъ болѣзней, – въ сущности же всѣ они – жертвы голода, толькоз голода!.. И подумать, что, однако, въ мирѣ имѣются жизненные припасы для всѣхъ! Проклятая организациа общества, которая даетъ свое согласіе на подобнаго рода пресупленія!..

И донь-Фернандо, – друзья слушали, его въ глубокомъ, исполненномъ уваженія, молчаніи, – восхвалялъ имъ будущее общество, въ которомъ исчезнетъ всякое неравенство и люди будутъ наслаждаться матеріальнымъ счастіемъ и душевнымъ спокойствіемъ. Неравенство въ настоящемъ – вотъ источникъ всѣхъ золь, и, даже всѣхъ болѣзней.

Въ то время какъ Ферминъ слушалъ своего учителя, въ головѣ его мелькнуло одно изъ воспоминаній его юности, одинъ изъ самыхъ прогремѣвшихъ парадоксовъ донь-Фернандо, сказанный имъ еще до его заключенія въ тюрьмѣ.

Сальватьерра ораторствовалъ на митингѣ, объясняя ра-

бочимъ, что представить изъ себя общество будущаго. Всѣ должности и профессіи настоящаго времени должны исчезнуть, не будетъ ни священниковъ, ни солдатъ, ни политиковъ, ни адвокатовъ...

— А докторовъ? — спросилъ голосъ изъ глубины зала.

— И докторовъ не будетъ, — отвѣтилъ донъ-Фернандо съ своимъ холоднымъ спокойствіемъ.

Послышался ропотъ недоумѣнія и изумленія, какъ будто восхищавшаяся имъ публика готова была поднять его на смѣхъ.

— И докторовъ не будетъ, потому что, когда восторжествуетъ наша революція, настанетъ конецъ всякимъ болѣзнямъ.

И такъ какъ онъ предчувствовалъ, что раздастся взрывъ недоверчиваго смѣха, онъ поспѣшилъ добавить:

— Настанетъ конецъ всѣмъ болѣзнямъ, потому что болѣзни, существующія теперь, вызваны лишь тѣмъ, что богатые переѣдаютъ, а бѣдные — недоѣдаютъ. Новое общество, распредѣляя поровну средства существованія, уравниваетъ жизнь, упразднитъ болѣзни.

И революціонеръ вкладывалъ такое убѣжденіе, такую вѣру въ свои слова, что эти и другіе его парадоксы принимались восторгавшимися имъ его послѣдователями съ такимъ же глубокимъ уваженіемъ, съ какимъ въ средніе вѣка слушали апостоловъ, проповѣдующихъ о пришествіи на землю царствія небеснаго.

Товарищи донъ-Фернандо въ маленькомъ домикѣ въ ви-

ноградникъ перешли затѣмъ и къ воспоминаніямъ, — героической эпохѣ его жизни, къ партизанской войнѣ въ горахъ, — восхваляя его подвиги, въ то время какъ прежній вождь ихъ лишь улыбался; точно онъ слышалъ разсказъ о дѣтскихъ играхъ. Это была романтическая пора въ его жизни. Борются за формы правленія!!!.. На свѣтѣ было нѣчто болѣе важное... И Сальватьерра вспоминалъ о своемъ разочарованіи въ кратковременный періодъ республики 73 г., республики, которая ничего не могла сдѣлать и ни къ чему не привела. Его товарищи въ учредительномъ собраніи, еженедѣльно свергавшіе министерство и создававшіе другое, пожелали сдѣлать и изъ него министра... но онъ отказался.

Собравшіеся друзья вспомнили затѣмъ и о заговорѣ въ Кадиксѣ, еще до возстанія эскадры, и перешли въ воспоминанію о матери Сальватьерра, напоминавшей собой матерей христіанскихъ легендъ, которыя, съ улыбкой на лицѣ, участвовали во всѣхъ великодушныхъ безумствахъ и безразсудныхъ поступкахъ сыновей своихъ. Мать дона-Фернандо видѣла безъ малѣйшаго протеста, какъ все скромное состояніе семьи было растрчено на революціонныя предпріятія, она послѣдовала за сыномъ въ Сеуту, когда смертный приговоръ былъ ему замѣненъ пожизненнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ... Зато и всю свою любовь человѣка, увлеченнаго гуманитарной страстью и не имѣвшаго случая сосредоточить ее на женщинѣ, Сальватьерра сосредоточилъ на своей матери. Но она, къ его безпрѣдѣльному горю, умерла во время

его заключенія въ тюрьмѣ.

Всѣ эти воспоминанія и это-то столь существенное различіе между квазимонастырской атмосферой конторы съ молчаливыми служащими, наклоненными рядомъ съ изображеніями святыхъ, и группой окружавшихъ донъ-Фернандо ветерановъ романтической революціи и молодыхъ борцовъ за экономическіе идеалы такъ смутило въ тотъ понедѣльникъ утромъ молодого Монтенегро.

Онъ издавна зналъ всѣхъ своихъ сослуживцевъ, ихъ низкопоклонство передъ властнымъ хозяиномъ – директоромъ торговаго дома. Монтенегро боялся, что ему уже донесли о его посѣщеніи Сальватьерры, такъ какъ онъ зналъ о шпионствѣ, широко развитомъ среди служащихъ, съ цѣлью заручиться благорасположеніемъ дон-Пабло. Онъ замѣтилъ что донъ-Рамонъ, завѣдующій конторой и директоръ «гласности», т. е. отдѣла публикацій торговой фирмы, посматривалъ на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Должно быть, ему уже было извѣстно о сборищѣ у донъ-Фернандо. Но Фернанъ не боялся донъ-Рамона. Его прошлое было ему извѣстно, всю свою молодость онъ провелъ въ кругахъ мелкой журналистики, въ борьбѣ противъ всего существующаго строя. При чемъ не пріобрѣлъ и куска хлѣба для старости. Наконецъ, утомленный борьбой и побуждаемый голодомъ, онъ пріютился въ конторѣ Дюпона, гдѣ редактировалъ оригинальныя объявленія и высокопарные каталоги, которые популяризировали производство винной торговой фирмы. Благодаря своимъ

объявленіямъ, а также показной религіозности, онъ сдѣлался довѣреннымъ лицомъ Дюпона. Но Ферманъ не боялся его, зная убѣжденія его въ прошломъ и то, что еще и теперь онъ тайно хранилъ ихъ въ своей душѣ.

Полчаса слишкомъ провелъ молодой человекъ, сортируя лежавшія передъ нимъ бумаги и время отъ времени поглядывая на сосѣдній кабинетъ, гдѣ все еще не появлялся хозяинъ; какъ бы желая отсрочить встрѣчу съ нимъ, онъ, отыскавъ предлогъ выйти изъ конторы, взялъ полученное письмо съ заказомъ изъ Англіи.

— Куда? — спросилъ донъ-Рамонъ.

— Въ отдѣлъ «докладовъ». Мнѣ надо дать объясненія относительно поступившаго заказа.

И, выйдя изъ конторы, онъ прошелъ черезъ служебные отдѣлы виноторговли. Эти отдѣлы составляли чуть ли не цѣлый городокъ съ безпокойнымъ населеніемъ изъ носильщиковъ, бочаровъ и поденщиковъ, работавшихъ на площадкахъ подъ открытымъ небомъ, лии же въ галлереяхъ, среди длинныхъ рядовъ бочекъ.

Зданія и отдѣлъ виноторговли Дюпона занимали цѣлый кварталъ г. Хереса. Тутъ была цѣлая масса навѣсовъ, закрывавшая собой весь склонъ холма, а среди нихъ виднѣлись деревья обширнаго сада. Всѣ Дюпоны пристраивали къ старымъ все новыя и новыя зданія сообразно съ расширеніемъ ихъ торговли. Черезъ три поколѣнія первоначальное, скромное строеніе превратилось уже въ цѣлый промышленный городъ

безъ дыма и грохота, мтрный и улыбающійся подь голубымь небомь, полнымь сїянїя и свѣта, съ стѣнами ослѣпительной бѣлизны и цвѣтами, растушими на большихъ площадяхъ среди рядовъ бочекъ.

Монтенегро прошелъ мимо двери овальнаго павильона, съ стеклянной крышей, прозваннаго скиніей, въ которомъ хранилось самое избранное вино, длинные ряды пузатыхъ дубовыхъ бочекъ съ надписями содержащагося въ нихъ нектара, чуть ли не столѣтняго.

Ферминъ прошелъ дальше, мимо большихъ площадей, гдѣ были выставлены ряды бочекъ съ тѣмъ, чтобы солнечные лучи хорошенъко прогрѣли ихъ. Это было дешевое вино, обыкновенный хересъ, который выставляли подь солнечные лучи, чтобы онъ поскорѣе состарился. Ферминъ вспомнилъ, сколько времени и труда требовалось для производства хорошаго хереса. Для этого нужно было по крайней мѣрѣ десять лѣтъ: десять сильныхъ броженій были необходимы для приданїя хересу того остраго аромата и легкаго, отдающаго орѣхами вкуса, которые никакое другое вино не могло усвоить себѣ. Но требованїя торговой конкуренціи, желаніе продуцировать дешево, хотя бы и похуже, заставляли спѣшить съ процессомъ старѣнїя вина и выставлять его на солнце, чтобы ускорить выпариваніе его.

Пройдя черезъ извилистыя тропинки среди ряда выставленныхъ бочекъ, Монтенегро дошелъ до отдѣла «гигантовъ» – громаднаго вмѣстилища еще неперебродившаго вина.

Раскланявшись здѣсь съ рабочими, Монтенегро черезъ боковую дверь прошелъ оттуда въ отдѣлъ, называемый «фрагтовымъ», гдѣ находились вина безъ этикета для передѣлки въ разные сорта винъ. Въ этомъ зданіи фабриковался промышленный обманъ. Требования современной торговли принуждали монополистовъ одного изъ первыхъ винъ въ мірѣ прибѣгать къ этого рода смѣсямъ и комбинаціямъ, которыя вмѣстѣ съ коньякомъ составляли наибольшую часть вывозной торговли фирмы. Въ «фрагтовомъ» отдѣлѣ находилось четыре тысячи бурдюковъ разнородныхъ винъ для комбинацій. Въ темной комнатѣ, которая освѣщалась только маленькимъ окошечкомъ съ краснымъ стекломъ, имѣлась сатега obscura. Здѣсь техникъ разсматривалъ вино изъ только что откупоренной бочки.

Сообразно съ «заказомъ» онъ комбинируетъ новое вино изъ разныхъ жидкостей и затѣмъ отмѣчаетъ мѣломъ на бочкахъ число кувшиновъ, которые требовалось извлечь изъ каждой, чтобы составить смѣсь.

Монтенегро зналъ еще съ дѣтства техника «фрагтового» отдѣла. Это былъ самый давній служащій въ фирмѣ – старикъ, который какъ будто весь распухъ отъ окружающей его сырости. Вынужденный къ молчанію долгимъ пребываніемъ въ «камерѣ обскурѣ», онъ чувствовалъ потребность поболтать, лишь только въ тому представлялся случай.

– Что твой отецъ? – спросилъ онъ Фермина. – Все живетъ въ виноградникѣ, да? – Куда ему лучше тамъ, чѣмъ мнѣ въ

это́мъ сыро́мъ подвалѣ. Навѣрное онъ проживеть дольше меня.

И увидавъ записку, которую ему протянулъ Монтенегро, онъ сдѣлалъ жестъ отвращенія.

– Опять заказъ! – воскликнулъ онъ съ ироніей. – Новую смѣсь вина для отправки. Прекрасная наша торговля, нечего сказать!.. Прежде мы были первой фирмой въ мірѣ, единственной по нашимъ винамъ и нашимъ виноградника. Теперь мы фабрикуемъ «смѣси», иностранныя вина, – мадеру, опорто, марсалу или подражаемъ тинтилю или малагѣ. И для этого Богъ создалъ виноградный нашъ сокъ и даетъ силу и сладость виноградникамъ Хереса, чтобы мы отказывались даже отъ собственнаго имени!.. Право, я готовъ желать, чтобы филлоксера покончила со всѣми нашими виноградными лозами, до того мнѣ претитъ эта фальсификація и ложь!

Монтенегро зналъ о маніи старика. Всякій разъ, что ему приносили новый заказъ «смѣси», онъ раздражался проклятіями противъ упадка винъ Хереса.

– Ты не видѣлъ добраго стараго времени, Ферминильо, – продолжалъ онъ, – поэтому ты и относишься такъ легко ко всему существующему. Ты принадлежишь къ числу теперешнихъ, къ числу тѣхъ, которые думаютъ, что дѣла идутъ хорошо., потому что мы продаемъ много коньяку, какъ и всякая другая фирма, въ чужихъ краяхъ, виноградники которыхъ производятъ лишь одну дрянъ, и не производятъ ничего подобнаго тому, что Богъ даруетъ Хересу... А мы съ

этимъ нашимъ богатствомъ, съ этимъ даромъ Божимъ, — мы фабрикуемъ коньякъ или разную смѣсь, оттого что хересь, настоящій хресь, теперь уже не въ модѣ, какъ говорятъ чужеземные сеньоры...

Старикъ негодовалъ, слушая возраженія Фермина:

— Это требованіе современной промышленности, сеньоръ Висенте, торговля и вкусъ публики измѣнились.

— Такъ пусть же они не пьютъ наше вино, пусть оставляютъ насъ въ покоѣ и не требуютъ отъ насъ, чтобы мы его фальсифицировали. Мы сохранимъ нашъ хересь у себя въ своихъ магазинахъ, дадимъ ему спокойно стариться, и я увѣренъ, что настанетъ время, когда придутъ просить его у насъ на колѣняхъ. Кругомъ насъ все сильно измѣнилось. Должно быть, Англія погибаетъ. Прежде къ намъ въ виноторговлю являлось меньше англичанъ, но зато они — эти прежніе путешественники — были знатные люди — лорды и леди по меньшей мѣрѣ. Было пріятно смотрѣть, какъ они производили пробу вина, собираясь дѣлать заказъ. Дайте вотъ этого и дайте вотъ того, чтобы сравнить. Такимъ образомъ они проходили по всѣмъ отдѣламъ, серьезные, какъ жрецы, пока, наконецъ, при выходѣ изъ магазина не требовалось отнести ихъ на рукахъ въ коляску, чтобы отправить въ ихъ гостиницу. Теперь же, когда въ Кадиксъ пристанетъ пароходъ съ англичанами, они являются сюда цѣлой толпой, съ гидомъ во главѣ, все перепробуютъ, потому что даютъ имъ пробовать даромъ. А если что купятъ, то лишь бутылку въ три песета. И

пьянѣтъ-то они не умѣютъ, какъ сеньоры: кричать, галдятъ, ссорятся и ходять по улицамъ, шатаясь, такъ что встрѣчные отворачиваются отъ нихъ, негодуя. Я думалъ прежде, что всѣ англичане богаты, а выходитъ, что эти-то ничего собой не представляютъ — они просто башмачники или лавочники изъ Лондона. Вотъ какъ идутъ дѣла.

Монтенегро улыбался, слушая несвязныя сѣтованія старика.

— Къ тому же, — продолжалъ онъ, — въ Англіи такъ же, какъ и у насъ, теряются добрые старые обычаи. Уже многіе англичане пьютъ одну лишь воду, и судя по тому, что мнѣ говорили, теперь не считается изящнымъ, чтобы сеньоры послѣ обѣда уходили бесѣдовать въ салонъ, въ то время какъ мужчины, оставаясь за столомъ, напиваются до того, что слуги ихъ должны дать себѣ трудъ вытаскивать ихъ изъ-подъ стола. Тѣ, которые все-таки еще напиваются, чтобы показать, что они сеньоры, пьютъ не хересь, какъ здѣсь у насъ, когда его даютъ имъ даромъ, а «виски» съ содой и другими отвратительными смѣсями. Англичане вырождаются, они теперь уже далеко не тѣ, какими были въ прежнія времена, когда фирма Дюпона посылала бутылками или боченками хересь сеньору Питту, Нельсону, Веллингтону и другимъ.

Монтенегро смѣялся, слушая эти жалобы донъ-Висенте.

— Смѣйтесь, молодой человѣкъ, смѣйтесь. Всѣ вы одинаковы: не зная хорошей поры, вы удивляетесь, что мы, старики, находимъ нынѣшнія времена плохими. Прежде вино сто-

ило въ десять разъ дороже теперешняго;. Спроси-ка у твоего отца, который, хотя и менѣ старъ, чѣмъ я, а все же зналъ золотое времячко. Деньги обращались въ ту пору въ Хересѣ все одно, что воздухъ. Рабочіе въ виноградникахъ получали отъ тридцати до сорока реаловъ въ день, и позволяли себѣ иногда фантазію проѣхаться въ коляскѣ и въ лакированныхъ башмакахъ. Не было тогда никакихъ газетъ, не было никакого зубоскальства, никакихъ митинговъ; гдѣ собиралась людская толпа, тамъ слышались звуки гитарь, пѣлись пѣсни, шла пляска, такъ что любо было смотрѣть и слушать. Еслибъ тогда явился Фернандо Сальватьерра – тотъ другъ твоего отца – со всѣми своими розказнями о бѣдныхъ и богатыхъ, о раздѣлѣ земли и революціяхъ, ему бы подали стаканъ вина и сказали бы: «Садитесь къ намъ въ кружокъ, товарищъ, пейте, пойте, танцуйте съ дѣвушками, если вамъ вздумается и не печальтесь о нашемъ житьѣ-бытьѣ – оно не изъ худшихъ». Но англичане почти совсѣмъ перестали пить наше вино – денегъ въ Хересѣ куда меньше, и онѣ, проклятыя, тавъ запрятаны, что никто ихъ не видитъ. Рабочіе въ виноградникахъ получаютъ всего десять реаловъ поденной платы, и ихъ лица теперь, что твой уксусъ. Скажу одно – денегъ, побольше денегъ, какъ въ былыя времена, и окончатся всѣ эти стачки и проповѣди Сальватьерры и его сторонниковъ, и исчезнетъ всякая нужда, всякія непріятности и ужасы.

Какъ разъ въ ту минуту позвали сеньора Висенте по дѣлу и, уходя, онъ сказалъ Фермину:

– Оставь записку съ заказомъ въ камерѣ обскурѣ и смотри – не смѣй больше приносить мнѣ рецептовъ, точно я аптекаръ.

Старикъ удалился, а Монтенегро вышелъ черезъ другую дверь, направляясь въ главный отдѣлъ фирмы, гдѣ хранились самыя отборныя, старыя вина. Онъ вздрогнулъ, услыхавъ здѣсь голосъ хозяина, звавшаго его.

Донъ-Пабло сопровождалъ нѣсколькихъ иностранцевъ, – друзей дон-Луиса Дюпона, своего двоюроднаго брата, тоже бывшаго тутъ съ ними. Иностранцы съ наслажденіемъ отвѣдывали золотистаго и ароматнаго вина, отъ котораго, казалось, приумножалась жизненная сила, чувства становились интенсивнѣе и загоралась кровь.

– Здравствуй, – сказалъ младшій Дюпонъ, увидавъ Монтенегро. – Что подѣлываетъ твоя семья? На этихъ дняхъ побываю у васъ въ виноградникѣ. Мнѣ надо объѣздить новую лошадь.

Пожавъ руку Монтенегро и нѣсколько разъ хлопнувъ его по плечу, онъ отвернулся отъ него.

Фермянь дружилъ съ донъ-Луисомъ. Они были съ нимъ на ты, выросли вмѣстѣ въ виноградникѣ въ Марчамалѣ. Отношенія же Фермина къ донъ-Пабло были другія, хотя разница въ годахъ между ними была небольшая – всего лишь лѣтъ на шесть. Но онъ былъ глава семьи Дюпоновъ, былъ директоромъ торговой фирмы, и смотрѣлъ на свою власть по старинному, какъ на власть неоспоримую, абсолютную, тре-

буя безпрекословнаго подчиненія своей волѣ.

– Оставайся, – кратко приказаль онъ Монтенегро, – мнѣ надо поговорить съ тобой.

И онъ повернулся къ нему спиной, продолжал съ иностранцами разговоръ о своихъ винныхъ сокровищахъ.

Ферминъ, вынужденный слѣдовать за ними молча, какъ лакей, въ ихъ медленномъ шествіи посреди бочекъ, устремилъ взглядъ на дона-Пабло.

Онъ былъ еще молодъ, ему еще не было сорока лѣтъ, но чрезмѣрная полнота безобразила его, несмотря на то, что онъ велъ дѣятельный образъ жизни и былъ большой любитель верховой ѣзды. По характеру онъ былъ скорѣе добръ и миролюбивъ. Однако ему стоило лишь вообразить себѣ, что его не слушаются, или возражаютъ ему, чтобъ лицо его вспыхнуло огнемъ и голосъ зазвенѣлъ гнѣвомъ.

Ферминъ боялся его, но не циталь къ нему ненависти. Онъ видѣлъ въ немъ больного, «дегенерата», способнаго на всякія сумасбродства изъ-за религіозной экзальтаціи. По мнѣнію Дюпона, хозяинъ былъ поставленъ «милостію Божіею», какъ въ прежнія времена короли. По природѣ онъ не былъ скупъ, напротивъ, онъ даже выказываль себя щедрымъ въ раздачѣ вознагражденія служащимъ, хотя щедрость его отличалась случайностью и руководствовалась капризомъ, а не дѣйствительной заслугой. Случалось, что онъ, встрѣчая на улицахъ кого-нибудь изъ своихъ рабочихъ, которымъ уже было отказано, приходилъ въ негодованіе, отчего тотъ ему не

кланяется. «Слушай, – говорилъ онъ властнымъ голосомъ, – хотя ты уже не на службѣ у меня, но твой долгъ кланяться мнѣ, потому что я былъ твоимъ господиномъ».

И этотъ самый донъ-Пабло, который, благодаря промышленной силѣ, накопленной его предшественникамъ и запальчивости своего характера, былъ кошмаромъ тысячи людей – выказывалъ необычайное смиреніе и кротость, доходившія иногда до раболѣпства – передъ патерами или монахами различныхъ орденовъ, посѣщавшихъ его въ его конторѣ.

Ханжество донъ-Пабло вызывало смѣхъ всего города, но многіе смѣялись съ нѣкоторой маской, такъ какъ они, болѣе или менѣе, зависѣли отъ могущественной торговой фирмы, нуждались въ ея поддержкѣ и боялись гнѣва донъ-Пабло.

Монтенегро вспомнилъ всеобщее изумленіе годъ тому назадъ, когда собака изъ числа тѣхъ, которыя сторожили по ночамъ виноторговлю, укусила нѣсколькихъ рабочихъ. Дюпонъ, опасаясь, чтобы у укушенныхъ не открылось бѣшенство и желая избѣжать этого, тотчасъ же заставилъ ихъ проглотить въ видѣ пилюль раскрашенную гравюру чудотворнаго святого, хранившуюся у его матери. Правда, вслѣдъ затѣмъ тотъ же самый донъ-Пабло щедро оплатилъ больнымъ ихъ путешествіе къ знаменитому доктору. Когда заходила рѣчь объ этомъ случаѣ, донъ-Пабло объяснялъ свой поступокъ съ изумительной простотой: «На первомъ мѣстѣ – вѣра, а послѣ нея – наука, вкоторая иногда творитъ великія вещи, но потому только, что это дозволяетъ Богъ».

Оставивъ донь-Луиса съ иностранными гостями и предоставивъ ему показывать имъ остальные отдѣлы виноторговли, донь-Пабло, у котораго было дѣло въ конторѣ, повернулъ туда, сдѣлавъ жестъ Фермиву слѣдовать за нимъ.

– Вчера я не видѣлъ тебя, – сказала ему Дюпонъ, весь вспыхнувъ и нахмутивъ брови.

– Я не могъ, донь-Пабло... меня задержали... друзья...

– Мы поговоримъ объ этомъ послѣ. Знаешь ли, до чего прекрасно было вчерашнее богослуженіе? Ты былъ бы умиленъ имъ.

И съ внезапнымъ воодушевленіемъ, забывъ свою досаду, онъ сталъ описывать Фермину торжественную обѣдню, за которой причащалась вся семья Дюпоновъ и всѣ ихъ служащіе при сладостныхъ звукахъ органа.

– Какъ хорошо становится на душѣ послѣ такого свѣтлаго торжества, – добавилъ онъ съ восторгомъ. – Вчера былъ одинъ изъ лучшихъ дней моей жизни. Можетъ ли быть что-либо прекраснѣе? Возвращеніе къ добрымъ старымъ временамъ и въ простотѣ нравовъ – господинъ, подходящій къ таинству Св. причастія вмѣстѣ со всей своей семьей и со всѣми своими служащими!

Но переходя отъ восторженнаго состоянія къ гнѣву, онъ, покраснѣвъ отъ негодованія, воскликнулъ:

– А ты не пришелъ!.. Отчего?... Не отвѣчай, не лги. Предупреждаю тебя, что мнѣ все извѣстно. Не довольствуясь тѣмъ, что ты бѣжалъ отъ храма Господня, ты провелъ этотъ

день съ Сальватьерра, только что выпущеннымъ изъ тюрьмы, гдѣ ему слѣдовало оставаться до конца жизни.

Монтенегро вознегодовалъ, услыхавъ презрительный тонъ, которымъ донъ-Пабло говорилъ о его учителѣ. Онъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва и сказалъ дрожащимъ голосомъ:

– Донъ-Фернандо Сальватьерра былъ моимъ учителемъ, и я ему многимъ обязанъ. Притомъ же, онъ лучший другъ моего отца, и я былъ бы бездушнымъ и неблагодарнымъ, еслибъ не пошелъ повидаться съ нимъ послѣ освобожденія его изъ тюрьмы.

– Твой отецъ! – воскликнулъ донъ-Пабло. – Наивнѣйшій человекъ въ мірѣ, который никогда не научится жить такъ, какъ слѣдуетъ!.. Я бы спросилъ его, что-же онъ извлекъ для себя изъ своихъ скитаній по горамъ и по улицамъ Кадикса, стрѣляя изъ ружья ради своей федеративной республики и своего донъ-Фернандо? Еслибъ мой отецъ не сумѣлъ оцѣнить его за его искренность и честность, онъ навѣрное умеръ бы съ голода, а ты, вмѣсто того чтобы быть сеньоромъ, копалъ бы землю въ виноградникахъ.

– Но и, вашъ отецъ, донъ-Пабло, – сказалъ Ферминъ, – тоже былъ другомъ донъ-Фернандо Сальватьерра, и не разъ обращался къ нему, прося у него защиты во времена военнаго переворота и федеративной республики.

– Мой отецъ!.. – возразилъ Дюпонъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ. – И онъ былъ сыномъ смутной эпохи И недостаточно твердъ въ томъ, что наиболѣе важно для человека: въ ре-

лигиі... Къ тому же, Ферминъ, времена перемѣнились – тогдашніе республиканцы, хотя и заблуждались, но это были люди прекраснѣйшей души. Я зналъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, которые, хотя ненавидѣли королей, но уважали служителей Божьихъ. Ты думаешь, Ферминъ, что меня пугаетъ республика? Я больше республиканецъ, чѣмъ ты; я человѣкъ современный.

И онъ ударялъ себя въ грудь, говорил о своихъ убѣжденіяхъ. Никакой симпатіи не чувствуетъ онъ къ теперешнему правительству; къ слову сказалъ, всѣ они воры, а что касается религіи, то и лицемѣры, притворяющіеся, что они поддерживаютъ католицизмъ, потому что считаютъ его силой.

– Повторяю тебѣ, Ферминъ, что я болѣе республиканецъ, чѣмъ ты, но всѣмъ вамъ теперешнимъ дѣятелямъ и теперешней молодежи, уже кажется, что мало быть республиканцемъ, и вы толкуете о равенствѣ, о раздѣлѣ земли и всего имущества и говорите, что религія есть старая сказка.

Дюпонъ широко открылъ глаза, чтобы выразить отвращеніе, которое ему внушали новые революціонеры.

– Ты не думай, Ферминъ, что я изъ числа тѣхъ, которые пугаются социализма Сальватьерра и его друзей. Вѣдь ты знаешь, что денежный вопросъ для меня не суть важная вещь. Попросятъ ли рабочіе нѣсколько лишнихъ грошей поденной платы, или нѣсколько лишнихъ минутъ отдыха, чтобы докурить сигару, – если я могу, я все имъ дамъ, такъ какъ въ деньгахъ, благодаря Богу, у меня нѣтъ недостатка, Я не изъ тѣхъ

хозяевъ, которые только и думаютъ о томъ, какъ бы больше выжать сока изъ своихъ рабочихъ. Но мнѣ ненавистны эти благоглупости о всеобщемъ равенствѣ и главнымъ образомъ манія безбожія. Съ тобой, Ферминъ, я не хочу ссориться, но смотри, въ будущее воскресенье непременно приходи въ церковь, и брось Сальватьерра и всю его компанію, если не хочешь кончить плохо.

Дюпонъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, а Монтенегро сѣлъ за свою конторку. Черезъ чаеъ директоръ позвалъ его. Фирмѣ нужно было выяснитъ счетъ съ другой фирмой. Это было довольно запутанное дѣло, которое нельзя было уладить по телефону, поэтому Дюпонъ послалъ Монтенегро въ качествѣ довѣреннаго лица.

Надѣвъ шляпу и накинувъ плащъ, Ферминъ вышелъ, немало не спѣша, димѣя передъ собой весь тотъ день для выполнения своего порученія. На улицѣ ноябрьское солнце, теплое и радостное, словно въ весеннюю пору, проливалъ золотой дождь своихъ лучей на бѣлые дома и зеленые балконы.

Монтенегро увидѣлъ ѣдущаго ему навстрѣчу статнаго всадника. Это былъ смуглый юноша, въ нарядѣ контрабандиста или тѣхъ рыцарей – атамановъ-разбойниковъ, которые существуютъ лишь въ народныхъ былинахъ.

– Оле! Верховой! – крикнулъ Ферминъ, узнавъ его. – Здравствуй, Рафаэлильо.

И всадникъ осадилъ мигомъ лошадь, которая чуть не коснулась крупомъ своимъ земли, въ то же время приподнявъ

переднія ноги.

– Славное животное, – сказали Монтенегро, хлопнув по шеѣ коня нѣсколько разъ.

Несмотря на сидячій образъ жизни въ должности конторщика, Монтенегро приходилъ въ восторгъ при видѣ кровнаго рысака. Изъ всѣхъ богатствъ донъ-Пабло онъ завидовалъ лишь той дюжиинѣ коней, самыхъ лучшихъ и цѣнныхъ во всемъ городѣ, которые Дюпонъ держалъ у себя на конюшнѣ. А также и донъ-Пабло, казалось, забывалъ разомъ и пламенную свою религіозность и свой коньякъ, лишь только онъ видѣлъ какого-нибудь прекраснаго рысака, и радостно улыбался, когда его восхваляли, какъ перваго ѣздока во всей округѣ.

Рафаель былъ управляющимъ фермы Матансуэла, наиболѣе цѣннаго имѣнія, еще остававшагося у Луи Дюпона, двоюроднаго брата донъ-Пабло, величайшаго жуира и расточителя.

Наклонившись надъ шеей коня, Рафаэль разсказывалъ Фермину о своей поѣздкѣ въ городъ.

– Мнѣ надо было сдѣлать нѣкоторыя покупки, и я очень тороплюсь. Но на возвратномъ пути непременно заверну въ виноградникъ въ твоему отцу. Мнѣ точно недостаіетъ чего-то, если я не увидаю моего крестнаго.

Ферминъ лукаво улыбнулся.

– А сестру мою? Тебѣ тоже, быть можетъ, чего-то недостаетъ, если пройдетъ нѣсколько дней и ты ее не увидишь?

– Конечно, – отвѣтили юноша, весь покраснѣвъ.

И словно мгновенно охваченный чувствомъ стыда, онъ пришпорилъ своего кодя.

– Прощай, Ферминильо, соберись когда-нибудь ко мнѣ.

Монтенегро посмотрѣлъ ему вслѣдъ, когда онъ быстро удалился по направленію къ предмѣстью, и повернулъ затѣмъ на улицу Ларга, самую широкую и главную улицу въ городѣ, засаженную двумя рядами дикихъ апельсинныхъ деревьевъ. По обѣимъ сторонамъ улицы высились дома ослѣпительной бѣлизны съ зелеными балконами, на которыхъ то тутъ, то тамъ появлялись смуглыя женщины съ лучистыми черными глазами и цвѣтами въ волосахъ. Лучшія казино и лучшія кофейни съ ихъ громадными окнами выходили на эту улицу. Монтенегро устремилъ взглядъ на «Circulo Caballista», нѣчто вродѣ дворянскаго клуба. Это былъ центръ, въ которомъ собирались богатые люди и «золотая молодежь». По вечерамъ тутъ шли оживленныя пренія о лошадяхъ, охотничьихъ собакахъ и женщинахъ. Другихъ сюжетовъ разговора здѣсь не существовало. На столахъ лежало очень мало газетъ, а въ самомъ темномъ углу зала стоялъ шкафъ съ книгами въ роскошныхъ переплетахъ, но стеклянныя его двери никогда не открывались.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого клуба Монтенегро увидѣлъ идущую ему навстрѣчу женщину, которая быстрой своею походкой, своимъ заносчивымъ и вызывающимъ видомъ и сильнымъ покачиваніемъ бедеръ привлекала на себя

общее вниманіе. Мужчины останавливались, чтобы посмотреть на нее, и долго слѣдили за ней глазами, женщины же отворачивались от нея съ притворнымъ презрѣніемъ и, проходя мимо нея, шептались, указывая на нее пальцемъ.

Ферминъ улыбнулся, замѣтивъ любопытство и смятеніе, вызваннаго появленіемъ молодой женщины. Изъ-под кружевъ надѣтой ею на голову мантильи выбивались русые волосы, а черные, жгучіе глаза ея смотрѣли вызывающе. Смѣлость, съ которой она высоко приподымала юбку, тѣсно обрисовывающую всѣ очертанія ея тѣла и показывала ноги чуть ли не до колѣнъ, раздражала женщинъ.

– Здравствуйте, прелестная маркезита, – сказала Ферминъ, переступивъ ей дорогу.

– Не маркиза я, нѣтъ, – отвѣтила она съ улыбкой. – Теперь я занимаюсь разводомъ свиней.

Они говорили другъ другу «ты», какъ добрые товарищи.

– Какъ ты хорошо выглядишь... Слушай, непременно заходи ко мнѣ, ты знаешь, что я къ тебѣ очень расположена, конечно, такъ, по-хорошему, какъ къ брату. А этотъ глупый мужъ мой, который ревновалъ тебя ко мнѣ!.. Придешь?...

– Подумаю объ этомъ... Я вовсе не желаю впутаться въ непріятности съ торговцемъ свиней.

Молодая женщина разразилась смѣхомъ.

– Онъ настоящій рыцарь, Ферминъ, знаешь ли ты это? Въ своемъ горномъ зипунѣ онъ стоитъ больше, чѣмъ всѣ эти сеньоры изъ «Circulo Caballista». Мнѣ по душѣ все народное...

по природѣ я настоящая гитана...

И слегка и ласково хлопнувъ молодого человѣка маленькою ручкой, она продолжала путь свой, оборачивадсь нѣсколько разъ, чтобы улыбнуться Фермину, который слѣдовалъ за ней глазами.

«Бѣдняга, – подумаль онъ про себя. – Несмотря на ея легкомысліе она все же лучшая изъ семьи... Донъ-Пабло такъ тщеславится знатностью происхожденія своей матери.

Монтенегро зашагаль дальше, провожаемый удивленными взглядами и ехидными улыбками тѣхъ, которые слышали его разговоръ съ «Маркезитой».

На площади Нуэва онъ прошелъ мимо обычной въ тѣхъ мѣстахъ толпы перекупщиковъ вина и скота, продавцевъ зелени и овощей, и рабочихъ и поденщиковъ, ожидающихъ здѣсь, со скрещенными на груди руками, чтобы кто-нибудь нанялъ ихъ.

Изъ толпы отдѣлдся человѣкъ, позвавшій Монтенегро:

– Донъ-Ферминъ, донъ-Ферминъ...

Это былъ рабочій изъ виноторговли Дюпона.

– Вы знаете, я ушелъ. Мнѣ отказали сегодня утромъ. Когда я явился на работу, надзиратель сказалъ мнѣ отъ имени донъ-Пабло, что я не нуженъ. И это послѣ четырехъ лѣтъ усердной работы и хорошаго поведенія! Справедливо ли это, донъ-Ферминъ?

Такъ какъ Ферминъ спрашиваль его взглядомъ о причинѣ отказа ему, рабочій отвѣтилъ съ возбужденнымъ видомъ:

– Всему виной проклятое ханжесство! Знаете ли, въ чемъ состояло мое преступленіе?... Я не отдалъ бумажку, полученную мною въ субботу, при уплатѣ заработанныхъ денегъ.

И какъ будто Монтенегро не зналъ обычаевъ, бывшихъ въ ходу въ торговой фирмѣ Дюпона, добрый человекъ подробно изложилъ Фермину все случившееся съ нимъ. Въ субботу, когда имъ выдавали заработанныя деньги, надзиратель раздавалъ всѣмъ по бумажenkѣ: это было приглашеніе явиться на слѣдующій день, въ воскресенье, къ обѣднѣ, на которой присутствовалъ Дюпонъ со всей своей семьей. При входѣ въ церковь у каждаго рабочаго отбиралась его бумаженка, – а она была именной. Такимъ образомъ узнавали, кто изъ нихъ былъ и кто не былъ у обѣдни.

– А я не пошелъ вчера къ обѣднѣ, донъ-Ферминъ, потому что у меая нѣтъ охоты подыматься ни свѣтъ ни заря въ воскресенье утромъ послѣ того, какъ въ субботу вечеромъ я съ товарищами поразвлекся и попировалъ. Если работаешь столько дней въ недѣлѣ, можно же когда-нибудь и повеселиться, не такъ ли?

Къ тому же онъ воленъ располагать воскресеньемъ по своему усмотрѣнію. Хозяинъ платитъ ему за его работу, онъ работаетъ на него, но никто не имѣетъ права посягать на принадлежащій ему день отдыха.

– Справедливо ли это, донъ-Ферминъ? Оттого что я не разыгрываю комедій, какъ всѣ эти... доносчики и ябедники, которые бѣгутъ къ обѣднѣ, заказанной дономъ-Пабло и его

семьей, меня вышвыриваютъ на улицу... Признайтесь откровенно и по правдѣ: работаешь какъ волъ, а на тебя плюютъ, не такъ ли, кабальеросы?

И онъ обратился съ этимъ вопросомъ въ толпѣ «своихъ друзей», рабочихъ, слушавшихъ его на нѣкоторомъ разстояніи и осыпавшихъ проклятіями Дюпона.

Ферминъ зашагалъ съ нѣкоторою поспѣшностью. Инстинктъ самоохраненія подсказывалъ ему, что для него опасно оставаться дольше среди людей, ненавидѣвшихъ его принципала.

И пока онъ направлялся въ контору, гдѣ его ждали съ отчетомъ, онъ думалъ о вспыльчивомъ характерѣ Дюпона и о ханжествѣ, ожесточавшемъ ему сердце.

«А въ сущности вѣдь онъ не дурной человекъ», сказалъ онъ про себя.

Да, не дурной... Ферминъ вспомнилъ капризную и порывистую щедрость, съ которою онъ по временамъ помогалъ людямъ, впавшимъ въ нужду. Но взамѣнъ денегъ онъ требовалъ полного подчиненія своей волѣ и своимъ желаніямъ, а его религіозность или, вѣрнѣе, ханжество его коренилось въ безконечной благодарности, которую онъ чувствовалъ къ Провидѣнію за то, что оно посылало успѣхъ дѣламъ торговой фирмы и служило опорой общественнаго строя.

II

Когда донь-Пабло Дюпонъ со своимъ семействомъ ѣздилъ на денекъ въ знаменитый свой виноградникъ въ Марчамалъ, одно изъ развлеченій его въ деревнѣ состояло въ томъ, что онъ заставлялъ сеньора Фермина, стараго приказчика, появляться передъ монахами іезуитскаго или доминиканскаго ордена, безъ присутствія крторыхъ не обходилась ни одна изъ его поѣздокъ.

– Слушайте, сеньоръ Ферминъ, – говорилъ онъ, призвавъ старика на большую площадь передъ домами Марчамалы, составлявшими чуть ли не цѣлый городокъ, – крикните что-нибудь рабочимъ, но повелительнымъ тономъ, какъ въ то время, когда вы были въ числѣ «красныхъ» и участвовали въ партизанской войнѣ въ горахъ.

Приказчикъ улыбался, видя, что его хозяину и его друзьямъ въ рясахъ и капюпгонахъ доставляло удовольствіе слушать его, но въ этой улыбкѣ крестьянина себѣ на умѣ нельзя было разобрать, кроется ли въ ней насмѣшка или какое-либо другое чувство? Довольный тѣмъ, что онъ можетъ доставить нѣсколько минутъ отдыха рабочимъ, которые, нагибая спину посреди виноградныхъ лозъ, поднимали и опускали свои тяжелыя мотыки, старикъ съ комичной суровостью подходилъ къ краю площади, и раздражался продолжительнымъ и оглушительнымъ возгласомъ:

– За-а-а-курива-а-ай!

Блестящія мотыки переставали сверкать среди виноградных лозъ, и длинный рядъ виноградарей съ обнаженной грудью принимались тереть себѣ руки, онѣмѣвшія отъ рукояти мотыки, и затѣмъ медленно вытаскивали изъ кисетовъ всѣ приспособленія для куренія.

Старикъ дѣлалъ то же, что и они, и съ загадочной улыбкой принималъ похвалы сеньоровъ громовому его голосу и интонаціи полководца, съ которой онъ отдавалъ приказанія своимъ людямъ. Онъ свертывалъ сигару и медленно курилъ ее, чтобы бѣдные рабочіе воспользовались нѣсколькими лишними минутами отдыха, благодаря хорошему настроенію духа хозяина.

Когда онъ докуривалъ сигару, для сеньоровъ наставалъ новый моментъ развлеченія, старикъ опять начиналъ шагать съ дѣланной суровостью, и, отъ звука его голоса дрожало эхо сосѣднихъ холмовъ:

– За-а-ра-а-боту-у!..

Старый сеньоръ Ферминъ былъ одной изъ достопримѣчательностей Марчамалы, которую донъ-Пабло показывалъ своимъ гостямъ. Всѣхъ смѣшили его поговорки, его удивительныя, совершенно народныя выраженія и образы рѣчи, и совѣты, преподаваемые имъ напыщеннымъ тономъ. А старикъ принималъ ироническія похвалы сеньоровъ съ просто-сердечіемъ андалузскаго крестьянина, который еще и по настоящее время живетъ точно въ эпоху феодальнаго строя,

безъ той суровой независимости мелкаго крестьянина, считающаго землю своей собственностью. Къ тому же сеньоръ Ферминъ чувствовалъ себя на всю свою жизнь связаннымъ съ семьей Дюпоновъ. Онъ видѣлъ донъ-Пабло еще въ пеленкахъ, и хотя, въ обращеніи съ нимъ, и проявлялъ всѣ тѣ признаки, которыхъ требовалъ отъ всѣхъ властный хозяинъ, для старика донъ-Пабло продолжалъ оставаться какъ бы ребенкомъ и онъ относился къ его раздраженію и всѣмъ его вспышкамъ съ величайшѣе добродушіемъ.

Въ жизни приказчика былъ тяжелый періодъ нужды. Въ молодости онъ работалъ въ виноградникахъ въ ту хорошую пору, о которой съ такой грустью вспоминалъ старый техникъ фирмы Дюпонъ, въ ту пору когда рабочіе ѣздили иногда въ коляскахъ и надѣвали лакированные башмаки.

Живя въ довольствѣ, рабочіе тогдашняго времени имѣли возможность думать о высокихъ матеріяхъ, которыхъ они не могли хорошенько еще опредѣлить, но величіе которыхъ они смутно предчувствовали. Къ тому же все государство было въ великомъ переломѣ. Вблизи города Хереса, въ морскомъ порту, съ котораго вѣтерокъ доносился до виноградниковъ, правительственныя суда стрѣляли изъ пушекъ, чтобы возвѣстить королевѣ, что она должна сойти съ своего престола. Ружейная пальба въ Алколеѣ, въ противоположномъ концѣ Андалузіи, разбудила всю Испанію, «лицемѣрная династія Бурбоновъ» бѣжала, жизнь шла лучше и вино казалось вкуснѣе при мысли (утѣшительная иллюзія!), что вся-

кѣй владѣть маленькой частицей той власти, которая до того задерживалась руками одного лица. Къ тому же, какое убавливающее пѣніе стало раздаваться для бѣдняковъ, сколько похвалъ и лести расточалось народу, который нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ былъ ничто, а теперь сталъ всѣмъ!

Сеньоръ Ферминъ волновался, вспоминая эти счастливыя времена. Онъ въ ту пору какъ разъ еще и женился на «бѣдной мученицѣ», какъ онъ называлъ покойную свою жену. Всѣ товарищи по профессіи собирались въ трактирахъ каждый вечеръ, чтобы читать газеты, и стаканы съ виномъ ходили по рукамъ въ томъ изобиліи, которое позволялось хорошо оплачиваемою поденной платой. Неутомимо леталъ съ мѣста на мѣсто соловей, принявъ за рощи города, и дивное его пѣніе сводило съ ума людей, заставляя ихъ громко, во весь голосъ требовать республику... но непременно федеративную или никакую. Рѣчи Кастеляра читались иа вечернихъ собраніяхъ; проклятія, посылаемыя имъ прошлому, и его гимны домашнему очагу, матерямъ, и всему тому, что волнуетъ дѣтскую душу народа, заставляли ронять не одну слезу въ стаканы съ виномъ. Сверхъ того, черезъ каждые четыре дня получались въ городъ брошюрки гражданина Роке Барсья, адресованныя друзьямъ, съ частыми возгласами: «Слушай меня хорошенько, народъ», «подойди, бѣдняга, и я измѣрю твой голодъ и холодъ». — Все это умиляло виноградарей и пробуждало въ нихъ величайшее довѣріе къ сеньору, который обращался къ нимъ съ такой братской простотой.

Особенно льстило сеньору Фермину въ пору юношескихъ его восторговъ общественное положеніе тогдашнихъ революціонныхъ вождей. Никто изъ нихъ не былъ рабочимъ или поденщикомъ, а это, какъ ему казалось, еще болѣе подчеркивало цѣнность новыхъ воззрѣній. Самые прославленные защитники «идеи» въ Андалузїи вышли изъ того сословія, которое онъ, по атавистическому чувству – все еще продолжалъ уважать. Это были сеньоры изъ Кадикса, привыкшіе къ легкой и веселой жизни большого города, кабальеросы изъ Хереса, – люди знатные, владѣвшіе помѣстьями, прекрасно умѣвшіе обращаться съ оружіемъ. И даже аббаты принимали участіе въ движеніи и утверждали, что Христосъ былъ первымъ республиканцемъ и будто бы, умирая на крестѣ, сказалъ нѣчто вродѣ «свобода, равенство и братство».

И сеньоръ Ферминъ нимало не колебался, когда, послѣ митинговъ и громогласныхъ чтеній газетъ, ему пришлось отправиться въ экспедицію въ горы, съ ружьемъ въ рукахъ, для защиты Республики, которую не желали признать генералы, только что изгнавшіе изъ Испанїи королевскій домъ. Долгое время пришлось ему, скитаться по горамъ и не разъ вступать въ перестрѣлку съ тѣми самыми войсками, которыхъ онъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, вмѣстѣ со всѣмъ народомъ, встрѣтилъ рукоплесканіями, когда они, взбунтовавшись, проходили черезъ Хересь, по дорогѣ въ Альколею.

Въ эту пору онъ познакомился съ Сальватьерра, и воспылалъ къ нему такимъ чувствомъ восхищенія, которое не

охлаждѣло и впослѣдствіи. Бѣгство и долгіе мѣсяцы, проведенные въ Танжерѣ, были единственнымъ итогомъ его революціоннаго энтузіазма, и когда онъ могъ, наконецъ, вернуться на родину, онъ здѣсь увидѣлъ своего первенца-сына, рожденнаго ему бѣдной мученицей во время его экспедиціи въ горахъ.

Снова принялся онъ работать въ виноградникахъ, нѣсколько разочарованный дурнымъ исходомъ мятежа. Къ тому же, ставъ отцомъ, онъ сдѣлался эгоистичнѣе и думалъ больше о своей семьѣ, чѣмъ о державномъ народѣ, который могъ добиться свободы и безъ его поддержки. Услыхавъ, что республика все-таки провозглашена, онъ почувствовалъ, что энтузіазмъ его снова возрождается. Наконецъ-то въ странѣ республика! Теперь начнется хорошее житье! Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Хересь вернулся Сальватьерра... По его словамъ дѣятели въ Мадридѣ оказались измѣнниками, и республика вышла каррикатурной. И снова пришлось Фермину съ ружьемъ въ рукахъ драться въ Севильѣ, въ Кадиксѣ и въ горахъ изъ-за вещей, въ которыхъ онъ ничего не понималъ, но которыя должны былъ быть ясны какъ день, если Сальватьерра ихъ провозглашалъ. Это второе его приключеніе досталось ему не такъ дешево, какъ первое. Его арестовали и онъ провелъ долгое время въ Сеутѣ вмѣстѣ съ плѣнными карлистами и мятежными Кубинцами.

Когда онъ получилъ свободу и вернулся въ Хересь, жизнь здѣсь показалась ему болѣе печальной и тяжелой, чѣмъ въ

тюрьмѣ. «Бѣдная мученица» умерла въ его отсутствіе, а двое ея дѣтей, Ферминильо и Марія де-Лусъ, – были взяты на попеченіе родственниками Фермина. Работу было трудно достать, она оплачивалась плохо, вслѣдствіе чрезмѣрнаго обилія предложенія; а негодованіе противъ «петролеровъ», смутившихъ страну, было очень сильно. Бурбоны только что вернулись въ Испанію, и богатые помѣщики боялись нанимать мѣстныхъ рабочихъ, которые незадолго передъ тѣмъ угрожали имъ съ ружьемъ въ рукахъ, и обращались съ ними, какъ съ равными.

Сеньоръ Ферминъ, не желая явиться съ пустыми руками къ бѣднымъ родственникамъ, которые пріютили у себя его малютокъ, – занялся контрабандой. Кумъ и товарищъ его въ партизанской войнѣ Пако де-Альгаръ не былъ новичкомъ въ этомъ дѣлѣ. Были они кумовья потому, что Ферминъ былъ крестнымъ отцомъ Рафаэлильо, единственнаго сына сеньора Пако, у котораго, тоже какъ у Фермина, умерла жена во время его заключенія въ тюрьмѣ.

Кумовья занимались вмѣстѣ своими тягостными экспедиціями бѣдныхъ контрабандистовъ. Съ границы Гибралтара и до Хереса они подвергались массѣ опасностей, не разъ мимо ушей ихъ евистали пули таможенной стражи, у нихъ отнимали ихъ контрабанду – табакъ, ихъ избивали палками. А когда бѣднякамъ удавалось какъ-нибудь пронести малую толику табака, господа въ казино и кофейняхъ еще выторговывали у нихъ нѣсколько грошей. Неудача преслѣдовала ихъ

неотступно. Три раза къ ряду у нихъ отняли всю ихъ ношу табаку, и теперъ они оказались даже бѣднѣе, чѣмъ тогда, когда они въ первый разъ принялись за контрабанду. У нихъ были долги, казавшіеся имъ громадными, и мало уже кто соглашался даять имъ хоть грошъ для продолженія ихъ «дѣла».

Взявъ за руку Рафаэлильо, кумъ отправился съ нимъ въ себѣ на родину въ Альгаръ, чтобы пріискать тамъ поденную работу. А сеньоръ Ферминъ ежедневно выходилъ въ Хересѣ на площадь Нуэва, поджидая, не найметъ ли его кто-нибудь. Вотъ тутъ-то и познакомился Ферминъ со своимъ «ангеломъ покровителемъ», какъ онъ его называлъ, съ человѣкомъ, котораго онъ послѣ Сальватьерра чтилъ больше всѣхъ, со старикомъ Дюпономъ. Этотъ послѣдній, увидавъ его однажды, вспомнилъ уваженіе, выказанное ему въ то время Ферминомъ, когда тотъ ходилъ по Хересу, гордый своей цвѣтной шапкой и оружіемъ, звенѣвшимъ при каждомъ его шагѣ, словно ржавое желѣзо.

У Дюпона это былъ капризь богача, пожелавшаго дать кусокъ хлѣба нищему. Фермина онъ взялъ къ себѣ въ Марчамалу поденщикомъ. Мало-по-малу Ферминъ пріобрѣлъ довѣріе своего хозяина, который внимательно слѣдилъ за его работой.

Когда старый бунтовщикъ сдѣлался, наконецъ, приказчикомъ и управляющъ виноградника, взгляды его уже сильно измѣнились. Онъ считалъ себя какъ бы участникомъ фирмы Дюпона, гордился богатствомъ и значеніемъ донъ-Пабло и

начиналъ думать, что богатые не такіе уже дурные люди, какъ это думаютъ бѣдные. Онъ даже поступился нѣкоторою долей прежняго своего уваженія къ Сальватьерра, который въ это время скитался гдѣ-то, бѣжавъ изъ предѣловъ Испаніи. Ферминъ даже дерзнулъ признаться друзьямъ своимъ, что его дѣла идутъ не такъ-то ужъ плохо послѣ гибели политическихъ его иллюзій. Его дочь и невѣстка жили вмѣстѣ съ нимъ въ виноградникѣ, въ большомъ и просторномъ домѣ. Сынъ его посѣщаль школу въ Хересѣ, и донъ-Пабло общалъ сдѣлать изъ него «человѣка», въ виду его хорошихъ способностей. Ферминъ получаль ежедневно въ уплату три песета, только лишь за то, что онъ вель счетъ поденщикакъ, нанималъ ихъ, и смотрѣлъ за ними, чтобы они не прерывали работу раньше того, какъ онъ имъ объявить отдыхъ и дать позволеніе выкурить сигару.

И сеньора Фермина и его дѣтей всегда ласково принималк въ домѣ хозяевъ. Старикъ донъ-Пабло много смѣялся, когда по его просьбѣ Ферминъ рассказываль ему о своихъ приключеніяхъ въ горахъ то въ качествѣ герильерро, то въ качествѣ контрабандиста, вѣчно преслѣдуемаго карабинерами. Даже гордая донна Эльвира, сестра маркиза де-Санъ-Діонисіо, — всѣгда хмурая и всегда въ дурномъ настроеніи, точно она считала себя обиженной вслѣдствіе того, что она согласилась оединиться бракомъ съ какимъ-то Дюпономъ, все же относилась съ нѣкоторымъ довѣріемъ въ сеньору Фермину.

Приказчикъ былъ въ восторгѣ, когда видѣлъ дѣтей своихъ

играющихъ съ дѣтьми хозяина. Къ этимъ послѣднимъ иногда приооединялись и Луизито, сынъ умершаго брата донъ-Пабло, назначившій его опекуномъ надъ ребенкомъ и надъ оставленнымъ ему большимъ состояніемъ, и дочери маркиза де-Санъ-Діонисіо, двѣ бойкія и нехорошія дѣвочки, которыя дрались съ мальчиками и ни въ чемъ не уступали имъ.

Иногда пріѣзжалъ въ Марчамалу и самъ маркизь де-Санъ-Діонисіо, который несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ переворачивалъ здѣсь все вверхъ дномъ. Благочестивая донна Эльвира гордилась знатностью происхожденія своего брата, но отнюсилась съ презрѣніемъ къ нему какъ къ человѣку за его неслыханные кутежи, которые пріобрѣли печальную извѣстность этому носителю имени одного изъ самыхъ древнихъ родовъ города Хереса. Онъ проѣдалъ послѣдніе остатки своего громаднаго состоянія и повліялъ на сестру, чтобы она вышла замужъ за Дюпона, съ цѣлью имѣть пріютъ, когда настанетъ часъ полного его разоренія. Жилъ онъ въ древнемъ замкѣ, изъ котораго вся богатая мебелировка и драгоценные подарки разныхъ испанскихъ королей, пожалованные его предкамъ, исчезали мало-по-малу послѣ ночей, проведенныхъ имъ за игорнымъ столомъ, гдѣ счастье обернулось къ нему спиной.

Овдовѣвъ очень рано, маркизь держалъ при себѣ двухъ своихъ дочерей, которыя съ дѣтства наглядѣлись вволю на всякаго рода кутежи, приводившіе въ негодованіе сеньору Дюпонъ и прославившіе ея брата въ разныхъ кругахъ въ Хе-

ресѣ. Въ его домѣ дневали и ночевали цыгане и цыганки, то-реадоры и всякая богема. Его играмъ, кутежамъ и всякимъ любовнымъ исторіямъ не было конца. Въ довершеніе всего онъ былъ еще и атлетъ, и лучший наѣздникъ въ Хересѣ, и остроумный шутникъ. Сеньоръ Ферминъ удивлялся негодованію, съ которымъ сестра маркиза относилась въ его кутежамъ и разнымъ выходкамъ. Такому прекрасному человѣку, какъ думалъ Ферминъ, не надо было бы и умирать. Однако онъ умеръ. Умеръ онъ, когда уже былъ окончательно разоренъ и когда его шурина Дюпонъ наотрѣзъ отказался снова ссудить его деньгами, а предложилъ переѣхать къ нему въ домъ и пользоваться широко его гостепріимствомъ во всемъ, что ему окажется нужнымъ, за исключеніемъ денегъ.

Дочери его, тогда уже почти взрослыя, обращали на себя вниманіе своей красотой и свободнымъ обращеніемъ съ мужчинами. По смерти отца онѣ перешли жить къ благочестивой теткѣ своей, доннѣ Эльвирѣ. Присутствіе этихъ прелестныхъ чертенятъ вызвало массу непріятныхъ домашнихъ сценъ, омрачившихъ послѣдніе годы жизни дона-Пабло Дюпона. Его жена не могла выносить безстыднаго поведенія сводхъ племянницъ. Онѣ всполошили и разстроили спокойную жизнь въ домѣ, точно принесли съ собой какой-то привкусъ и отзвукъ распущенности маркиза. Благородная сеньора Эльвира съ негодованіемъ относилась ко всему тому, что нарушало торжественную стройность ея жизни и ея салона. Ей казалось, что даже и мужъ ея со своими привычками ра-

бочаго, вовсе не подходит къ ней и къ ея обществу, и она чувствовала, что ее соединяетъ съ нимъ лишь только слабая связь какъ бы съ торговымъ компаньономъ. Всю свою любовь она сосредоточила на старшемъ сынѣ, который, какъ она говорила, весь пошелъ въ родъ Санъ-Діонисіо, и ни капли не походилъ на Дюпоновъ.

Съ гордостью думала она о милліонахъ, которые наслѣдуютъ ея дѣти, и въ то же время презирала тѣхъ, кто ихъ копилъ. Съ чувствомъ брезгливости вспоминала она о происхожденіи громаднaго состоянія Дюпоновъ, какъ по слухамъ передавали о немъ старожилы города. Первый изъ Дюпоновъ прибылъ въ Хересь въ началѣ вѣка совершеннымъ нищимъ и поступилъ здѣсь на службу къ своему соотечественнику-французу, у котораго была виноторговля. Во время войны за независимость хозяинъ Дюпона бѣжалъ изъ опасеній народныхъ неистовствъ, довѣривъ все свое состояніе своему соотечественнику и любимому слугѣ. А этотъ послѣдній, громко ругая Францію и восхваляя Фердинанда VII, достигъ того, что къ нему отнеслись хорошо и что дѣла виноторговли, которую онъ привыкъ считать своей, стали процвѣтать. Когда же по окончаніи войны вернулся въ Хересь настоящій владѣлецъ магазина, Дюпонъ отказался признать его, говоря себѣ самому, чтобы заглушить голосъ своей совѣсти, что онъ имѣетъ полное право присвоить себѣ виноторговлю, такъ какъ, не боясь опасности, стоя лицомъ къ лицу къ ней — онъ одинъ велъ дѣла фирмы. Довѣрчивый французъ, больной и

удрученный такимъ предательствомъ, исчезъ навсегда.

Высокородная донна Эльвира, ежемянуто выставлявшая на видъ знатность своего происхожденія, чувствовала живую боль въ сердцѣ, когда вспомнила объ этой исторіи. Но она скоро уснокаивалась, подумавъ о томъ, что часть громаднаго ихъ состоянія пожертвована ею церквамъ и благотворительности.

Смерть дон-Пабло была для нея какъ бы освобожденіемъ. Старшій ея сынъ только что женился и будетъ директоромъ фирмы. Въ душѣ этотъ ея сынъ – истый Санъ-Діонисіо, и такимъ образомъ, какъ ей казалось, изглаживается вполнѣ его въ нѣкоторомъ родѣ позорное происхожденіе отъ Дюпюновъ; а небо отнынѣ будетъ еще сильнѣе покровительствовать торговой фирмѣ. Изъ числа всѣхъ близкихъ и друзей старика донъ-Пабло сеньоръ Ферминъ искренне и больше всѣхъ оплакивалъ его смерть. Онъ не забылъ, что тотъ былъ его покровителемъ. Сколько добра онъ сдѣлалъ ему! Благодаря донъ-Пабло и сынъ Фермина сталъ кабальеро. Увидавъ понятливость и умъ мальчика, поступившаго въ контору въ качествѣ разсылнаго на побѣгушкахъ, донъ-Пабло протянулъ ему руку помощи. Мальчикъ учился у Сальватьерра. Послѣ своей эмиграціи въ Лондонъ, революціонеръ, вернувшійся въ Испанію съ жаждой солнца и деревенскаго спокойствія, отправился жить въ Марчамалу, въ домъ стараго своего друга. Пріѣзжая въ свой виноградникъ, миллионеръ встрѣчался здѣсь иногда съ революціонеромъ, гостившимъ безъ

его разрѣшенія въ его имѣнїи. Сеньоръ Ферминъ думалъ, что, когда дѣло идетъ о столь заслуженномъ человѣкѣ, совершенно излишне спрашивать позволенія хозяина. Съ своей стороны и Дюпонъ отиосился съ уваженіемъ къ честному и милому характеру агитатора, а также и эгоизмъ торговаго человѣка совѣтовалъ ему выказывать благорасположеніе донъ-Фернандо.

Сеньоръ Ферминъ не зналъ, случилось ли это по оовѣту дона-Фернандо, или же по собственной его инициативѣ, но вѣрно лишь то, что хозяинъ рѣшилъ послать Ферминильо, который отлично преуспѣвалъ въ занятіяхъ, для изученія англійскаго языка за счетъ фирмы въ Лондонъ, здѣсь юноша и пробылъ долгое время въ отдѣленіи бodeги въ Коллинсъ-Стритѣ.

Находясь въ Лондонѣ, Ферминильо въ письмахъ оттуда сообщалъ, что доволенъ своею жизнью. Но старикъ Ферминъ сильно скучалъ въ одиночествѣ. Его покровитель умеръ, Сальватьерра скитался гдѣ-то далеко, а кумъ Фермина, Пако, умеръ отъ простудной болѣзни. Сынъ его, Рафаэль, въ то время восемнадцатилѣтній юноша, прекрасный работникъ, явился въ виноградникъ, чтобы сообщить, извѣстіе о смерти отца крестному.

— Что же ты намѣренъ теперь дѣлать, паренекъ? — спросилъ старикъ крестшника.

Юноша улыбнулся, услыжавъ, что сеньоръ Ферминъ ведетъ рѣчь о помѣщеніи его работникомъ въ какой-нибудь ви-

ноградникъ. Онъ не желаетъ обрабатывать землю. Онъ ее ненавидитъ. Ему нравятся лошади, ружья. Онъ можетъ объѣздить какого угодно коня, а стрѣляя попадетъ въ какую угодно цѣль – соперниковъ въ этомъ отношеніи у него нѣтъ. Онъ жаждетъ приключеній и потому займется контрабандой.

– Словомъ, крестный, съ такими данными, какія имѣются у меня, нельзя умереть съ голоду.

И Рафаэль не умеръ съ голоду. Старикъ Ферминъ восхищался имъ, когда тотъ пріѣзжалъ въ Марчамалу, верхомъ на сильномъ, рыжемъ конѣ, одѣтый точно богатый сельскій помѣщикъ, и всегда съ ружьемъ, прикрѣпленнымъ къ сѣдлу. Старый контрабандистъ былъ наверху блаженства, слушая рассказы о подвигахъ Рафаэля.

Рафаэль занимался не только ввозомъ табака, но и контрабандой шелковой матеріи и роскошныхъ китайскихъ шарфовъ и платковъ. Передъ умленнымъ крестнымъ и его дочерью Маріей, устремлявшей на него свои огненные глаза, юноша вынималъ пригоршнями изъ кармановъ золотыя монеты, словно это были мѣдные пятаки, и кончалъ тѣмъ, что вытаскивалъ изъ своихъ сумокъ какой-нибудь необычайно изящный шарфъ, или же кружева, и дарилъ ихъ дочери приказчика.

Двое молодыхъ людей обмѣнивались долгими и страстными взглядами, но разговаривая, чувствовали большую робость, какъ будто они не знали другъ друга съ дѣтства и не

играли вмѣстѣ, когда сеньоръ Пако по вечерамъ являлся въ виноградникъ, посѣщая стараго своего товарища.

Крестный лукаво улыбался, видя смущеніе двухъ молодыхъ людей.

— Кажется, вы какъ будто впервые видите другъ друга. Говори съ Маріей безъ всякаго стѣсненія, такъ какъ я знаю, что ты желаешь быть нѣчто большимъ для меня, чѣмъ моимъ крестникомъ... Жаль, что ты выбралъ себѣ такую професію.

И старикъ совѣтоваль ему откладывать деньги, разъ судьба ему благопріятствуетъ. Откладывать!.. Рафаэль смѣялся надъ этой мыслью. Ему хотѣлось широко жить и наслаждаться, и онъ кидаль деньги во всѣ стороны въ попойкахъ и пиршествахъ. Когда же, среди бурной его жизни, у него мелькало сомнѣніе относительно будущаго, онъ видѣль, закрывъ глаза, граціозную улыбку Маріи де ла Лусъ, слышалъ ея голосъ, говорившій ему всегда одно и то же, когда онъ появлялся въ виноградникѣ:

— Рафаэль, мнѣ рассказываютъ о тебѣ многое, и все дурное. Но ты хорошій! Вѣдь правда, ты перемѣнишься?

И Рафаэль клялся самому себѣ, что онъ перемѣнится, чтобы Марія не глядѣла на него такими грустными глазами, когда она еще издали видѣла, какъ онъ ѣдетъ по пыльной дорогѣ.

Однажды ночью собаки въ Марчамалѣ страшно принялись лаять. Дѣло было близко къ разсвѣту, и старый приказ-

чикъ, схвативъ ружье, открылъ окно. На площадкѣ виднѣлся державшійся за шею коня всадникъ, а конь тяжело дышалъ, и ноги его дрожали, точно онъ сейчасъ свалится.

– Откройте, крестный, – сказалъ всадникъ слабымъ голосомъ. – Это я, Рафаэль, я раненъ. Мнѣ кажется, что меня прострѣлили насквозь.

Сеньоръ Ферминъ довелъ его въ домъ, и Марія, выглянувъ изъза ситцеваго занавѣса своей комнаты, испустила громкій крикъ. Забывъ всякій стыдъ, дѣвушка выбѣжала въ одной рубашкѣ, чтобы помочь отцу, который уже терялъ силы, поддерживая юношу, блѣднаго какъ смерть. Одежда на немъ была пропитана запекшейся кровью, а свѣжая продолжала капать изъ-подъ его плаща на полъ. Рафаэль, свалившись на кровать, рассказалъ въ отрывочныхъ словахъ старику, какъ все случилось съ нимъ, и затѣмъ упалъ въ обморокъ.

Онъ повстрѣчался ночью въ горахъ съ таможенной стражей, и кого-то ранилъ, чтобы прорваться сквозь отрядъ, но также и ему была послана вслѣдъ пуля, засѣвшая у него въ плечѣ. Теперь онъ желаетъ скрыться, чтобы не быть арестованнымъ, а для этого нѣтъ лучшаго убѣжища, какъ Марчамала въ то время года, когда нѣтъ работъ и виноградари отсутствуютъ. Къ тому же, если ему судьба умереть, онъ желаетъ умереть среди тѣхъ, которые ему дороже всѣхъ на свѣтѣ. И говоря это, глаза его широко раскрылись, онъ старался высказать ими ласку дочери надсмотрщика.

– Рафае, Рафаэ, – всхлипывала Марія, наклоняясь надъ

раненымъ.

И забывъ свойственную ей сдержанность и стыдливость, она едва не бросилась цѣловать его въ присутствіи отца.

Загнанная лошадь околѣла на слѣдующее же утро, а хозяинъ ея остался живъ, пролежавъ недѣлю между жизнью и смертью. Сеньоръ Ферминъ привезъ изъ Хереса доктора, большого пріятеля Сальватерры, а Марія не отходила отъ постели Рафаэля. Наконецъ, опасность миновала, и рана стала быстро заживать.

По вечерамъ, когда Рафаэль уже всталъ съ постели, сеньоръ Ферминъ брадъ гитару и звалъ пѣть Марію, чтобы развеселить больного.

Дѣвушка пѣла, улыбаясь глазами Рафаэлю, который слушалъ ее въ экстазѣ, такъ какъ голосъ Маріи былъ дѣйствительно прелестный и слава о немъ прогремѣла уже на всю округу. На Страстной недѣлѣ, когда она пѣла въ процессіи, отовсюду собирались, чтобы послушать ея пѣніе. И двое мужчинъ, слушавшихъ ее теперь въ виноградникѣ, ея отецъ и Рафаэль, были глубоко взволнованы дивнымъ ея пѣніемъ. Сеньоръ Ферминъ, внѣ себя отъ восторга, бросалъ свою шапку къ ея ногамъ и восклицалъ:

— Да здравствуетъ моя дѣвочка! Да здравствуетъ ея золотое горлышко! Да здравствуетъ родившая ее мать, а также и ея отецъ!

Когда Рафаэль достаточно окрѣпъ и поправился, наступилъ вскорѣ конецъ задушевному общенію этихъ трехъ лицъ.

Однажды вечеромъ Рафаель поговорилъ наединѣ съ сеньоромъ Ферминомъ. Онъ не можетъ дольше оставаться здѣсь; скоро появятся виноградари и Марчамала обратится вновь въ заселенный городокъ. Теперь онъ уже не боится преслѣдованій, но рѣшилъ не возвращаться къ прежнему образу жизни. Страхъ онъ не чувствуетъ никакого, но носитя съ планами для своего будущаго. Ему хотѣлось бы имѣть семью, какъ его отецъ, какъ его крестный, Поэтому онъ желаетъ отыскать себѣ болѣе спокойныхъ и почетныхъ занятій, хотя бы ему пришлось терпѣть голодь.

Тогда-то сеньоръ Ферминъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на Дюпоновъ, добился того, что Рафаель получилъ мѣсто завѣдующаго фермой въ Матансуэло, имѣніи племянника покойнаго Дона-Пабло.

Этотъ племянникъ дона-Пабло – Луисъ – только что вернулся въ Хересь послѣ долгаго скитанія по всѣмъ университетамъ Испаніи. Его дядя и опекунъ требоваль отъ него, чтобы онъ кончилъ университетскій курсъ, и при жизни его, онъ уступилъ, и вель существованіе студента, занимая подъ громадныя проценты большія денежныя суммы у ростовщиковъ. Но когда его дядя умеръ, онъ отказался играть дальше комедию научныхъ сводхъ занятій. Донъ-Луисъ былъ богатъ и не желаль терять времени на вещи, которыя его нисколько не интересовали. Онъ путешествоваль по всей Испаніи съ цѣлью добиться того, чтобы его считали авторитетомъ по вопросамъ тауромахіи, и у него былъ свой излюб-

ленный матадоръ, которому онъ покровительствовалъ, котораго онъ превозносилъ и держалъ за него пари. Сверхъ того у него была еще и другая страсть – страсть къ лошадямъ. Не было кровнаго жеребца въ Хересъ, котораго онъ не старался бы перебить у двоюроднаго своего брата, и не спѣшилъ бы купить за какую бы то ни было цѣну. Но самыя преобладающія въ немъ страсти были – страсть къ женщинамъ и къ головорѣзамъ, которыми онъ вѣчно себя окружалъ. Къ женщинамъ онъ не выказывалъ особенной щедрости, требуя отъ нихъ, чтобъ онѣ любили его ради него самого, и искренно вѣря въ то, что всѣ женскія сердца не могутъ не затрепетать, когда онъ покажется на улицѣ верхомъ на только это купленномъ имъ кровномъ рысакѣ. Со свитой же сопровождающихъ его паразитовъ и головорѣзовъ онъ былъ болѣе щедръ, и очень тщеславился этой своей гвардіей. Часто, находясь въ «Circulo Caballista», онъ указывалъ на какого-нибудь человѣка весьма непривлекательнаго вида, ожидавшаго его у дверей клуба. – Это вотъ Чиво, – говорилъ онъ съ гордостью правителя государства, называющаго одного изъ великихъ своихъ полководцевъ: – у него на тѣлѣ болѣе пятидесяти рубцовъ отъ зажившихъ ранъ.

Когда сеньоръ Ферминъ заговорилъ съ донъ-Луисомъ о Рафаэлѣ, молодой сеньоръ тотчасъ же согласился взять его къ себѣ на службу. Онъ уже слышалъ объ этомъ юношѣ, считаетъ его однимъ изъ своихъ (и говоря это, онъ принималъ покровительственный тонъ владыки) и помнить о томъ

ужасъ, который онъ нагонялъ на таможенную стражу.

– Я возьму тебя на мою ферму Матансуэла, – рѣшилъ онъ, ласково хлопнувъ по плечу Рафаэля. – Мой теперешній смотритель полуслѣпой старикгъ, надъ которымъ поденщичи смѣются. А вѣдь извѣстно, чтл такое рабочіе – это скверный народъ. Съ ними необходимо имѣть хлѣбъ въ одной рукѣ, а палку въ другой. Мнѣ нуженъ такой человекъ какъ ты, который ихъ всѣхъ заткнеть бы себѣ за поясъ и заботился бы о моихъ интересахъ.

И Рафаэль поселился на мызѣ, являясь въ виноградникъ только, разъ въ недѣлю, когда онъ ѣздилъ въ Хересь, чтобы дѣлать докладъ хозяину о дѣлахъ въ имѣніи. Но въ городѣ ему часто приходилось разыскивать дон-Луиса въ квартирѣ какой-нибудь изъ его «дамъ». Онъ принималъ здѣсь своего управителя, лежа въ постели, рекомендовалъ ему «твердость» въ обращеніи съ лѣнтями-поденщиками, и совѣтовалъ всѣхъ ихъ «заткнуть себѣ за поясъ».

Несмотря на эти, высказываемыя донъ-Луисомъ «идеи», донъ-Пабло терпѣть не могъ своего двоюроднаго брата, считая, что онъ лишь позорить ихъ семью. Этотъ родственникъ, повторявшій въ своемъ образѣ жизни скандалы и кутежи маркиза Санъ-Діонисіо, былъ очень неудобень для фирмы, вызывавшей къ себѣ всеобщее уваженіе. Бѣда эта усиливалась еще присутствіемъ въ домѣ Дюпоновъ двухъ дочерей маркиза, Лола и Мерседесъ. Ихъ крайне легкомысленное поведеніе приводило въ отчаяніе дону-Эльвиру. Наконецъ,

одинъ изъ поклонниковъ дѣвушевъ поспѣшилъ посвататася къ Лола, точно боясь, что она ускользнетъ отъ него.

Свадьба эта явилась освобожденіемъ для обѣихъ сестеръ. Незамужняя переѣхала жить къ замужней, и вскорѣ въ домѣ мужа онѣ ввели тѣ же обычаи и нравы, которыхъ онѣ придерживались въ домѣ Дюпововъ. Мерседесъ проводила ночь за рѣшеткой окна въ интимныхъ бесѣдахъ со своими ухаживателями: ея сестра сопровождала ее, и говорила съ друзьями, чтобы не терять времени попусту. Мужъ протестовалъ, но и жена и ея сестра негодовали на то, что онѣ осмѣливается подобныя невинныя развлеченія ихъ толковать оскорбительно для ихъ цѣломудрія.

Сколькоо горя причинили эти двѣ «маркезиты», ихъ называли въ городѣ, – строгой доньѣ-Эльвирѣ!.. Незамужняя, Мерседесъ, бѣжала съ богатымъ англичаниномъ. Время отъ времени о ней доходили неопредѣленные слухи, заставлявшіе блѣднѣть отъ бѣшенства благородную сеньору. То ее видѣли въ Парижѣ, то въ Мадридѣ, ведущей жизнь элегантною «кокотки». Она часто мѣняла своихъ покровителей, которыхъ въ изобиліи привлекала къ себѣ своею красотой. Къ тому же на нѣкоторыхъ изъ нихъ производилъ немалое впечатлѣніе ея титулъ маркизы де-Санъ-Діонисіо, и дворянская корона, которою она украшала ночныя свои рубашки и простыни постели, посѣщаемой столь же усиленно, какъ и панель людной улицы.

Вдова Дюпона чуть не умерла отъ стыда, узнавъ обо

всѣхъ вѣщъ вѣщахъ. Господи Боже, для этого-то появились на свѣтъ знаменитые члены ихъ рода, – вице-короли, архіепископы и генералы, которыхъ короли награждали титулами и имѣніями!.. Чтобы вся ихъ слава служила лишь рекламной женщиной дурного поведенія!.. И все-таки еще Мерседесъ оказалась лучшей изъ двухъ сестеръ! По крайней мѣрѣ, она хоть бѣжала, чтобы не позорить свою семью въ родномъ ихъ городѣ, и если она и жила въ грѣхѣ, то лишь только съ людьми всегда приличными, занимавшими извѣстное положеніе въ свѣтѣ. Но младшая, замужняя, эта, казалось, имѣла въ виду погубить всѣхъ своихъ родныхъ, покрывъ ихъ позоромъ. Послѣ бѣгства Мерседесъ семейная жизнь Лолы превратилась чисто въ адъ. Мужъ ея терзался ревностію, онъ не зналъ, кого считать своимъ соперникомъ, такъ какъ Лола стала обращаться со всѣми одинаково развязно, словно всѣмъ предлагая себя своими взглядами. Домашнія исторіи были непрерывны, скандалы стали такими невыносимыми, что, наконецъ, мужъ счелъ нужнымъ переѣхать къ своимъ родителямъ, и «маркезита» зажила одна во все свое удовольствіе. Кутежи, шумъ, драки, пьяныя ласки, которыя она мелькомъ видѣла въ родительскомъ домѣ, привлекали ее съ атавистической силой и она отдавалась имъ безъ всякаго угрызенія совѣсти, точно продолжая семейную традицію. Въ своихъ вочныхъ экскурсіяхъ, идя подъ руку съ торговцемъ свиньями, который въ ту пору пользовался временнымъ ея расположеніемъ, она иногда встрѣчалась съ Луисомъ Дюпо-

номъ и его веселой свитой, и они кутили и напивались всѣ вмѣстѣ.

Послѣдней любовью «маркезиты» былъ курносый атлетъ, торговецъ свиньями, съ которымъ она жила въ предмѣстьи Хереса; какая-то тайная привлекательность этого сильнаго самца всецѣло поработала ее. Она гордилась имъ, и хотя, случалось, иногда и уходила отъ него на нѣсколько дней, но возвращалась всегда сама, и тогда весь кварталъ слышалъ крики «маркезиты», которую ея возлюбленный таскалъ за волосы и биль.

Богатая и благочестивая семья, состоявшія въ узахъ родства съ Санъ-Діонисіо, говорили съ покорностью: — Должно быть, она сумасшедшая. Но не могли покорится Дюпони, — донъ-Пабло и его мать, — которые всякій разъ, когда они встрѣчали на улицѣ Лола съ ея рыжими волосами и наглой улыбкой, возвращались домой смущенные и въ самомъ ужасномъ настроеніи духа. Они уѣзжали на долгое время изъ Хереса въ Марчамалу, чтобы избѣжать встрѣчи съ маркезитой и съ людьми, говорившими объ ея эксцентричностяхъ.

Благодаря продолжительному пребыванію своему въ Марчамалѣ Дюпонъ наконецъ, привелъ въ исполненіе давнишнее свое намѣреніе, выстроивъ вмѣсто стараго зданія красивый и роскошный новый домъ для своей семьи. Но онъ не перестроилъ жилище для виноградарей, и сохранилъ старую людскую, почернѣвшую отъ дыма, въ которой спали поденщики.

III

Когда дюжина собакъ, которыхъ держали на фермѣ Матансуэла, — борзые, дворняжки и таксы — чуяли въ полдень приближеніе смотрителя, онѣ привѣтствовали его громкимъ лаемъ, и когда дядя Антоніо, извѣстный подъ прозвищемъ Сарандилья, выходилъ къ воротамъ навстрѣчу Рафаэлю.

Старикъ былъ прежде, въ теченіе долгихъ лѣтъ, смотрителемъ фермы. Его взяли къ себѣ на службу еще отецъ веселаго донъ-Луиса, но этотъ послѣдній, желавшій окружать себя лишь молодыми людьми, а также въ виду старости и плохого зрѣнія Сарандильи, замѣнилъ его Рафаэлемъ. Еще благодареніе Богу, какъ говорилъ дядя Антоніо со своѣмъ крестьянскимъ смиреніемъ, что хозяинъ не послалъ его собирать милостыню по большимъ дорогамъ, а позволилъ жить на фермѣ съ женой, съ тѣмъ однако, чтобы она присматривала за домашней птицей, а онъ помогаль въ уходѣ за поросятами.

Два инвалида борьбы съ землей не имѣли другого просвѣта въ тяжеломъ своемъ положеніи, какъ только хорошее отношеніе къ нимъ Рафаэля. Только доброта новаго смотрителя облегчала ихъ участь. Дядя Сарандилья проводилъ цѣлые часы, сидя на одной изъ скамеевъ у воротъ, устремивъ взглядъ своихъ помутнѣвшихъ глазъ въ поля съ безконечными ихъ бороздами, и смотритель не укорялъ его за старческую лѣнь. Старуха любила Рафаэля, какъ родного сына. Она

присматривала за его бѣльемъ и обѣдомъ, а онъ платилъ ей подарками за ея услуги. Рафаэль по добротѣ и красивой наружности своей походилъ на единственнаго ихъ сына, который умеръ, въ бытность свою солдатомъ, въ Кубѣ. Сеньора Эдувихись часто бранила мужа за то, что, по ея мвѣнію, онъ не былъ достаточно любезнымъ и предупредительнымъ относительно Рафаэля. Прежде чѣмъ собаки возвѣщали лаемъ о его приближеніи, она слышала топотъ его лошади.

– Скорѣй, – кричала она своему мужу, – ты развѣ не слышишь, что ѣдетъ Рафаэль? Бѣги, поддержи ему стремя.

Пока старикъ это дѣлалъ, а затѣмъ уводилъ лошадь въ конюшню, Рафаэль весело направлялся въ кухню къ Эдувихись и спрашивалъ, что ему дадутъ сегодня въ обѣду. Они садились втроемъ за столъ, и Сарандилья бросалъ жадный взглядъ на бутылку съ виномъ, къ которой онъ протягивалъ дрожащія руки. Это была роскошь, введенная въ обычай Рафаэлемъ, такъ же какъ и сигары, которыя двое мужчинъ медленно выкуривали послѣ обѣда, говоря о работахъ на фермѣ. Смотритель рассказывалъ о поѣздкѣ на пастбища дона-Луиса, гдѣ зимовали стада – коровы и кобылы фермы. За ними присматривали пастухъ и два подпасака, получавшіе всѣ втроемъ поденную плату лишь въ двѣ песеты, а ихъ попеченію было довѣрено восемьсотъ коровъ и сто быковъ, стоящіе сотни тысячъ песеть! Рафаэль удивлялся честности, кротости и добротѣ этихъ бѣдныхъ людей. Сарандилья подтверждалъ мысли, высказанныя Рафаэлемъ. Дѣйствительно, наи-

болѣ честные люди, это – бѣдняки. И ихъ еще боятся, считаютъ ихъ дурными?! Онъ ставить ни во что честность городскихъ сеньоровъ.

– Подумай, Рафаэ, какая заслуга въ томъ, скажемъ къ примѣру, если донъ-Пабло Дюпонъ, при всѣхъ своихъ милліонахъ, окажется добрымъ и ни у кого ничего не украдетъ? Настоящіе добрые люди – одни лишь бѣдняки, одни мы.

Но смотритель не выказывалъ такого же оптимизма, какъ старикъ. По его мнѣнію, поденщики, хотя они и бѣдные люди, но и у нихъ достаточно пороковъ, а главное, они лѣнтяи. Сарандилья негодовалъ, слушая такія рѣчи Рафаэля. А какими же онъ желалъ бы видѣть поденщиковъ? Какой могутъ они чувствовать интересъ къ своей работѣ? Онъ помнить времена, когда онъ и Эдувихисъ работали поденно. Что это была за жизнь?... Работать цѣлый день подъ лучами палящаго солнца или же въ стужу, не получая большаго вознагражденія, какъ два реала въ день и пять реаловъ только во время жатвы. Правда, хозяинъ давалъ харчи, но что это были за харчи! Лѣтомъ имъ временно давали похлебку съ горохомъ, ѣду, выходящую изъ ряда вонъ, о которой они вспоминали весь годъ. Въ остальные же мѣсяцы харчи составлялъ лишь хлѣбъ, одинъ лишь хлѣбъ. Сухой хлѣбъ по рукамъ и горячую похлебку, или же тюрю изъ того же хлѣба – вотъ и все, точно не существовало ничего другаго на свѣтѣ для бѣднаго народа, какъ только хлѣбъ, немного соли, нѣсколько луковиць, вотъ и вся приправа. Что же можетъ быть привле-

кательнаго въ работѣ для поденщиковъ, которые, не достигнувъ еще и тридцати пяти лѣтъ, уже чувствуютъ себя одряхлѣвшими и стариками?

Однажды вечеромъ, въ февралѣ, смотритель и Сарандилья толковали о работахъ на фермѣ въ то время какъ Эдувихись мыла посуду въ кухнѣ. Кончился посѣвъ гороха, фасоли и чечевицы. Теперь толпа поденщиковъ и поденщицъ была занята тѣмъ, что полола хлѣбныя нивы. Сарандилья, – полуслѣпота котораго, повидимому, обостряла его слухъ, прервалъ Рафаэля, повернувъ голову въ сторону, какъ бы для того, чтобы лучше слышать, и сказалъ:

– Мнѣ кажется, гремитъ громъ...

Рафаэль сталъ прислушиваться. Дѣйствительно, гдѣ-то вдали слышались раскаты грома: собиралась гроза. Она и разразилась съ необычайной силой. Полился дождь, какъ изъ ведра, и двое мужчинъ должны были укрыться подъ входной аркой, откуда сквозь рѣшетку воротъ видать было лишь небольшой кусочекъ поля.

Отъ почвы, на которую падали дождевые потоки, несся теплый паръ и запахъ мокрой земли. Вдали, по бороздамъ поля, превращеннымъ въ ручьи, бѣжала толпа рабочихъ, направляясь въ ферму, и съ ихъ плащей лилась грязная вода. Рафаэль обратилъ вниманіе на двухъ отдѣльныхъ лицъ, медленно приближавшихся къ фермѣ. Одинъ изъ нихъ велъ за уздечку осла, навьюченнаго большими сумками изъ плетеной соломы, изъ-за которыхъ едва виднѣлись уши и хвостъ

животнаго.

Смотритель узналъ того изъ нихъ, который велъ за уздечку осла, понукая его, чтобы онъ шелъ скорѣй. Звали его Маноло; это былъ старый поденщикъ.

Послѣ одной изъ стачекъ крестьянъ хозяева указывали другъ другу на Маноло какъ на одного изъ главныхъ зачинщиковъ. Не получая вслѣдствіе того нигдѣ работы, онъ существовалъ лишь тѣмъ, что переходя изъ фермы въ ферму въ качествѣ коробейника, продавалъ женщинамъ мелкій товаръ – платки, ленты и куски полотна, а мужчинамъ вино, водку и прокламаціи, старательно спрятанныя у него въ сумкахъ.

Только въ Матансуэлу и еще въ очень немногія фермы могъ Маноло проникнуть, не вызывая тревоги и не встрѣчая противодѣйствія.

Рафаэль всматривался въ другого человѣка, въ товарища коробейника, который ему тоже казался знакомымъ, но не могъ припомнить, кто это такой. Онъ шелъ, заложивъ руки въ карманы, весь промокнувъ отъ дождя, дрожа отъ холода, потому что не имѣлъ плаща, какъ его товарищъ. Однако, несмотря на это, онъ шелъ не торопясь, словно дождь и вѣтеръ нимало не беспокоили его.

– Привѣтъ, товарищи! – сказалъ Маноло, проходя мимо воротъ фермы. – Вотъ такъ погода, просто ужась!..

Тутъ только Рафаэль узналъ того, который сопровождалъ торговца, увидавъ его безкровное лицо аскета, рѣдкую бо-

родку и добрые, угасающіе глаза, смотрѣвшіе сквозь голубоватыя стекла очковъ.

– Донъ-Фернандо! – воскликнулъ онъ съ удивленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, это былъ донъ-Фернандо.

И выйдя изъ-подъ воротъ, въ бушующій разливъ дождя, Рафаэль взялъ дон-Фернандо за руку, чтобы заставить его войти во дворъ. Тотъ сопротивлялся, желая идти съ товарищемъ нѣсколько дальше, въ людскую. Но Рафаэль усиленно протестовалъ. Добрый пріятель его крестнаго, тотъ, который былъ начальникомъ его отца, не хочетъ зайти въ нему...

И почти насильно онъ введъ его въ ферму, въ то время какъ Маноло отправился дальше, въ людскую.

– Иди, иди, – поощрилъ его Сарандилья. – Поденщики навѣрное раскупятъ всѣ твои бумаженки и имъ будетъ чѣмъ заняться, пока льетъ дождь. Мнѣ кажется, что дождливое время установится теперь надолго!

Сальватьерра вошелъ въ кухню фермы, и Эдувихись, чувствуя состраданіе къ промокнутому насквозь «бѣдному сеньору», торопливо запалила огонь въ очагѣ.

А Сарандилья обратился къ ней съ нѣкоторою торжественностью, говоря:

– Знаешь ли ты, кто этотъ кабальеро, Эдувихись?... Навѣрное нѣтъ... Это донъ-Фернандо Сальватьерра, тотъ самый сеньоръ, о которомъ столько писади въ газетахъ и который защищаетъ бѣдныхъ.

Между тѣмъ смотритель отыскивалъ бутылку цѣннаго ви-

на, подаренную ему нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ крестнымъ. Наконецъ онъ нашель ее и, наливъ стаканъ, предложилъ его дону-Фернандо.

– Благодарю, я не пью.

– Но это вино первѣйшаго сорта, сеньоръ, – сказала Сарандилья. – Выпейте, милость ваша – вино очень вамъ полезно, послѣ того какъ вы промокли.

Сальватьерра сдѣлалъ отрицательный жестъ рукою.

– Еще разъ благодарю: я не беру въ ротъ вина.

Сарандилья взглянулъ на него съ изумленіемъ. Что за исторія!.. По справедливости счѣтають этого дона-Фернандо совсѣмъ особеннымъ человѣкомъ.

Рафаэль просилъ его съѣсть что-нибудь, и велѣлъ старухѣ приготовить скорѣе яичницу и подать ветчину, которую хозяинъ привѣзъ въ одно изъ своихъ посѣщеній. Но Сальватьерра рѣшительно отказался. Все это лишнее, у него съ собой весь его ужинъ. И онъ вынулъ изъ кармана мокрую бумагу, въ которой были завернуты кусокъ хлѣба и сыра.

– Но, по крайней мѣрѣ, вы не откажетесь покурить, донъ-Фернандо? – спросилъ Рафаэль, предлагая ему сигару.

– Благодарю васъ, я не курю.

Старикъ Сарандилья не могъ дольше сдерживаться. Даже и не курить?... Теперь понятно удивленіе нѣкоторыхъ людей. Человѣкъ, у котораго такъ мало потребностей, вызываетъ даже страхъ, словно онъ пришлецъ съ того свѣта.

И пока Сальватьерра подошелъ въ огню, чтобы погрѣться,

смотритель ушел и тотчас же вернулся. Онъ принесъ съ собою теплый зимній плащъ, въ который и завернули Сальвальерра, снявъ съ него мокрую одежду.

Рафаэль высказалъ свое удивленіе, что донъ-Фернандо здѣсь, когда крестный нѣсколько дней тому назадъ говорилъ ему, будто онъ въ Кадиксѣ.

— Да, я былъ тамъ. Я ѣздилъ взглянуть на могилу моей матери...

И точно желая скорѣе перешагнуть черезъ это воспоминаніе, онъ сообщилъ, какимъ образомъ попалъ сюда. Сегодня утромъ выѣхалъ онъ изъ Хереса, чтобы повидаться съ сеньоромъ Антоніо Матакардильосъ, собственникомъ плохонькаго постоялаго двора вблизи фермы Матансуэла. Сеньоръ Антоніо въ молодости участвовалъ вмѣстѣ съ нимъ во всѣхъ революціонныхъ приключеніяхъ, у него была теперь болѣзнь сердца; ноги его распухли отъ водянки и донъ-Фернандо пріѣхалъ повидаться съ нимъ, обѣщавъ ему посѣтить его еще разъ вмѣстѣ съ Маноло, котораго онъ тамъ встрѣтилъ. Донъ-Фернандо возвращался съ Маноло въ Хересь, когда ихъ застигла буря и принудила искать убѣжища въ какой-нибудь мызѣ.

Рафаэль заговорилъ съ дономъ-Фернандо о его странныхъ обычаяхъ, о которыхъ много разъ ему рассказывалъ его крестный: о томъ, какъ онъ купался въ морѣ въ Кадиксѣ среди зимы, какъ онъ отдалъ свой плащъ первому встрѣчному «товарищу», нуждающемуся въ немъ, о его режимѣ пи-

танія, на которое онъ тратилъ не болѣе тридцати сантимовъ въ день.

Сальватьерра оставался все время невозмутимымъ, точно рѣчь шла не о немъ, а о комъ-нибудь другомъ, и только когда Рафаэль удивлялся скудости его питанія, онъ отвѣтилъ:

– Я не имѣю права на большее. Быть можетъ, эти бѣдняки, которые сидятъ въ повалку тамъ въ людской, ѣдятъ лучше меня?

Когда Сальватьерра увидѣлъ, что его платье почти высохло, онъ одѣлся въ него и направился въ дверямъ. Несмотря на то, что дождикъ все еще шелъ, онъ рѣшилъ отравиться въ людскую, къ своему товарищу. Рафаэль настаивалъ, чтобы онъ остался у него, гдѣ постель ему уже была приготовлена.

– Я не могъ бы заснуть въ твоей постели, Рафаэль, – сказалъ Сальватьерра, – я не имѣю права отдыхать на пуховикахъ въ то время, какъ другіе, подъ тѣмъ же кровомъ, спать на циновкахъ изъ ковыля.

Рафаэль взялся проводить своего гостя. По дорогѣ въ людскую имъ встрѣтился молодой парень невысокаго роста. Глаза его сверкали въ темнотѣ, такъ же какъ и его большіе, бѣлые зубы. На головѣ у него были двѣ разныхъ цвѣтовъ шляпы, надѣтыя одна на другую. Нижняя шляпа, судя по ея полямъ, была новая, свѣтло-сѣраго цвѣта, верхняя же была рыже-чернаго цвѣта, съ разорванными краями.

Рафаэль взялъ парня за плечо и представилъ его Сальватьерра съ комической серьезностью:

– Это Алкапарронъ, о которомъ вы навѣрное слышали, – самый большой плутъ изъ всѣхъ цыганъ въ Хересѣ.

Алкапарронъ освободился изъ рукъ Рафаэля и воскликнулъ въ негодованіи:

– У, у, сеньоръ Рафае, какой вы злой человѣкъ... Что это вы говорите...

Смотритель продолжалъ серьезнымъ тономъ, нахмуривъ брови:

– Онъ работаетъ у насъ въ Матансуэлѣ со всей своей семьей... Знаете ли вы, почему онъ носить на головѣ двѣ шляпы? Чтобы набить ихъ горохомъ или фасолью, какъ только я не досмотрю: но онъ не подозреваетъ, что въ одинъ прекрасный день я его подстрѣлю.

– Иисусе Христе! Сеньоръ Рафаэ! Что вы говорите?

И онъ, въ отчаяніи сложивъ руки, взглянулъ на Сальватерра и сказалъ ему съ дѣтской пылкостью:

– Не вѣрьте ему, сеньоръ; онъ очень злой, и говоритъ такъ, чтобы мучить меня. Клянусь спасеньемъ матери моей, все сказанное имъ ложь...

И онъ объяснилъ тайну двухъ шляпъ, нахлобученныхъ имъ чуть ли не до самыхъ глазъ. Нижняя шляпа – новая, которую онъ надѣваетъ лишь въ праздники и когда онъ отправляется въ городъ. Въ рабочіе же дни онъ не отваживается оставлять ее дома, опасаясь своихъ товарищей, которые позволяютъ себѣ всякаго рода шутки съ нимъ, потому что онъ «бѣдненькій цыганъ». Поэтому онъ и надѣваетъ новую шля-

пу, покрывая ее старой, чтобы она не утратила своего сѣраго цвѣта и той шелковистости, которой онъ такъ гордится.

Смотритель продолжалъ дразнить цыгана, говоря:

– Слушай, Алкапарронъ, знаешь ли ты, кто этотъ сеньоръ?... Это донъ-Фернандо Сальватьерра. Слышалъ ли ты о немъ?

Цыганъ сдѣлалъ жестъ изумленія и широко раскрылъ глаза:

– И очень даже слышалъ... Въ людской битыхъ два часа идетъ разговоръ о немъ. Многія вамъ лѣта, сеньоръ. Я очень радъ познакомиться съ такимъ важнымъ и знатымъ господиномъ. Сейчасъ видно, что такое ваша милость: наружность у васъ совсѣмъ губернаторская.

Сальватьерра улыбался, слушая эту лесть, расточаемую ему цыганомъ.

Рафаэль заговорилъ о сестрахъ Алкапарронасъ, цыганкахъ-танцовщицахъ, подвизавшихся въ Парижѣ, гдѣ онѣ имѣли громадный успѣхъ, а также и въ разныхъ городахъ Россіи, имена которыхъ управитель не могъ вспомнить. Портреты этихъ танцовщицъ виднѣлись всюду, даже на коробкахъ спичекъ, о нихъ говорили въ газетахъ, имъ подносили массу брилліантовъ и онѣ танцевали въ театрахъ и дворцахъ.

– И подумайте, донъ-Фернандо, онѣ такія же уродливыя, какъ и вотъ этотъ ихъ двоюродный братъ. Я видѣлъ ихъ дѣвчонками, бѣгающими здѣсь въ фермѣ и таскающихъ горохъ.

Были онѣ очень бойкія и ловкія, но не было въ нихъ ничего такого плѣнительнаго, развѣ лишь какая-то цыганская удаль, а также и безстыдство, отъ котораго даже и мужчинъ можетъ бросить въ краску. И это-то и нравится разнымъ знатымъ господамъ?... Правда, даже смѣшно!

Но Алкапарронъ сталъ говорить съ нѣвторой гордостью о своихъ двоюродныхъ сестрахъ, хотя и сѣтоваль о столь великой разницѣ ихъ судьбы и судьбы его семьи. Онѣ чуть ли не королевы, а онъ съ бѣдной своей матерью, съ маленькими братиками – отецъ ихъ давно умеръ – и съ Мари-Крусъ, вѣчно больной кузиной его, зарабатываютъ на фермѣ поденно всего лишь два реала. Еще счастье, что ихъ берутъ здѣсь ежегодно на работу, зная, что они хорошіе люди!.. Его двоюродныя сестры существа бездушныя, потому онѣ и не пишутъ писемъ семьѣ и не посылаютъ никому ни полгрошика.

Простившись съ Рафаэлемъ, Сальватьерра пошелъ по тропинкѣ вдоль забора съ старымъ Сарандилья, и скоро добрался до навѣса, служившаго входомъ въ людскую. Подъ навѣсомъ стоялъ на открытомъ воздухѣ рядъ кувшиновъ съ запасомъ воды для поденщиковъ. Кто чувствовалъ жажду, переходилъ изъ удушливой жары людской въ эту ночную стужу и пилъ ледяную воду, въ то время какъ вѣтеръ обдувалъ ему потное тѣло.

Когда Сальватьерра вошелъ въ людскую, на него пахнулъ оттуда воздухъ, пропитанный запахомъ сырой шерсти, тухлаго деревяннаго масла и грязи.

Комната была большая и казалась еще больше отъ густой атмосферы и скудости освѣщенія. Въ ея глубинѣ виднѣлся очагъ, въ которомъ горѣлъ коровій навозъ, распространяя отвратительный запахъ. Въ этомъ носившемся кругомъ туманѣ видѣлялось красноватое пламя свѣчи. Въ остальной же части комнаты, совершенно темной, чувствовалось присутствіе многихъ людей. Дойдя до середины комнаты, Сальватьерра могъ здѣсь все лучше разглядѣть. На очагѣ кипятилось нѣсколько котелковъ, за которыми присматривали женщины, стоявшія съ этой цѣлью на колѣняхъ. Стульевъ не было нигдѣ, въ комнатѣ всѣ бывшіе въ ней сидѣли на полу.

Тутъ же находился и Маноло, а кругомъ него собралась кучка его друзей, и всѣ они черпали ложками изъ котелка съ горячей хлѣбной похлебкой. Въ разныхъ углахъ виднѣлись группы мужчинъ и женщинъ, сидѣвшихъ на полу или на цыновкахъ изъ ковыля. Всѣ ѣли горячую похлебку, разговаривая и смѣясь.

Видъ этого помѣщенія съ этимъ накопленіемъ людей вызвалъ въ памяти Сальватьерра мысль о тюрьмѣ. И тутъ тѣ же штукатуренныя стѣны, но только болѣе закоптѣвшія, чѣмъ въ тюрьмѣ, тѣ же желѣзные крючки, вбитые въ стѣны, а на нихъ висѣли сумки, плащи, мѣшки, разноцвѣтныя рубахи, грязныя шляпы, тяжелые башмаки съ безчисленными заплатами и острыми гвоздями.

Сальватьерра взглянулъ на лица этихъ людей, смотрѣвшихъ на него съ любопытствомъ, прерывая на мгновеніе

свою ѣду, держа руки неподвижно съ поднятой вверхъ ложкой. У молодыхъ парней лица были еще свѣжія, и они часто смѣялись, отражая въ глазахъ своихъ жизнерадостность. Но мужчины зрѣлаго возраста выказывали уже признаки преждевременной старости; тѣло ихъ было какое-то высохшее, кожа морщинистая. Женщины являли собой еще болѣе печальное зрѣлище. Нѣкоторыя изъ нихъ были цыганки, старыя и уродливыя. Молодыя же казались малокровными, худосочными. Сальватьерра подошелъ къ очагу, и тутъ онъ увидѣлъ Алкапаррона, который сказалъ ему:

– Взгляните, милость ваша, вотъ это моя мама.

И онъ указалъ ему на старую цыганку, только что снявшую съ огня похлебку изъ гороха, на которую жадно глядѣли трое ребятъ, братьевъ Алкапаррона, и худенькая, блѣдная дѣвушка, съ громадными черными глазами, его двоюродная сестра, Мари-Крусь.

– Такъ что вы-то и есть знаменитый донъ-Фернандо? – спросила старуха. – Пусть же Господь Богъ пошлетъ вамъ всякое благополучіе и долгую жизнь за то, что вы отецъ бѣдныхъ и беззащитныхъ...

И поставивъ на полъ котелокъ, она усѣлась кругомъ него со всей своей семьей. Этотъ ужинъ ихъ былъ выходящій изъ ряду. Запахъ гороховой похлебки вызывалъ во многихъ присутствовавшихъ волненіе, заставляя ихъ обращать свои взоры съ завистью на группу цыганъ. Сарандилья заговорилъ со старухой, насмѣхаясь и спрашивая, какой такой попался ей

необычайный заработокъ? Вѣрно, наканунѣ, идя въ Хересь, она получила нѣсколько песеть за гаданіе или же за порошокъ, данный ею дѣвушкамъ, съ тѣмъ, чтобы приворожить къ нимъ бросившихъ ихъ возлюбленныхъ. Ахъ, старая колдунья! Казалось невозможнымъ, чтобы ей на долю выпала такая удача съ такимъ уродливымъ лицомъ.

Цыганка слушала, все время улыбаясь, не переставая жадно глотать гороховую похлебку, но когда Сарандилья уломянуль объ ея уродливомъ лицѣ, она бросила ѣсть.

– Молчи, ты слѣпой, не человѣкъ, а только тѣнь! Дай Богъ, чтобы я всю мою жизнь могла бы видѣть тебя подъ землей, какъ твоихъ братьевъ-кротовъ... Если я теперь некрасива, то было время, когда маркизы цѣловали мнѣ башмаки. Ты это хорошо знаешь, безстыжій!

И она съ грустью добавила:

– Не была бы я здѣсь, еслибъ былъ живъ маркизь Санъ-Діонисіо, этотъ славный сеньоръ, крестный отецъ моего бѣдняги Хосе-Марія.

И она указала на Алкапаррона, бросившаго ложку, которую онъ подносилъ ко рту, чтобы выпрямиться съ нѣкоторою гордостью, услыхавъ имя своего крестнаго отца, который, какъ утверждалъ Сарандилья, былъ для него нѣчто большее, чѣмъ крестный отецъ.

Сальватьерра взглянулъ съ удивленіемъ на морщинистую и отталкивающую наружность старой цыганки. Она въ сущности была не такъ стара, какъ казалось, но бысро зачах-

ла и отъ переутомленія работой, а также и отъ того ранняго разрушенія восточныхъ расъ при переходѣ отъ молодости къ старости, подобно тому, какъ великолѣпные дни тропика сразу перескакиваютъ отъ свѣта къ тьмѣ, безъ промежуточнаго періода сумерковъ.

Цыгане продолжали жадно глотать свою похлебку, а Сальватьерра вынулъ изъ кармана скудный свой ужинъ, съ улыбкой отказываясь отъ предложеній, которыя ему дѣлали со всѣхъ сторонъ. Въ то время какъ онъ ѣлъ кусокъ хлѣба съ сыромъ, глаза Сальватьерра упали на человѣка, который изъ всѣхъ остальныхъ, бывшихъ въ комнатѣ, одинъ не заботился о своемъ ужинѣ.

Это былъ худощавый юноша; его шея была обвязана краснымъ платкомъ, на немъ была надѣта одна лишь рубаха. Товарищи давно уже звали его ужинать, объявляя ему, что скоро ничего не останется отъ похлебки, но онъ продолжалъ сидѣть на обломкѣ пня, весь согнувшись надъ маленькимъ столомъ, на которомъ горѣла свѣчка. Онъ писалъ медленно, съ усиленіемъ и съ упорствомъ крестьянина. Передъ нимъ лежалъ обрывокъ газеты, и, онъ списывалъ оттуда строки водянистыми чернилами и плохимъ перомъ.

Сарандилья, сидѣвшій рядомъ съ Сальватьерра, сказалъ:
– Это «Маэстрико!»

Такъ прозвали его изъ-за его любви къ книгамъ и бумагамъ. Не успѣетъ онъ придти съ работы, какъ уже беретъ перо въ руки и начинаетъ выводить буквы.

Сальватьерра подошелъ къ Маэстрико, а тотъ повернулъ голову, чтобм взглянуть на него, и прервалъ на время свою работу. Съ нѣкоторой горечью сталь онъ объяснять Сальватьерра страстное свое желаніе учиться, при чемъ онъ лишаль себя часовъ сна и отдыха. Воспитали его, какъ животное; семи лѣтъ онъ былъ уже подпаскомъ на фермахъ и затѣмъ пастухомъ въ горахъ, и зналъ лишь голодь, удары, утомленіе.

— А я хочу обладать знаніемъ, донъ-Фернандо. Все, чему подвергаемся мы, бѣдные люди, происходитъ оттого, что у насъ нѣтъ знанія.

Онъ смотрѣлъ съ горечью на своихъ товарищей-поденщиковъ, довольныхъ своимъ невѣжествомъ и которые въ насмѣшку прозвали его Maestrico, и даже считаютъ его сумасшедшимъ за то, что, возвращаясь съ работы, онъ садится читать по складамъ газетные обрывки, или же принимается медленно выводить буквы въ своей тетради при свѣтѣ зажженнаго огарка свѣчи. Онъ самоучка, и никогда не имѣлъ учителя. Его мучить мысль, что другимъ съ чужой помощью легко удастся побѣдить тѣ затрудненія, которыя ему кажутся непреодолимыми. Но его вдохновляетъ вѣра и онъ идетъ впередъ, убѣжденный въ томъ, что если бы всѣ слѣдовали его примѣру, судьба всего существующаго на землѣ измѣнилась бы кореннымъ образомъ.

— Міръ принадлеждтъ тому, кто больше другихъ знаетъ, не правда ли, донъ-Фернандо? Есди богатые сильны и топчуть насъ ногами и дѣлають то, что хотять, то происходитъ это

не потому, что деньги въ ихъ рукахъ, а потому, что они имѣютъ больше знаній, чѣмъ мы... Эти несчастные смѣются надо мной, когда я имъ совѣтую учиться, и говорить, что здѣсь въ Хересѣ богачи еще большіе невѣжды, чѣмъ поденщики. Но это не въ счетъ... Эти богачи, которые живутъ тутъ у насъ – болваны. А надъ ними громоздятся другіе, настоящіе богачи, тѣ, которые обладаютъ знаніемъ, которые устанавливаютъ законы на весь міръ и поддерживаютъ все это теперешнее неустройство общества, благодаря чему немногіе владѣютъ всѣмъ, а значительное большинство людей не имѣетъ ничего. Еслибъ рабочій зналъ все то, что они знаютъ, онъ бы не давалъ себя имъ въ обманъ, онъ ежечасно боролся бы съ ними и по меньшей мѣрѣ заставилъ бы ихъ раздѣлить власть съ нимъ.

Сальватьерра изумлялся горячей вѣрѣ этого юноши, считавшаго себя обладателемъ цѣлебнаго лѣкарства для уничтоженія всѣхъ золь, претерпѣваемыхъ безконечной ордой нуждающихся. Учиться, обладать знаніемъ!.. Эксплуататоры насчитываются тысячами, а эксплуатируемые тысячами милліоновъ... Еслибъ люди не жили бы въ слѣпотѣ и невѣжествѣ, какъ могъ бы существовать подобный абсурдъ...

Maestrico продолжалъ излагать свои убѣжденія съ страстной вѣрой, свѣтившейся въ его искреннихъ глазахъ.

– Ахъ, если бы бѣдные знали то, что знаютъ богатые!.. Эти богатые такъ сильны и всѣмъ управляютъ, потому что знаніе къ ихъ услугамъ. Всѣ открытія и изобрѣтенія науки попада-

ють въ руки къ нимъ, принадлежать имъ, а бѣднякамъ внизу едва достаются какіе-нибудь подонки. Если же кто-нибудь, выйдя изъ массы нуждающихся, поднимается надъ ней, благодаря уму и способностямъ, – вмѣсто того, чтобы хранить вѣрность своимъ по происхожденію, служить опорой братьямъ, онъ переходитъ въ станъ къ врагамъ, поворачивается спиной къ ста поколѣніямъ своихъ предковъ, угнетенныхъ несправедливостью, и продаетъ себя и свои дарованія палачамъ, лишь вымаливая себѣ мѣстечко среди нихъ. Невѣжество – самое худшее рабство, самое страшное мученіе бѣдныхъ! Но просвѣщеніе индивидуальное, обученіе отдѣльныхъ лицъ совершенно бесполезно: оно служитъ только для того, чтобы создать роты дезертировъ, перебѣжчиковъ, которые спѣшатъ стать въ ряды непріятеля! Необходимо, чтобы всѣ обучались, чтобы вся большая масса поняла бы наконецъ свое могущество.

– Всѣ, всѣ, понимаете вы меня, донъ-Фернандо? Всѣ сразу, съ возгласомъ: «Мы не желаемъ больше обмана, мы не хотимъ больше служить вамъ, чтобы теперешнее неустройство продолжалось еще долго».

Донъ-Фернандо высказывалъ свое одобреніе утвердительными кивками головы, ему нравилась эта мечта невинности. Измѣнить весь строй міра безъ кровопролитія, съ помощью волшебнаго жезла ученія и знанія, безъ всѣхъ этихъ насилій, внушавшихъ отвращеніе нѣжной его душѣ, и которыя всегда кончаются лишь пораженіемъ несчастныхъ и жестокимъ воз-

мездіемъ власть имущихъ; что за прекрасная мечта!.. Но кто же окажется въ силахъ разбудить всю массу бѣдняковъ, внушить имъ одновременно страстную вѣру этого бѣднаго юноши, идущаго ощупью, съ глазами, устремленными на свѣтлую звѣзду, которую одинъ онъ видитъ!..

Нѣсколько идейныхъ рабочихъ, и въ числѣ ихъ нѣкоторые старые товарищи Сальватерра, подошли къ нему. Одинъ изъ нихъ, Хуанонъ, сказалъ:

– Многое измѣнилось, Фернандо. Мы отступили назадъ, и богатые стали сильнѣе прежняго!

И онъ началъ рассказывать о режимѣ террора, принуждающаго къ молчанію все крестьянство. При малѣйшей жалобѣ батраковъ сейчасъ же начинаются крики, что воскресаетъ черная рука.

– Что это за «черная рука!» – гнѣвно воскликнулъ Хуанонъ. – Онъ претерпѣлъ гоненіе и судъ, потому что его обвинили въ томъ, что онъ членъ этого общества, а онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о немъ. Цѣлые мѣсяцы провелъ онъ въ тюрьмѣ съ другими несчастными. Ночью его выводили изъ тюрьмы для допроса, сопровождаемаго истязаніями въ темномъ одиночествѣ полей. Еще теперь у него на тѣлѣ немало рубцовъ отъ тогдашнихъ ударовъ и тогдашняго жестокаго избіенія. Но хотя бы его убили, онъ не былъ бы въ состояніи отвѣтить по желанію своихъ палачей. Онъ зналъ объ обществахъ и союзахъ для самозащиты поденщиковъ и для сопротивленія угнетенію господъ; онъ состоялъ ихъ членомъ;

но о черной рукѣ, о террористическомъ обществѣ съ кинжалами и дикой местию, онъ не слышалъ ни одного слова. А въ доказательство существованія такого общества могло быть приведено только одно единственное убійство. И вотъ изъ-за него казнили нѣсколькихъ рабочихъ и сотни изъ нихъ гноили, какъ и его, по тюрьмамъ, заставляя ихъ переносить мученія, вслѣдствіе которыхъ нѣкоторые лишились даже жизни.

Хуанонъ замолкъ, и всѣ кругомъ него погрузились въ невеселое раздумье. Въ глубинѣ комнаты женщины, сидя на полу, съ юбками округленными, какъ шапки большихъ грибовъ, рассказывали сказки или же передавали другъ другу о разныхъ чудесныхъ исцѣленіяхъ, благодаря чудотворнымъ иконамъ.

Надъ смутнымъ гуломъ разговоровъ поднималось тихое пѣніе. Это пѣли цыгане, продолжавшіе наслаждаться необычайнымъ своимъ ужиномъ. Тетка Алкапаррона достала изъ-подъ большого своего платка бутылку вина, чтобы отпраздновать свою удачу въ городѣ. Дѣтямъ досталась небольшая доля его, но веселье овладѣло ими... Устремивъ глаза на мать, которою онъ сильно восхищался, Алкапарронъ пѣлъ подъ аккомпаниментъ тихаго хлопанья въ ладоши всей его семьи. Онъ прервалъ свое пѣніе, чтобы высказать матери то, что ему только что пришло на умъ:

— Мама, какъ несчастны мы, цыгане! Они, испанцы, изображаютъ собою все; и королей, и губернаторовъ, и судей, и

генераловъ; а мы, цыгане, мы – ничто.

– Молчи, сынокъ, зато никто изъ насъ, цыганъ, не былъ ни тюремщикомъ, ни палачомъ!.. Продолжай пѣсни, спой еще что-нибудь.

И пѣніе, и хлопанье въ ладоши началось вновь. Одинъ поденщикъ предложилъ стаканъ водки Хуанону, но онъ отказался.

– Это-то и губить насъ, – сказала онъ поучительнымъ тономъ. – Проклятое питье!

И Хуанонъ сталъ предавать анаѳемѣ пьянство. Эта несчастные люди забываютъ обо всемъ, лишь только они напьются. Если они когда-нибудь возстанутъ, то, чтобы ихъ побѣдить, богачамъ придется лишь открыть для нихъ бесплатно свои винныя лавки.

Многіе изъ присутствовавшихъ протестовали противъ словъ Хуанона. Что же дѣлать бѣдняку, какъ не пить, чтобы забыть свою нужду и горе? И прервавъ молчаніе, многіе заговорили сразу, высказывая свой гнѣвъ и недовольство. Кормятъ ихъ съ каждымъ днемъ все хуже: богатые злоупотребляютъ своей силой и тѣмъ страхомъ, который они сумѣли внушить бѣднякамъ и укрѣпить въ нихъ.

Только въ періодъ молотѣбы имъ даютъ гороховую похлебку, во все же остальное время рода они получаютъ хлѣбъ, одинъ лишь хлѣбъ, и тотъ во многихъ мѣстахъ въ обрѣзь.

Старикъ Сарандилья вмѣшался въ разговоръ. По его

мнѣнію хозяева могли бы все устроить къ лучшему, еслибъ они хоть нѣсколько сочувствовали, бѣднымъ и выказали бы милосердіе, побольше милосердія.

Сальватьерра, безстрастно слушавшій рѣчи поденщикова, теперъ взволновался и прервалъ свое молчаніе, услыхавъ слова старика, Милосердія! Для чего? Чтобы удержать бѣдняковъ въ ихъ рабствѣ, въ надеждѣ на тѣ крохи, которыя имъ бросаютъ и которыя на нѣсколько мгновеній утоляютъ ихъ голодъ и способствуютъ продленію ихъ порабощенія. Милосердіе нимало не способствуетъ тому, чтобы сдѣлать человека болѣе достойнымъ. Оно царитъ уже девятнадцать вѣковъ; поэты воспѣваютъ его, считая его божественнымъ дыханіемъ, счастливые провозглашаютъ его одной изъ величайшихъ человѣческихъ добродѣтелей, а міръ остается все тѣмъ же міромъ неравенства и несправедливости. Нѣтъ, эта добродѣтель одна изъ самыхъ ничтожныхъ и безсильныхъ. Она обращала къ рабамъ слова, исполненныя любви, но не ломала ихъ цѣпи; предлагала кусокъ хлѣба современному невольнику, но не позволяла себѣ бросить ни малѣйшаго упрека противъ того общественнаго строя, который присуждалъ этого невольника къ голоданію на весь остатокъ его жизни. Милосердіе, поддерживающее нуждающагося лишь одно мгновеніе, чтобы онъ нѣсколько окрѣпъ, является столь же добродѣтельнымъ, какъ и та крестьянка, которая кормитъ куръ на своемъ птячьемъ дворѣ и заботится о нихъ до той минуты, когда она ихъ завклетъ, чтобы съѣсть.

Эта тусклая добродѣтель ничего не сдѣлала, чтобы завоевать людямъ свободу. Только протестъ разорвалъ цѣпи древняго раба, и онъ же сломить оковы современнаго пролетарія. Одна лишь социальная справедливость можетъ спасти людей.

– Все это прекрасно, донъ-Фернандо, – сказалъ старикъ Сарандилья. – Но бѣдные нуждаются въ одномъ, въ надѣлѣ земель, чтобы жить, а земля – собственность хозяевъ.

Сальватьерра вспыльчиво отвѣтилъ, что земля ничья собственность, она принадлежитъ тѣмъ, кто ее воздѣлываетъ.

– Земля ваша, она принадлежитъ всѣмъ крестьянамъ. Человекъ рождается съ правомъ на воздухъ, которымъ онъ дышитъ, на солнце, которое его грѣетъ, и долженъ требовать, чтобы ему дана была земля, которая даетъ ему питаніе. Не надо намъ милосердія, дайте намъ справедливость, одну лишь справедливость, дайте каждому то, что ему принадлежитъ!

IV

Двѣ большія дворняжки, которыя сторожили ночью окружности башни въ Марчамало, и лежали свернувшись въ клубокъ, опирая на хвостъ свирѣпыя морды, подъ аркадами дома, гдѣ были виноградныя давилъни, перестали дремать.

Обѣ онѣ одновременно поднялись. Обнюхивая воздухъ, и покачиваясь съ нѣкоторой неувѣренностью, собаки зарычали, а затѣмъ, кинулись внизъ, по винограднику, съ такой стремительностью, что подъ ихъ лапами вырывалась земля.

Это были почти дикія животныя, съ глазами, искрящимися огнемъ, и челюстями, унизанными зубами, отъ которыхъ холодъ пробѣгалъ по тѣлу. Обѣ собаки бросились на чело-вѣка, который шель нагяувшаясь между виноградными лозами, а не по прямому спуску, ведущему отъ большой дороги къ башнѣ.

Столкновеніе было ужасное, – чело-вѣкъ пошатнулся, вырывал плащъ, въ который вцѣпилась одна изъ собакъ. Но вдругъ животныя перестали рычать и бросаясь кругомъ него, отыскивая мѣсто, гдѣ имъ можно было бы вонзить зубы, а побѣжали рядомъ съ пѣшеходомъ, подпрыгивая, и съ радостнымъ храпѣніемъ стали лизать ему руки.

– Эхъ вы, варвары, – обратился къ нимъ тихимъ голосомъ Рафаэль, не переставая ихъ ласкать. – Этакіе вы дурни!.. Не узнали меня?

Собаки проводили его до маленькой площадки въ Марчамале и, снова свернувшись въ клубокъ подъ аркадами, вернулись къ своему чуткому сну, который прерывался при малѣйшемъ шорохѣ.

Рафаэль остановился немного на площадкѣ, чтобы оправиться отъ неожиданной встрѣчи. Онъ плотнѣе закутался въ плащъ и спряталъ большой ножъ, вынутый имъ изъ бокового кармана для защиты отъ недовѣрчивыхъ животныхъ.

На синѣющемъ отъ звѣзднаго блеска пространствѣ вырисовывались очертанія новаго Марчамало, построеннаго донь-Пабло.

Въ центрѣ выдѣлялась башня господскаго дома. Ее было видно изъ Хереса, господствующей надъ холмами, покрытыми виноградными лозами, владѣя которыми Дюпоны являлись первыми помѣщиками во всей округѣ. Башня эта была претенціозной постройкой изъ краснаго кирпича, съ фундаментомъ и углами бѣлаго камня; острые зубцы верхней ея части были соединены желѣзными перилами, превращавшими въ обыкновенную террасу верхъ полуфеодалнаго зданія. По одну сторону этой башни выдѣлялось то, что считалось лучшимъ въ Марчамало, о чемъ донь-Пабло заботился больше всего среди новыхъ своихъ построекъ – обширная часовня, украшенная колоннадой и мраморомъ, словно величественный храмъ. Съ другой стороны башни, одно изъ зданій стараго Марчамало почти неприкосновеннымъ осталось въ прежнемъ своемъ видѣ. Эта постройка, низкая, съ аркадами, вмѣ-

щавшая въ себѣ комнату приказчика и обширную ночлежку для виноградарей, съ печкой, отъ дыма которой почернѣли стѣны, была лишь нѣдавно подкрѣплена незначительной поправкой.

Дюпонъ, который выписалъ артистовъ изъ Севильи для декорированія часовни и заказалъ въ Валенсіи образа, сверкавшіе золотомъ и красками, смутился, – видите ли, – передъ древностью зданія для виноградарей, не дерзнувъ прикоснуться къ нему. Оно отличалось такой стильностью, – попытка обновить этотъ пріютъ поденщиковъ равнялась бы преступленію. И приказчикъ продолжалъ жить въ своихъ полуразвалившихся комнатуркахъ, всю неприглядность которыхъ Марія де-ла-Лусъ старалась скрыть, тщательно выбѣливая стѣны. А поденщики спали не раздѣваясь на цыновкахъ, которыя великодушіе дона-Пабло удѣляло имъ, въ то время какъ образа святыхъ утопали въ позолотѣ и мраморѣ, причемъ цѣлыя недѣли никто ихъ не лицезрѣлъ, такъ какъ двери часовни раскрывались только, когда хозяинъ пріѣзжалъ въ Марчамало.

Рафаэль долгое время смотрѣлъ на зданіе, опасаясь, чтобы его темная масса не освѣтилась лучомъ свѣта и не открылось бы окно, въ которое высунуль бы свою голову приказчикъ, встревоженный стремительной бѣготней и топотомъ собакъ. Прошло нѣсколько мгновеній, но Марчамало оставалось погруженнымъ въ полнѣйшую тишину. Лишь съ полей окутанныхъ мракомъ поднимался сонливый рокоть. На

зимнемъ небѣ еще сильнѣе мигали звѣзды, словно холодъ обострялъ ихъ блескъ.

Юноша повернулъ съ площади и обогнувъ уголь стараго зданія, пошелъ по дорожкѣ между домомъ и рядомъ густого кустарника. Вскорѣ онъ остановился у рѣшетчатаго окна, а когда онъ слегка ударилъ суставами пальцевъ о дерево переплета, окно открылось и на темномъ фонѣ комнаты выдѣлилась роскошная фигура Маріи де-ла-Лусь.

– Какъ ты поздно, Рафае! – сказала она шепотомъ. – Какой часъ?

Надсмотрщикъ взглянулъ на небо, читая въ звѣздахъ съ опытностью деревенскаго жителя.

– Должно быть теперь около двухъ съ половиною часовъ пополуночи.

– А лошадь? Гдѣ ты ее оставилъ?

Рафаэль объяснилъ ей, какъ онъ ѣхалъ. Лошадь оставлена имъ въ маленькомъ постояломъ дворикѣ де-ла-Корнеха, въ двухъ шагахъ отсюда, на краю дороги. Отдыхъ былъ необходимъ для лошади, такъ какъ весь путь сюда былъ сдѣланъ имъ галопомъ.

Эта суббота выдалась у него очень трудная. Многіе изъ поденщиковъ и поденщицъ пожелали провести воскресенье въ своихъ селахъ, въ горахъ, и просили выдать имъ расчетъ за недѣлю, чтобы передать деньги семьямъ своимъ. Можно было сойти съ ума, сводя счеты съ этими людьми, которые вѣчно считаютъ себя обманутыми. Притомъ ему еще при-

шлось позаботиться о плохих сѣменахъ; перетряхнуть ихъ и принять другія мѣры съ помощью Сарандили. Затѣмъ у него явились подозрѣнія на счетъ рабочихъ съ пастбищъ, такъ какъ выжигая уголь, они навѣрное обкрадываютъ хозяина. Однимъ словомъ, онъ не присѣлъ ни минуты въ Матансуэлъ и лишь послѣ двѣнадцати часовъ ночи, когда въ людской потушили огни оставшіеся тамъ поденщики, онъ рѣшился предпринять свое путешествіе. Какъ только разсвѣтетъ, онъ вернется на постоянный дворикъ, сядетъ тамъ верхомъ и сдѣлаетъ видъ, будто сейчасъ пріѣхалъ изъ Матансуэла и явится на виноградникъ, чтобы крестный не подозрѣвалъ, какъ онъ провелъ ночь.

Послѣ этихъ объясненій оба хранили молчаніе, держась за рѣшетку окна, но такъ, что руви ихъ не дерзали встрѣтиться. И они пристально смотрѣли другъ на друга, при мерцающемъ свѣтѣ звѣздъ, придававшемъ ихъ глазамъ необычайный блескъ. Рафаэль первый прервалъ молчаніе.

— Тебѣ нечего сказать мнѣ? Послѣ того, какъ мы цѣлую недѣлю не видѣлись, ты точно дурочка, смотришь на меня во всѣ глаза, будто я дикій звѣрь.

— Что же мнѣ говорить тебѣ, разбойнцвъ?... Сто я тебя люблю, что всѣ эти дни я провела въ тоскѣ, самой глубокой, самой мрачной, думая о моемъ цыганѣ.

И двое влюбленныхъ, вступивъ на покатый путь страсти, убаюкивали другъ друга музыкой своихъ словъ, съ многорѣчивостью, свойственной южнымъ испанцамъ.

Рафаэль, ухватившись за рѣшетку окна, дрожаль отъ волненія, говоря съ Маріей де-ла-Лусъ, точно его слова исходили не изъ его усть, и возбуждали его сладкимъ опьянѣніемъ. Напѣвы народныхъ романсовъ, гордые и нѣжныя слова любви, слышанныя имъ подѣ аккомпаниментъ гитары, смѣшались въ томъ любовномъ молебствіи, которое онъ вкрадчивымъ голосомъ шепталъ своей невѣстѣ.

— Пусть всѣ горести жизни твоей обрушатся на меня, свѣтъ души моей, а ты познай однѣ лишь ея радости. Лицо твое — лицо божества, моя хитана¹; и когда ты смотришь на меня, мнѣ кажется, что младенецъ Христось глядитъ на меня своими дивными глазами... Я желалъ бы быть дономъ Пабло Дюпономъ со всѣми его бодегами, чтобы вино изъ старыхъ бурдюковъ, принадлежавшихъ ему и стоящихъ многія тысячи песетасъ пролить у ногъ твоихъ, и ты бы встала своими прелестными ножками въ этотъ потокъ вина, а я сказалъ бы всему Хересу: «Пейте, кабальеросы, вотъ гдѣ рай!» И всѣ бы отвѣтили: «Ты правъ, Рафаэль, сама Пресвятая Дѣва не прекраснѣе ея». Ахъ, дитя! Еслибъ ты не полюбила меня, на твою долю выпала бы горькая судьба. Тебѣ пришлось бы идти въ монахини, потому что никто не дерзнулъ бы ухаживать за тобой. Я бы стоялъ у твоихъ дверей, и не пропустилъ бы къ тебѣ и самого Господа Бога.

Марія де-ла-Лусъ была польщена свирѣпымъ выраженіемъ лица ея жениха при одной лишь мысли, что другой муж-

¹ Цыганка.

чина могъ бы ухаживать за ней.

– Глупый ты! Вѣдь я же люблю одного лишь тебя! Мой мызникъ околдовалъ меня, и я – какъ ждутъ пришествія ангеловъ, – жду той минуты, когда я переберусь въ Матансуэлу, чтобы ухаживать за моимъ умницей надсмотрщикомъ!.. Ты вѣдь знаешь, что я могла бы выйти замужъ за любого изъ этихъ сеньоровъ въ конторѣ, друзей моего брата. Наша сеньора часто говоритъ мнѣ это. А въ иной разъ она уговариваетъ меня идти въ монахини, и не изъ числа иростыхъ, а съ большимъ приданымъ, и обѣщаетъ взять на себя всѣ расходы. Но я отказываюсь и говорю: «Нѣтъ, сеньора, я не хочу быть святой; мнѣ очень нравятся мужчины... Иисусе Христе, что за ужасы я говорю! – не всѣ мужчины мнѣ нравятся, нѣтъ; одинъ лишь только мой Рафаэль, который, сидя верхомъ на конѣ. кажется настоящимъ Михаиломъ Архангеломъ. Только не возгордись ты слишкомъ этими похвалами, вѣдь я же шучу!.. Вся я горю желаніемъ быть мызницей моего мызника, который бы любилъ меня и говорилъ бы мнѣ сладостныя рѣчи. Съ нимъ кусокъ черстваго хлѣба мнѣ милѣе всѣхъ богатствъ Хереса.

– Да будутъ благословенны твои уста! Продолжай, дитя; ты возносишь меня на небо, говоря тажія рѣчи! Ничего ты не потеряешь, отдавъ мнѣ свою любовь. Чтобы тебѣ жилось хорошо, я на все пойду; и хотя крестный и разсердится, лишь только мы поженимся съ тобой я опять займусь контрабандой, чтобы наполнить тебѣ передникъ червонцами.

Марія де-ла-Лусь запротестовала съ жестомъ ужаса. Нѣтъ, этому не бывать никогда. Еще теперь она волнуется, вспоминая ту ночь, когда онъ пріѣхалъ къ нимъ, блѣдный, какъ мертвецъ, и истекающій кровью. Они будутъ счастливы, живя въ бѣдности, и не искушая Бога новыми приключеніями, которыя могутъ стоить ему жизни. Къ чему имъ деньги?

– Всего важнѣе, Рафаэль, лишь одно: любить другъ друга, – и ты увидишь, солнце души моей, когда мы съ тобой будемъ жить въ Матансуэлѣ, какую сладкую жизнь я устрою тебѣ.

Она тоже изъ деревни, какъ и ея отецъ, и желаетъ оставаться въ деревнѣ. Ее не пугаетъ образъ жизни на мызѣ. Сейчас видно, что въ Матансуэлѣ нѣтъ хозяйки, которая бы сумѣла превратить квартиру надсмотрщика въ «серебряное блюдо». Привыкшій къ беспорядочному существованію контрабандиста и къ заботамъ о немъ той старой женщины на мызѣ, онъ тогда пойметъ лишь что такое хорошая жизнь. Бѣдняжка! По беспорядку его одежды она видитъ, какъ нужна ему жена. Вставать они будутъ съ разсвѣтомъ: онъ, – чтобы присмотрѣть за отправкой въ поле рабочихъ, она – чтобы приготовить завтракъ и держать домъ въ чистотѣ этими вотъ руками, данными ей Богомъ, ни мало не пугаясь работы. Въ деревенскомъ своемъ нарядѣ, который такъ идетъ къ нему, – онъ сядетъ верхомъ на коня, со всѣми пришитыми на мѣсгв пуговицами, безъ малѣйшей дырки на штанахъ, въ рубахѣ снѣжной бѣлизны, хорошо проглаженной, какъ у сеньорито

изъ Хереса. А возвращаясь съ поля домой, мужъ встрѣтитъ жену у воротъ мызы, одѣтую бѣдно, но чисто, словно струя воды; хорошо причесанную, съ цвѣтами въ волосахъ и въ передникѣ ослѣпительной бѣлизны. Оля² ихъ будетъ уже ды- миться на столѣ. А готовить она вкусно, очень вкусно! Оте- цъ ея трубитъ объ этомъ всюду и всѣмъ. Весело пообѣдаютъ они вдвоемъ, съ пріятнымъ сознаниемъ, что сами заработали себѣ свое пропитаніе, и онъ снова уѣдетъ въ поле, а она сядетъ за шитье, займется птицами, будетъ мѣсить хлѣбъ. Когда же стемнѣетъ, они, поужинавъ, лягутъ спать, утомленные работой, но довольные проведеннымъ днемъ, и заснутъ спо- койно и пріятно, какъ люди потрудившіеся и не чувствующие угрызений совѣсти, потому что никому не сдѣлали зла.

– Подойди-ка ближе сюда, – страстно заговорилъ Рафа- эль. – Ты еще не все хорошее перечислила. У насъ потомъ явятся дѣти, хорошенькія малютки, которыя будутъ бѣгать по двору мызы.

– Молчи, каторжникъ! – воскликнула Марія де-ла-Лусъ. – Не забѣгай такъ далеко впередъ, а то еще грохнешься на зем- лю.

И оба замолчали, – Рафаэль, – улыбаясь, при видѣ густой краски, залившей лицо его невѣсты, въ то время какъ она одной изъ маленькихъ своихъ ручекъ угрожала ему за его дерзость.

Но юноша не могъ молчать и съ упорствомъ влюбленнаго

² Похлебка, варево.

заговорилъ снова съ Маріей де-ла-Лусъ о своихъ терзаніяхъ, когда онъ только что отдалъ себѣ отчетъ въ пылкомъ своемъ чувствѣ къ ней.

Впервые онъ понялъ, что любить ее, въ страстную недѣлю, при выносѣ плащаницы. И Рафаэль смѣялся, такъ какъ ему казалось забавнымъ, что онъ влюбился въ такой обстановкѣ: – во время процессіи шествія монаховъ разныхъ орденовъ, при колыханіи хоругвей, и звуковъ кларнетовъ и мавританскихъ барабановъ.

Процессія проходила въ поздніе ночные часы по улицамъ Хереса среди унылаго безмолвія, точно весь міръ долженъ былъ умереть, и онъ держа шапку въ рукахъ, съ сокрушеніемъ сердца смотрѣлъ на процессію, волновавшую ему душу. Вскорѣ, во время одной изъ осталовокъ ея, какой-то голосъ прервалъ молчаніе ночи, голосъ, заставившій плакать суроваго контрабандиста.

– И это была ты, дорогая; это былъ твой золотой голосъ, сводившій съ ума людей. – «Она дочь приказчика изъ Марчамало», – говорили подлѣ меня. «Да будутъ благословенны ея уста – это настоящій соловей!» Грусть сжала мнѣ сердце, я самъ не знаю почему, и я увидѣлъ тебя среди твоихъ подругъ, такую прекрасную, словно святую, поющую saeta³ со сложенными руками, устремивъ на изображеніе Христа твои большіе глаза, казавшіеся зеркалами, въ которыхъ отражались всѣ свѣчи процессіи. И я, игравшій съ тобой въ дѣт-

³ Стрѣлу.

ствѣ, подумаль, что это не ты, а другая, что тебя подмѣнили; и я почувствовалъ боль въ сердцѣ, словно меня рѣзнули ножомъ. Я посмотрѣлъ съ завистью на Христа въ терновомъ вѣнцѣ, потому что ты пѣла для Него и смотрѣла на Него во всѣ свои глаза. И чуть было я не сказалъ Ему: «Сеньоръ, окажите милость бѣдняку и уступите на короткое время мнѣ свое мѣсто на крестѣ. Пусть увидятъ меня на немъ, съ пригвожденными къ кресту руками и ногами, лишь бы только Марія де-ла-Лусъ пѣла мнѣ своимъ ангельскимъ голосомъ.

– Сумасшедшій! – сказала смѣясь молодая дѣвушка, – Краснобай! Вотъ какъ ты мнѣ туманишь голову съ этой твоей ложью, которую ты придумываешь!

– Потомъ я опять услышалъ тебя на площади de la Carcel. Бѣдняжки арестанты, сидя за рѣшотками, точно какіе-то хищные звѣри, пѣли Христу очень грустныя saetas, въ которыхъ рѣчь шла объ ихъ оковахъ и горестяхъ, о плачущихъ матеряхъ, и о дѣтяхъ, которыхъ они не могутъ обнять и поцѣловать. А ты, сердце мое, отвѣчала имъ съ площади другими saetas, столь сладостными, какъ пѣніе ангеловъ, прося Бога смиловаться надъ несчастными. Тогда я поклялся, что люблю тебя всей душой, что ты должна принадлежать мнѣ, и я испытывалъ желаніе крикнуть бѣднягамъ за рѣшотками: «До свиданія, товарищи; если эта женщина не любитъ меня, я совершу что-либо ужасное: убью кого-нибудь, и въ слѣдующемъ году и я буду пѣть въ тюремѣ вмѣстѣ съ вами пѣсню распятому Христу въ терновомъ вѣнцѣ».

– Рафаэль, не будь извергомъ, – сказала дѣвушка съ нѣкоторымъ страхомъ. – Не говори такихъ вещей; это значило бы искушать милосердіе Божіе.

– Вовсе нѣтъ, глупенькая моя; вѣдь это же только такъ – манера говорить. Къ чему мнѣ стремиться въ тѣ мѣста печали! Я стремлюсь въ одно лишь мѣсто – въ нашъ рай любви, когда женившись на моей смуглянкѣ-соловушкѣ, я ее возьму въ себѣ въ теплое гнѣздышко въ Матансуэло... Но, о, дитя! Сколько я выстрадалъ съ того самаго дня! Сколько перенесъ я мукъ, раньше чѣмъ сказать: «Я люблю тебя!» Часто пріѣзжалъ я въ Марчамало по вечерамъ, съ запасомъ хорошо подготовленныхъ косвенныхъ признаній, надѣясь, что ты поймешь меня, а ты – ни мало не понимала, и смотрѣла на меня, точно образъ «Dolorosa», сохраняющій и въ страстную недѣлю тотъ же видъ, какъ и въ остальное время года.

– Ахъ, глупенькій! Вѣдь я же поняла все съ перваго раза! Я сейчасъ же угадала любовь твою ко мнѣ я была счастлива! Но долгъ требовалъ скрывать это. Дѣвушкѣ не слѣдуетъ смотрѣть на мужчинъ такъ, чтобы вызвать ихъ говорить ей: «Я люблю тебя!» Это неприлично.

– Молчи, жестокосердая! Мало ты заставила меня страдать въ то время! Я пріѣзжалъ къ вамъ верхомъ, послѣ того какъ у меня происходили перестрѣлки съ таможенной стражей, и когда я видѣлъ тебя, сердце мое пронизывалось страхомъ, словно ножомъ, и меня бросало въ дрожь. «Я скажу ей это, я скажу ей то». Но лишь только я взгляну на тебя, я уже

не въ соотояніи сказать ни слова. Языкѣ мой нѣмѣль, въ головѣ наступалъ туманъ, какъ въ дни, когда я ходилъ въ школу. Я боялся, что ты разсердишься и что сверхъ того крестный еще угоститъ меня градомъ палочныхъ ударовъ, приговаривая: «Вонъ отсюда, безсовѣстный»; подобно тому, какъ выгоняють забѣжавшую на виноградникъ бродячую собаку... Наконецъ, все было высказано. Помнишь? Далось намъ это не легко, но мы поняли другъ друга. Произошло дѣло послѣ полученной мною раны отъ выстрѣла, когда ты ухаживала за мною какъ мать, и, когда вечеромъ я пѣлъ и слушалъ твое пѣніе, здѣсь, подъ аркадами. Крестный наигрывалъ на гатарѣ, и я, устремивъ глаза мои въ твои, словно хотѣлъ съѣсть ихъ, запѣлъ:

Въ кузнѣ молотъ съ наковальной
Разбивають всѣ металлы,
Но разбить ничто не въ силахъ
Страсть, что я къ тебѣ питаю.

И пока крестный подпѣвалъ: «тра, тра; тра, тра», точно онъ молотомъ билъ о желѣзо, ты вспыхнула какъ огонь и опустила глаза, прочитавъ, наконецъ, въ моихъ глазахъ. И я сказалъ себѣ: «Дѣло идетъ на ладъ». Такъ оно и оказалось, не знаю какъ, но мы признались другъ другу въ любви. Быть можетъ, утомившись заставлятъ меня страдать, ты укоротила мнѣ путь, чтобы я потерялъ свой страхъ... И съ тѣхъ поръ во всемъ Хересѣ и во всѣхъ его окрестностяхъ нѣтъ чело-

вѣка, болѣе счастливаго и богатаго, чѣмъ Рафаэ, надсмотрщикъ въ Матансуэлѣ... Ты знаешь дона Пабло со всѣми его милліонами? Но рядомъ со мной онъ – ничто, простая вошпаная мазь!.. И всѣ остальные владѣльцы виноградниковъ – ничто! Хозяинъ мой, сеньоръ-то Луись, со всѣмъ его имуществомъ и всей стаей расфуфыренныхъ женщинъ, которыхъ онъ держитъ при себѣ... тоже ничто! Самый богатый въ Хересѣ я, который возьметъ къ себѣ на мызу некрасивую смуглянку, слѣпенькую, такъ какъ у бѣдняжки почти не видать глазъ, и, кромѣ того, у нея еще одинъ недостатокъ – тотъ, что когда она смѣется, на лицѣ у нея, являются прековарныя ямочки, словно все оно изъѣдено оеспой.

И держась за рѣшетку, онъ говорилъ съ такимъ пыломъ, что казалось, сейчасъ просунетъ лицо свое сквозь прутья рѣшетки, стремясь къ лицу Маріи де-ла-Лусь.

– Тише, – сказала дѣвушка, угрожая ему съ улыбкой. – Дождешься, что я уколою тебя, но только шпилькой изъ моей косы, если ты не успокоишься. Вѣдь ты, Рафаэ, знаешь, что нѣкоторыя шутки мнѣ не по вкусу и прихожу я на свиданіе къ окну только потому, что ты обѣщаль держаться какъ слѣдуетъ.

Жестъ Маріи де-ла-Лусь и ея угроза закрыть окно принудили Рафаэля сдержатъ свой пылъ, и нѣскольою податься назадъ отъ рѣшетки.

– Пусть будетъ по-твоему, жестокосердая. Ты не знаешь, что значить любить, и потому ты такая холодная и спокой-

ная, словно стоишь за обѣдней.

– Я не люблю тебя? Малютка ты этакій! – воскликнула дѣвушка.

И теперь уже она, забывая свою досаду, принялась говорить еще съ большимъ жаромъ, чѣмъ ея женихъ. У нея другой родъ любви, но она увѣрена, что положивъ на вѣсы оба ихъ чувства, между ними ни въ чемъ не окажется разницы. Братъ ея лучше ея самой знаетъ о той горячности съ которой она любитъ Рафаэля. Какъ смѣется надъ ней Ферминъ, когда прійдетъ къ нимъ на виноградникъ и начнетъ ее спрашивать о ея женихѣ.

– Я люблю тебя, и думаю, что любила тебя всегда, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мы еще были дѣтьми и тебя за руку приводилъ въ Марчамало твой отецъ, такого маленькаго мальчугана, съ деревенскими твоими ухватками, заставлявшими смѣяться и барчуковъ, и насъ. Я люблю тебя, потому что ты одинокъ на свѣтѣ, Рафаэ, и у тебя нѣтъ ни отца, ни родныхъ; потому что ты нуждаешься въ добромъ человѣкѣ, который былъ бы всегда съ тобой и этимъ человѣкомъ буду я. И еще люблю тебя, потому что ты много страдалъ, зарабатывая себѣ насущный хлѣбъ, бѣдняжка мой! и я тебя видѣла чуть что не мертвымъ въ ту ночь и тогда же поняла; что ты властвуешь въ моемъ сердцѣ. Притомъ ты заслуживаешь, чтобы я тебя любила за твою честность и доброту; за то, что проводя время среди женщинъ, говорѣзовъ и вѣчныхъ кутежей, подвергаясь опасности лишиться жизни съ каждымъ

червонцемъ, который ты доставалъ, все же ты думалъ обо мнѣ, и, чтобы рзбавить милую свою отъ огорченій, захотѣлъ быть бѣднымъ и трудящимся. И я вознагражу тебя за все, что ты дѣлалъ тѣмъ, что буду любить тебя много, много, изо всѣхъ моихъ силъ. Я буду тебѣ и матерью, и женой, и всѣмъ, чѣмъ мнѣ надо быть, чтобы ты жилъ довольный и счастли- вый.

— Оле! Продолжай говорить такія милыя рѣчи, поселянка моя, — сказала Рафаэль съ новымъ взрывомъ восторга.

— Я люблю тебя также, — продолжала Марія де-ла-Лусъ съ нѣкоторой серьезностью, — потому что я достойна тебя, и ду- маю, что я добра и, будучи твоей женой, не доставлю тебѣ ни малѣйшаго огорченія. Ты меня еще не знаешь, Рафаэ. Если- бь я когда-нибудь увидѣла, что могу причинить тебѣ горе, что не стою такого человѣка какъ ты, я бы разсталась съ то- бой и умерла бы съ горя безъ тебя. Но хотя бы ты стоялъ на колѣняхъ передо мной, я притворилась бы, что забыла свое чувство! Суди по этому люблю ли я тебя?

И говоря это, голосъ ея звучалъ такъ грустно, что Рафа- эль долженъ былъ подбодрить ее. Къ чему думать о такихъ вещахъ? Нѣтъ ничего на свѣтѣ, что могло бы разлучить ихъ. Они знаютъ другъ друга и каждый изъ нихъ достоинъ друго- го. Быть можетъ, онъ, изъ-за своего прошлаго, не заслужи- валь бы ея любви, но она добра и сострадательна и дарить ему царскую милость своего расположенія. Впереди у нихъ и жизнь и взаимная любовь.

И чтобы стряхнуть съ себя грусть, навѣянную ея словами, они перемѣнили тему разговора, обратившись къ торжеству, которое имѣло быть устроеннымъ дономъ-Пабло черезъ нѣсколько часовъ въ Марчамало.

Виноградари, всегда по вечерамъ въ субботу уходившіе въ Хересь повидаться съ своими семьями, спали эту ночь здѣсь. Ихъ было болѣе трехсотъ человѣкъ: хозяинъ приказалъ имъ остаться, чтобы присутствовать на обѣднѣ и на процессіи. Съ дономъ-Пабло пріѣдутъ всѣ его родственники, а также служащіе въ конторѣ. И много народу изъ бодеги. Это большое торжество, на которомъ неоомнѣнно будетъ присутствовать и ея братъ. И она смѣялась, думая, какую фізіономію сдѣлаетъ Ферминъ, и что онъ скажетъ послѣ празднества, когда онъ придетъ къ нимъ на виноградникъ и встрѣтитъ здѣсь съ Сальватьеррой, который, время отъ времени, посѣщалъ съ нѣкоторыми предосторожностями своего стараго друга-приказчика.

Рафаэль заговорилъ тогда о Сальватьеррѣ, о его неожиданномъ посѣщеніи мызы и удивительныхъ его нравахъ.

— Этотъ добрый сеньоръ превосходнѣйшій человѣкъ, но очень неудобный. Еще немного и онъ бы мнѣ революціонизировалъ какъ есть всю людскую. Видите ли: это вотъ плохо, и то плохо, и бѣдные тоже имѣютъ право жить и т. п. Несомнѣнно, что на свѣтѣ не все обстоитъ такъ, какъ бы слѣдовало, но самое необходимое въ мірѣ — любить другъ друга и имѣть охоту трудиться. Когда мы съ тобой будемъ хозяйни-

чать на мызѣ, всего имущества у насъ будетъ лишь три песты въ день, хлѣбъ и еще кой-что. Должность надсмотрщика не очень-то прибыльная. А ты увидишь, какъ мы весело заживемъ, не! смотря на то, что сеньоръ Сальватьерра говорить въ своихъ проповѣдяхъ и зажигательныхъ рѣчахъ. Но только, чтобъ крестный не узналъ, какъ я говорю о его товарищѣ, потому что когда затрогиваютъ дона-Фернандо, хуже для него, чѣмъ, напримѣръ, еслибъ даже затронули тебя.

Рафаэль говорилъ о своемъ крестномъ одновременно и почтительно и со страхомъ. Старикъ зналъ о его ухаживаніи за его дочерью, но не говорилъ объ этомъ ни съ нимъ, ни съ Маріей де-ла-Лусъ. Молча допускалъ онъ ихъ любовь, увѣренный въ своей власти и въ томъ, что одно его слово можетъ уничтожить всѣ надежды влюбленныхъ. Рафаэль не смѣлъ просить руки Маріи де-ла-Лусъ у ея отца, а она, когда женихъ, набравшись храбрости, собирался поговорить съ крестнымъ, съ нѣкоторымъ испугомъ просила его не дѣлать этого.

Они ничего не потеряютъ, отложивъ свадьбу, и родители ихъ тоже женихались долгое время. Молчаніе сеньора Фермина означало согласіе. И Рафаэль, скрываясь отъ крестнаго, чтобы ухаживать за его дочерью, терпѣливо ждалъ со дня на день, когда старикъ въ одинъ прекрасный день встанетъ передъ нимъ и скажетъ ему съ своей деревенской грубостью: «Чего ты ждешь, чтобы забрать ее себѣ, дурень? Бери ее и да благо те будетъ».

Стало разсвѣтать. Рафаэль яснѣ видѣлъ теперь сквозь рѣшетку лицо своей невѣсты. Блѣдный свѣтъ зари придавалъ голубоватый оттѣнокъ ея смуглому лицу, отражаясь перламутровымъ отблескомъ на бѣлкахъ ея глазъ и усиливая черную тѣнь ея рѣсницъ. Со стороны Хереса небо озарилось потокомъ лиловаго свѣта, все больше расплывавшагося и поглощавшаго въ себѣ звѣзды. Изъ ночного тумана вырисовывался вдали городъ съ густолиственными деревьями парка, съ громадой бѣлыхъ его домовъ и улицъ, въ которыхъ мигали послѣдніе газовые фонари, словно гаснуція звѣзды. Дулъ холодный утренній вѣтерокъ: земля и растенія засверкали росой, соприкоснувшись со свѣтомъ. Махая крыльями, вспорхнула изъ кустарника птица, издавая пронзительный крикъ, испугавшій молодую дѣвушку.

– Уходи, Рафаэль, – сказала она съ поспѣшностью страха, – уходи сейчасъ же. Разсвѣло и отецъ мой скоро встанетъ. Къ тому же, не замедлятъ проснуться и виноградари. Что они скажутъ, если увидятъ насъ съ тобой въ такіе часы?

Но Рафаэль отказывался уходить. Такъ скоро! Послѣ ночи, проведенной столь сладостно!..

Дѣвушку охватило нетерпѣніе. Зачѣмъ мучить ее, вѣдь они сегодня же увидятся снова. Пусть онъ скорѣй идетъ на тотъ постоянный дворикъ и садится на лошадь, лишь только откроютъ двери дома.

– Я не уйду, не уйду, – говорилъ онъ умоляющимъ голосомъ и со страстью, сверкающей у него въ глазахъ. – Я не

уйду... Но если ты хочешь, чтобы я ушел?...

Онъ еще больше прижался къ рѣшеткѣ и робкимъ шепотомъ объявилъ, подъ какимъ условіемъ онъ готовъ уйти. Марія де-ла-Лусъ откинулась назадъ съ жестомъ протеста, точно испугавшись приближенія этихъ устъ, умолявшихъ изъ-за рѣшетки.

– Ты меня не любишь, – сказала она. – Если-бъ любилъ, не просилъ бы такихъ вещей.

И она прикрыла себѣ лицо руками, какъ бы собираясь заплакать.

Рафаэль просунулъ руку черезъ рѣшетку и нѣжно рознялъ перекрещенные пальцы, скрывавшіе отъ него глаза его возлюбленной.

– Вѣдь это же была лишь шутка, дитя мое. Прости меня грубіана! Лучше всего побей, дай мнѣ пощечину, я ее вполне заслужилъ.

Марія де-ла-Лусъ, съ лицомъ, слегка покраснѣвшимъ отъ давленія ея рукъ, улыбалась, побѣжденная смиреніемъ своего возлюбленнаго, молившаго ее о прощеніи.

– Прощаю тебя, но сейчасъ же уходи! Вотъ увидишь, они придутъ сюда... Да, да, прощаю, прощаю тебя... Только не будь настойчивъ, уходи скорѣй.

– Но чтобы убѣдить меня въ томъ, что ты дѣйствительно простила меня, дай мнѣ пощечину. Или ты мнѣ ее дашь, или же я не уйду!

– Дать тебѣ пощечину! Этакій ловкачъ, нечего сказать!

Знаю я чего ты добиваешься, плуть! Бери и уходи сейчас же.

Она, откинувшись назадъ тѣломъ, просунула ему черезъ рѣшетку свою полную, красивую руву, усѣянную граціозными ямочками. Рафаэль взялъ руку, восторженно лаская ее. Онъ цѣловаль розовые ногти, съ наслажденіемъ бралъ въ ротъ кончики ея тонкихъ пальчиковъ, волнуя этимъ Марію де-ла-Лусъ за рѣшеткой до нервныхъ подергиваній.

– Оставь меня, злой человѣкъ! Я зікричу, разбойникъ.

И выдернувъ руку, она освободилась отъ его ласкъ, заставившихъ ее дрожать какимъ-то внутреннимъ щекотаньемъ; затѣмъ быстро захлопнула окно. Рафаэль еще долго стоялъ неподвижно и, наконецъ, удалился, когда пересталъ чувствовать на устахъ своихъ впечатлѣніе руки Маріи де-ла-Лусъ.

Прошло еще много времени, прежде чѣмъ обитатели Марчамало дали признаки жизни. Когда приказчикъ отворилъ дверь помѣщенія виноградныхъ давлений, дворовыя собаки, залаяли и запрыгали кругомъ него. Потомъ, мало-помалу, съ выраженіемъ недовольства на лицахъ стали выходить на эспланаду виноградари, принужденные оставаться въ Марчамало для присутствованія на готовящемся торжествѣ.

Небо было лазурное и на немъ не видно было самага легкаго пятна облаковъ. На рубежѣ горизонта пурпуровая полоса возвѣщала о восходѣ солнца.

– Дай намъ Богъ добрый день, кабальеросы, – сказали при-

казчикъ, обращаясь въ поденщикамъ.

Но они дѣлали отрицательные жесты, или пожимали плечами, словно имъ безразлично будетъ ли такая или иная погода, когда они не со своими семействами.

Рафаэль появился верхомъ, въѣзжая галопомъ на холмъ виноградника, точно онъ ѣхалъ съ мызы.

– Ты встаешь ранехонько, парень, – сказалъ ему крестный насмѣшливо. – Видно, дѣла въ Марчамало лишаютъ тебя сна.

Надсмотрщикъ, бродя вблизи дверей дома, не встрѣтилъ однако Маріи де-ла-Лусъ.

Только позднимъ утромъ старикъ Ферминъ, наблюдавшій съ вершины холма за большой дорогой, увидѣлъ въ концѣ бѣлой полосы, отдѣлявшей поляну отъ дороги, большое облако пыли, а среди него черныя пятна экипажей.

– Они ѣдутъ, парни! – крикнулъ онъ виноградарямъ. – Хозяинъ ѣдетъ! Смотрите, встрѣтите его хорошенько, какъ приличествуетъ порядочнымъ людямъ.

И поденщики, слѣдуя указаніямъ приказчика, встали въ два ряда по обѣимъ сторонамъ дороги.

Обширный каретный сарай Дюпона опустѣлъ вслѣдствіе готовящагося празднества. Лошади и мулы, какъ и верховые кони милліонера, были выведены изъ большихъ конюшенъ, находившихся позади его бodeги, и запряжены въ своей сверкающей сбруѣ въ экипажи всѣхъ родовъ, которые Дюпонъ покупалъ въ Испаніи, или выписывалъ изъ Англій, съ расточительностью богача, не имѣющаго возможности хвастнуть

своимъ достаткомъ инымъ образомъ.

Донъ-Пабло вышелъ изъ большого ландо, подавая руку толстому священнику съ румянымъ лицомъ и въ шелковой рясѣ, сіявшей на солнцѣ. Какъ только онъ убѣдился, что его спутникъ вышелъ изъ экипажа безъ затрудненій, онъ поспѣшилъ помочь сдѣлать то же своей матери и женѣ, одѣтымъ съ ногъ до головы въ черномъ, съ мантилей, спущенной на глаза.

Виноградари, стоявшіе неподвижно въ двѣ шеренги, сняли шляпы, привѣтствуя хозяина. Дюпонъ, довольный этимъ, улыбнулся, и священникъ сдѣлалъ то же самое, окинувъ поденщиковъ взглядомъ покровительствующаго состраданія.

— Весьма похвально, — сказалъ онъ льстивымъ тономъ на ухо донъ-Пабло. — Повидимому, это люди хорошіе. Сейчасъ замѣтно, что они служатъ барину-христіанину, который наставляетъ ихъ своимъ добрымъ примѣромъ.

И другіе экипажи стали подъѣзжать съ громкимъ звономъ бубенчиковъ и пылью, поднимаемой копытами лошадей. Эспланада наполнилась людьми. Свиту Дюпона составляли всѣ его родственники и служащіе въ конторѣ. Даже его двоюродный братъ Луисъ покинулъ, съ заспаннымъ лицомъ, на разсвѣтѣ, почтенное общество своихъ друзей, чтобы присутствовать при торжествѣ и сдѣлать этамъ пріятное дону-Пабло, въ покровительствѣ котораго онъ какъ разъ нуждался.

Увидавъ Марію де-ла-Лусъ, собственникъ Матансуэлы пошелъ ей навстрѣчу подъ аркады, смѣшавшись здѣсь съ по-

варомъ Дюпона и всей толпой только что прибывшихъ слугъ, которые были завалены съѣстными припасами и просили дочь приазчика провести ихъ на господскую кухню, чтобы заняться тамъ изготовленіемъ званого обѣда.

Ферминъ Монтенегро вышелъ съ дономъ-Рамономъ, начальникомъ конторы, изъ другого экипажа и они вдвоемъ удалились въ самый конецъ эспланады, какъ бы убѣгая отъ властнаго Дюпона. Этотъ послѣдній давалъ приказанія слугамъ относительно празднества и приходилъ въ бѣшенство, замѣтивъ нѣкоторыя упущенія въ приготовленіяхъ къ нему.

Послышался первый ударъ съ колокольни часовни, призывавшій къ обѣднѣ. Никто не ждалъ внѣ предѣловъ виноградника, но донъ-Пабло приказалъ поденщику звонить три раза изо всей силы, какъ можно громче. Металлическій звукъ колокола радовалъ Дюпона, ему казалось, что голосъ Божій раздается надъ его владѣніями, покровительствуя имъ, какъ это и должно было быть, потому что хозяинъ этихъ владѣній столь прекрасный христіанинъ.

Между тѣмъ священникъ, пріѣхавшій съ дономъ-Пабло, казалось, тоже бѣжалъ отъ криковъ и бѣшенныхъ жестовъ хозяина, которыми онъ сопровождалъ свои приказанія и любезно присосѣдился къ сеньору Фермину, восхваляя красивое зрѣлище, представляемое виноградникомъ.

— Какъ величественно Провидѣніе Господне! И что за дивныя вещи онъ создаетъ! Не правда ли, добрый другъ?

Приказчикъ зналъ священнослужителя. Онъ былъ новѣй-

шей страстью дона-Пабло, новѣйшимъ предметомъ его восхищенія. Это былъ отецъ іезуитъ, о которомъ много говорили, благодаря тому что въ духовныхъ бесѣдахъ, куда допускались лишь одни мужчины, онъ умѣло обсуждалъ такъ называемый соціальный вопросъ, столь запутанный для невѣрующихъ. Достигнуть его разрѣшенія было не въ ихъ силахъ, но священникъ разрѣшалъ его въ мгновеніе ока, опираясь на христіанское милосердіе.

Дюпонъ отличался измѣнчивостью и непостоянствомъ въ своихъ увлеченіяхъ священнослужителями. То онъ боготворилъ отцовъ іезуитовъ, и обѣдня казалась ему не въ обѣдню и проповѣдь не въ проповѣдь, если онѣ происходили не въ церкви іезуитовъ. Но онъ быстро утомлялся рясой іезуитовъ, его обольщали разные монашествующіе ордена и онъ открывалъ свой кошелекъ и двери своего дома кармелитамъ, францисканцамъ или доминиканцамъ.

Всякій разъ, что пріѣзжалъ на виноградникъ Дюпонъ, онъ являлся съ духовнымъ лицомъ иного разряда, изъ чего приказчикъ и узнавалъ, кто въ ту пору были его любимцами. По временамъ здѣсь показывались монахи кармелиты, въ другіе раза доминиканцы или францисканцы. Онъ приводилъ иногда даже монаховъ съ длинными бородами, пріѣхавшихъ изъ далекихъ странъ и лицъ кой-какъ бормотавшихъ по-испанскт. А хозяинъ съ своими восторгами влюбленнаго, желая подчеркнуть заслуги миссіонера, говорилъ приказчику въ порывѣ дружескаго довѣрія:

– Это герой, мученикъ. Онъ обратилъ въ христіанство много язычниковъ и даже, какъ я слышалъ, творить чудеса. Еслибъ не скромность его, я бы его попросилъ снять съ себя платье, чтобы ты изумился, глядя на шрамы, оставшіеся на тѣлѣ его отъ вынесенныхъ имъ истязаній.

Разногласія дона-Пабло съ доньей Эльвирой происходили на той почвѣ, что любимцы ея рѣдко оказывались любимцами ея сына. Когда онъ падалъ ницъ передъ іезуитами, благородная сестра маркиза де-Санъ-Діонисіо возносила до небесъ францисканцевъ, указывая на древность ихъ ордена сравнительно со всѣми остальными, основаннымидипослѣ нихъ.

– Нѣтъ, мама, – возражалъ донъ-Пабло, сдерживая раздражительный свой характеръ изъ уваженія къ матери, – мыслимо развѣ сравнивать какихъ-то нищенствующихъ монаховъ съ отцами іезуитами, самыми учеными богословами церкви?

А когда благочестивая сеньора стояла горой за ученыхъ іезуитовъ, сынъ ея говорилъ, чуть ли не плача отъ волненія, о святомъ пустынникѣ ассизскомъ и францисканскихъ монахахъ, могущихъ преподавать невѣрующимъ уроки истинной демократіи, такъ какъ именно имъ суждено, неожиданно-негаданно, разрѣшить соціальный вопросъ.

Теперь флюгеръ благосклонности Дюпона повернулся опять въ сторону іезуитовъ, и онъ не появлялся нигдѣ безъ отца Урисабала, уроженца Бискаи, земляка знаменитаго св. Игнатія, достоинства, по мнѣнію Дюпона, заслуживающія

того, чтобы онъ ихъ прославлялъ.

Иезуитъ смотрѣлъ на виноградники съ восхищеніемъ чело-
вѣка, привыкшаго жить среди обыденности городскихъ
зданій и только изрѣдка любоваться зрѣлищемъ величія при-
роды. Онъ спрашивалъ приказкаа о томъ, какъ обраба-
тываются виноградники, восхваляя достоинства виноград-
никовъ Дюпона. И сеньоръ Ферминъ, польщенный въ своей
гордости виноградаря, подумалъ про себя, что эти іезуиты
не столь уже презрѣнные, какъ выходило по словамъ друга
его, дона-Фернанда.

– Знаете ли, милость ваша, – вѣдь Марчамало единствен-
ный виноградникъ въ мірѣ, цвѣтъ всѣхъ виноградниковъ Хе-
реса.

И онъ перечислялъ условія, необходимыя для обработ-
ки хорошаго виноградника, съ лозами, посаженными въ из-
вестковой землѣ, на склонахъ холмовъ, чтобы дождевая вода
стекала внизъ и не охлаждала бы чрезмѣрно почву, лшпая
виноградный сокъ его силы. Такимъ вотъ образомъ произ-
растаютъ эти виноградныя грозди – слава страны, – съ ихъ
маленькими, прозрачными ягодками, бѣлизны слоновой ко-
сти.

Увлеченный своимъ восхищеніемъ, приказчикъ перечис-
лялъ священнику, точно онъ былъ винодѣломъ, всѣ опера-
ціи, которыя въ теченіе года надлежитъ продѣлать съ этой
землей, чтобы извлечь изъ нея лучшія ея соки. Въ послѣд-
нюю четверть года дѣлаются pietas, т. е. ямы кругомъ лозъ

для собиранія въ нихъ дождевой воды. Эту работу называютъ *chata*. Тогда же производится и подрѣзываніе лозъ, вызывающее среди виноградарей столкновенія, которыя иногда даже бываютъ причиной смерти кого-нибудь; столкновенія изъ-за того, слѣдуетъ ли подрѣзывать лозы ножницами, какъ этого требуютъ хозяева, или же стариннымъ рѣзакомъ, нѣчто вродѣ короткихъ и тяжелыхъ тесаковъ, какъ этого желаютъ работники. Затѣмъ, въ теченіе января и февраля производится работа, называемая *сava bien*, которою земля углаживается и оказывается выравненной, точно по ней прошло гребло. Послѣ того, въ мартѣ происходитъ *el Golpe Lepo*, для уничтоженія травъ, выросшихъ за время дождей, и вмѣстѣ съ тѣмъ осушиваютъ также и почву. А въ іюнѣ и іюль имѣетъ мѣсто *la Vina*, которою сдавливается земля, образуя твердую кору, чтобы въ ней сохранялись ея соки для передачи ихъ виноградной лозѣ. Сверхъ этого, лозы окуриваютъ сѣрой въ маѣ, когда начинаютъ появляться грозди, чтобы избѣжать *senizo*, болѣзнь, ведущую къ отвердѣнію виноградныхъ ягодъ.

И сеньоръ Ферминъ, желая наглядно доказать непрерывную заботливость, требуемую въ теченіе года этой почвой, имѣющую цѣнность золота, присѣдалъ на корточки, чтобы поднять горсть известковой земли и показать священнику великолѣпіе маленькихъ, бѣлыхъ, растертыхъ крупинокъ, въ которыхъ не давали появляться ни одному зародышу паразитнаго растенія. Въ пространствѣ между рядами виноградны-

хъ лозь виднѣлась растолченная, вычищенная и словно полированная земля, съ такимъ же блескомъ, еслибъ это былъ полъ салона. А виноградникъ Марчамало необъятной величиной распространяется на многихъ холмахъ и требуетъ громаднаго труда для обработки его.

Несмотря на суровость, проявляемую приказчикомъ относительно виноградарей во время ихъ работъ, теперь, когда они отсутствовали, онъ говорилъ съ состраданіемъ о тяжело-мъ ихъ трудѣ. Получали они въ день десять реаловъ, непо-мѣрная поденная плата сравнительно съ получаемой поле-выми рабочими на мызахъ. Но ихъ семейства должны были жить въ городѣ и, кромѣ того, харчи были на ихъ счетъ, и они сообща покупали себѣ хлѣбъ и menestra (похлебку изъ разныхъ овощей), ежедневно привозимые имъ изъ Хереса на двухъ подводахъ. Рабочій инструмента тоже былъ ихъ соб-ственный: мотыка, вѣсомъ въ девять фунтовъ, которою они, съ зари до зари, должны были управлять съ легкостью, слов-но это камышь, имѣя лишь часъ отдыха во время завтрака, часъ во время обѣда, и тѣ нѣсколько минутъ, которыя имъ дарилъ приказчикъ своимъ позволеніемъ покурить.

– Девять фунтовъ, сеньоръ! – добавилъ старшій Ферми-нь. – Это можетъ показаться вещью легкой и словно игруш-кой на короткое время, но надо видѣть, во что обращается чело-вѣкъ послѣ того, какъ онъ цѣлый день подымалъ и опус-калъ мотыку. Подъ вечеръ она вѣситъ пуды, – что я говорю пуды, тысячи пудовъ! Такъ и кажется, что подымаешь на воз-

духъ весь Хересь, дѣлая ударъ мотыкой.

Въ виду того, что онъ говорилъ съ пріятелемъ хозяина, онъ не умолчалъ и объ уловкахъ, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ въ виноградникахъ, чтобы ускорить работу и выжать у поденщика всѣ соки его. Выбираютъ самыхъ ловкихъ и сильныхъ рабочихъ и имъ обѣщаютъ реалъ прибавки, ставя ихъ во главѣ отряда поденщиковъ. Въ признательность за прибавку избранные трудятся изо всѣхъ силъ, разбивая землю своей мотыкой, и едва вздыхая между однимъ и другимъ ударомъ. Остальные же несчастные, чтобы не отстать, должны слѣдовать примѣру передового рабочаго и удерживаться всѣми своими усиліями на одномъ уровнѣ съ товарищемъ, пришпоривающимъ ихъ.

Вечеромъ, полумертвые отъ усталости, они, въ ожиданіи ужина, играютъ въ карты, или же тихонько поютъ. Донъ-Пабло строго-настрого запретилъ имъ читать газеты. Единственная ихъ радость суббота, когда, съ наступленіемъ ночи, они покидаютъ виноградники, направляясь въ Хересь, чтобы идти къ обѣднѣ, какъ они выражаются. Воскресный день до позднего вечера проводится ими въ ихъ семействахъ, и часть заработка, оставшуюся у нихъ послѣ уплаты за харчи, они въ то время передаютъ женамъ.

Священникъ выразилъ удивленіе, почему виноградари остались въ Марчамало, разъ сегодня воскресенье?

– Потому, что они хорошіе ребята, – сказалъ лицемѣрнымъ тономъ приказчикъ, – и очень любятъ хозяина. Доста-

точно было мнѣ сообщить имъ, отъ имени дона-Пабло, о готовящемся торжествѣ, чтобы бѣдняги добровольно остались здѣсь и не пошли бы домой.

Голось Дюпона, звавшій своего знаменитаго друга, отца Урисабала, заставилъ его покинуть приказчика и направиться къ церкви въ сопровожденіи дона-Пабло и всей его семьи.

Сеньоръ Ферминъ увидѣлъ тогда, что сынъ его прогуливается по одной тропинкѣ съ дономъ-Рамономъ, начальникомъ конторы. Они говорили о прекрасномъ состояніи виноградника. Благодаря инициативѣ дона-Пабло, Марчамало снова становилось тѣмъ, чѣмъ это помѣстье было въ лучшіе свои дни. Филоксеры истребила множество лозъ, бывшихъ славою фирмы Дюпоновъ, но нынѣшній директоръ засадилъ опустошенныя паразитами покатоности холмовъ американскими лозами, — нововведеніе еще не виданное въ Хересѣ; и знаменитое помѣстье вернется къ славнымъ своимъ временамъ, не страшась уже вторженій филоксеры. Въ этихъ видахъ готовилось торжество, чтобы благословеніе Божіе простерло вѣчное свое покровительство надъ холмами Марчамало.

Начальникъ конторы пришелъ въ восторгъ отъ зрѣлища колыхавшихся виноградныхъ лозъ и разразился лирическимъ потокомъ хвалы. Дѣло рекламы фирмы было поручено ему, и изъ-подъ его пера стараго журналиста и интеллигента, потерпѣвшаго крушеніе, вытекали объявленія, брошюрки, сообщенія и проспекты на четвертыхъ страницахъ газетъ, восхвалявшіе чудныя качества винъ Хереса, и въ осо-

бенности винъ фирмы Дюпонъ. Слогъ этихъ восхваленій былъ до того высокопарный, торжественный и полный паѳоса, что трудно было разгадать, пишетъ ли все это авторъ рекламы искренно, или же позволяетъ себѣ подшучивать надъ директоромъ фирмы и надъ публикой. Читая произведенія его, волей неволей приходилось вѣрить, что вино Хереса столь же насущная потребность, какъ и хлѣбъ, и что люди, не пьющіе его, осуждены на близкую смерть.

– Посмотри-ка, Ферминъ, сынъ мой, – говорилъ онъ, съ ораторскимъ паѳосомъ, – что за прелесть эти виноградники! Я горжусь тѣмъ, что состою на службѣ у фирмы, обладающей помѣстьемъ Марчамало. Ничего подобнаго нѣтъ ни въ одной другой странѣ, и когда я слышу разговоры о прогрессѣ во Франціи, о вооруженной силѣ нѣмцевъ, или о морскомъ могуществѣ англичанъ, я говорю себѣ: «Прекрасно, но гдѣ же у нихъ вина, подобныя винамъ Хереса?» Никогда нельзя достаточно расхвалить это вино, пріятное для глазъ, ароматичное для обонянія, доставляющее наслажденіе вкусу и дающее подкрѣпленіе желудку! Ты согласенъ со мной?...

Ферминъ утвердительно кивнулъ головой и улыбнулся, какъ бы угадывая, что донъ-Рамонъ собирается сказать. Онъ зналъ наизусть краснорѣчивые отрывки изъ его рекламныхъ объявленій о фирмѣ, цѣнимые дономъ-Пабло, какъ наипрекраснѣйшіе образчики свѣтской литературы.

Всегда, лишь только представлялся къ тому случай, донъ-Рамонъ повторялъ ихъ тономъ декламаціи, пьянѣя отъ сма-

кованія собственнаго своего краснорѣчія.

– Вино, Ферминь, лучший всемірный напитокъ, самый здоровый изъ веѣхъ напитковъ, употребляемыхъ людьми для питанія ихъ, или для услады. Это напитокъ, заслужившій честь довести до опьянѣнія языческаго бога. Это напитокъ, воспѣтый греческими и римскими поэтами, прославленный живописцами, восхваленный врачами. Въ винѣ ищетъ поэтъ вдохновенія, находитъ солдатъ храбрость, рабочій – силу, больной – здоровье. Въ винѣ почерпаетъ человекъ веселье и радость, а старики подкрѣпленіе. Вино возбуждаетъ умъ, оживляетъ воображеніе, поддерживаетъ энергію. Мы не можемъ вообразить себѣ ни греческихъ героевъ, ни ихъ дивныхъ поэтовъ иначе какъ только ободренныхъ кипрскими и самосскими винами; и распущенность римскаго общества намъ непонятна безъ винъ Фалерно и Сиракузы. Мы можемъ допустить героическое сопротивленіе арагонскихъ крестьянъ при осадѣ Саррагоссы безъ отдыха и ѣды, только сознавая, что сверхъ изумительной нравственной энергіи ихъ патріотизма, они, для физической поддержки, рассчитывали на кувшинъ легкаго своего вина. Но въ виноградномъ производствѣ, охватывающемъ многочисленныя страны, какое изумительное разнообразіе сортовъ и качествъ, цвѣта и аромата, и до чего Хересь выдѣляется во главѣ аристократіи винъ! Не правда ли, Ферминь? Не находишь ли ты, что все сказанное мною справедливо и вѣрно?...

Юноша кивнулъ утвердительно головой. Все это онъ чи-

таль много разъ въ введеніи въ обширному каталогу фирмы, съ видами бодегъ Дюпона и многочисленными ихъ отдѣленіями, содержащемъ исторію фирмы и восхваленія ея производства, – образцовое произведеніе дона-Рамона, которое хозяинъ дарилъ своимъ кліентамъ и посѣтителямъ, въ бѣломъ съ голубымъ переплетѣ, цвѣта Пресвятой Дѣвы, нарисованной Мурильо.

– Вино Хереса, – продолжалъ торжественнымъ тономъ начальникъ конторы, не иностранный предметъ, случайно выдвинутый измѣнчивой модой; его репутація установлена издавна, не только какъ пріятнаго напитка, но и какъ незамѣнимаго терапевтическаго средства. Бутылкой хереса выказываютъ въ Англіи гостепріимство друзьямъ; бутылкой хереса угощаютъ выздоравливающихъ въ скандинавскихъ государствахъ, а въ Индіи англійскіе солдаты возстановлваютъ имъ свои истощенныя лихорадкой силы. Моряки побѣждаютъ хересомъ скорбуть, и святые миссіонеры прибѣгаютъ къ нему для уничтоженія случаевъ анеміи, вызванныхъ климатомъ и разными страданіями. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя чудеса могутъ быть осуществлены лишь настоящимъ хересомъ, самаго хорошаго производства. Въ немъ законный и естественный алкоголь вина соединяется съ присущими ему веществами: вяжущимъ таниномъ и возбуждающими эфирами, вызывающими аппетитъ для питанія тѣла и сонъ для подкрѣпленія его. Это вино, одновременно и возбуждающее и успокаивающее средство, превосходныя условія, не встрѣ-

чающіяся въ соединеніи ни въ какомъ другомъ продуктѣ, которое было бы, подобно хересу, въ одно и то же время пріятно на вкусъ и на глазъ.

Донь-Рамонъ замолкъ на мгновеніе, чтобы перевести дыханіе и насладиться своимъ краснорѣчіемъ, но вскорѣ продолжалъ, устремивъ неподвижно свой взоръ на Фермина, словно это былъ врагъ, котораго не легко убѣдить:

— Къ несчастью многіе думаютъ, что смакують хересь, когда пьютъ дрянныя поддѣлки его. Въ Лондонѣ, подъ именемъ хереса, продаютъ всякаго рода искусственную бурду. Мы не можемъ мириться съ этой ложью, сеньоры!.. Вино Хереса, это то же, что золото. Мы можемъ допустить, что золото бываетъ червонное, средней или низкой пробы, но нельзя допустить, чтобы аплике называлось золотомъ... Лишь тотъ хересь настоящій, который производится виноградниками Хереса, старѣетъ въ нашихъ винныхъ складахъ и экспортируется подъ защитой уважаемаго имени фирмы, пользующейся незапятнанной репутаціей, какова, на примѣръ, фирма братьевъ Дюпоновъ... Никакая другая фирма не можетъ сравниться съ нею: она охватываетъ всѣ отрасли винодѣлія, имѣетъ собственные виноградники, выдѣлываетъ собственное вино, хранить его въ собственныхъ магазинахъ, давая тамъ ему старѣть; занимается также экспортомъ его и продажей, и кромѣ того, и перегоняетъ виноградный сокъ, выдѣлывая изъ него свой знаменитый коньякъ. Основана фирма Дюпона около полтора ста лѣтъ тому назадъ. Дюпоны

учредили свою династію, ихъ могущество не допускаетъ ни союзниковъ, ни компаніоновъ; они засаживаютъ виноградными лозами собственныя земли, и эти лозы выводятся въ питомникъ тѣхъ же Дюпоновъ. Виноградный сокъ выдавливается въ давилняхъ Дюпона; бочки, въ которыхъ бродитъ вино, — фабрикуются у Дюпона. Въ бodegaхъ Дюпона старѣегъ, подъ надзоромъ Дюпона же, ихъ вино, и Дюпонъ отправляетъ и экспортируетъ его безъ помощи кого-либо другого, заинтересованнаго въ дѣлѣ. Итакъ, старайтесь пріобрѣсти настоящія вина Дюпона, въ полной увѣренности, что фирма, эта продаетъ ихъ чистыми и неподдѣльными.

Ферминъ смѣялся, слушая своего начальника, который несся галопомъ среди отрывковъ объявленій и рекламъ, хранившихся въ его памяти.

— Помилосердствуйте, донъ-Рамонъ!.. Вѣдь я же не куплю ни одной бутылки!.. Вѣдь я самъ служащій въ фирмѣ!..

Начальникъ конторы, повидимому, очнулся отъ ораторскаго своего кошмара, и разсмѣялся такъ же, какъ и его подчиненный.

— Быть можетъ въ объявленіяхъ о фирмѣ ты и давалъ многое изъ только что сказаннаго мною, но согласишься, вѣдь это же недурно? Притомъ, — продолжалъ онъ иронически, — мы, великіе люди, живемъ, отягощенные бременемъ нашего величія, такъ какъ намъ нельзя его сбросить, мы и повторяемся.

Онъ посмотрѣлъ на холмы, покрытые виноградными ло-

зами, и снова заговоришь тономъ искренняго удовольствія:

– Я радъ, что засадили прогалины, произведенныя филоксерой, американскими лозами. Много разъ совѣтовалъ я это дону Пабло. Такимъ образомъ въ скоромъ времени увеличится производство винограда и торговля наша, идущая теперь хорошо, пойдетъ еще лучше. Филоксера можетъ возвращаться, когда ей вздумается, но уже тутъ она не найдетъ себѣ пристанища.

Ферминъ сдѣлалъ жестъ, приглашающій въ довѣрію:

– Свжите откровенно, донъ-Рамонъ, во что вы больше вѣрите, въ американскія ли лозы, или въ благословія, которыми этотъ попь надѣлитъ виноградникъ?...

Донъ-Рамонъ пристально посмотрѣлъ на юношу, точно желая увидѣть въ его зрачкахъ свое изображеніе.

– Юноша! Юноша! – строго произнесъ онъ, затѣмъ оглянулся съ нѣкоторой тревогой кругомъ себя и продолжалъ шопотомъ, точно виноградныя лозы могли услышать его:

– Ты вѣдь знаешь меня, и я съ довѣріемъ отношусь къ тебѣ, потому что ты не доносчикъ, и къ тому же видѣлъ свѣтъ и понавострился за границей. Зачѣмъ же ты вздумалъ обращаться ко мнѣ съ такимъ вопросомъ? Вѣдь ты знаешь, что я молчу, и даю идти вещамъ какъ имъ угодно. На большее я не имѣю права. Фирма Дюпонъ – мое убѣжище; еслибъ я его покинулъ, мнѣ, со всѣмъ моимъ потомствомъ, пришлось бы вернуться къ страшной нищетѣ моей мадридской жизни. Я здѣсь живу, подобно бродягѣ, пришедшему на постоянный

дворъ и берущему то, что ему даютъ, не позволяя себѣ критиковать своихъ благодѣтелей.

Воспоминаніе о прошломъ съ его иллюзіями и знаменемъ независимости пробудили въ немъ нѣкоторое смущеніе. Чтобы успокоить себя, ему захотѣлось объяснить радикальную перемену въ его жизни.

— Я, Ферминъ, ушелъ съ поля сраженія и не раскаиваюсь въ этомъ. Еще многіе изъ бывшихъ моихъ товарищей остались вѣрными прошлому съ послѣдовательностью упорства; но они родились быть героями, я же не болѣе какъ человѣкъ, считающій, что нельзя не ѣсть и что это первая жизненная функція. Кромѣ того, я усталъ писать для одной лишь славы и идей, усталъ терзаться изъ-за нихъ и жить въ непрерывающейся бѣдности. Однажды я сказалъ себѣ, что работать стоитъ только или для того, чтобы добыть себѣ извѣстность, или же чтобы добыть себѣ вѣрный кусокъ хлѣба. И такъ какъ я былъ увѣренъ, что міръ не можетъ почувствовать ни малѣйшаго волненія изъ-за моего отступленія и даже не замѣчаетъ, существую ли я или нѣтъ, я спряталъ тѣ драгоценности, которыя называлъ идеалами, рѣшилъ искать себѣ поѣсть, и, пользуясь нѣкоторымъ барабаннымъ боемъ, пущеннымъ мною въ газетахъ, въ видѣ восхваленій фирмы Дюпонъ, приютился въ ней навсегда, о чемъ ни мало не жалѣю.

Дону-Рамону показалось, что въ глазахъ Фермина отразилось нѣкоторое отвращеніе къ цинизму, съ которымъ онъ говорилъ, и онъ поспѣшилъ добавить:

– Я остался тѣмъ же, чѣмъ и былъ раньше, юноша. Если меня поскрести, явится прежній мой обликъ. Вѣрь мнѣ: у того, кто разъ отвѣдалъ отъ фатальнаго яблока, о которомъ говорятъ эти сеньоры, друзья нашего принцепала, – никогда уже съ его усть не исчезнетъ тотъ вкусъ. Мѣняютъ наружную оболочку, чтобы продолжать жить, но душу – никогда!.. Кто сомнѣвался, рассуждалъ и критиковалъ, – никогда уже не будетъ вѣрить такъ, какъ вѣрятъ благочестивые богомольцы; онъ будетъ лишь такъ вѣрить, какъ это ему совѣтуетъ разумъ, или же вынуждаютъ къ тому обстоятельства... И вотъ, если ты увидишь кого-либо подобнаго мнѣ, говорящаго о религіи и догматахъ, знай, что онъ лжетъ, потому что это ему удобно, или же самъ себя обманываетъ, чтобы заручиться нѣкоторымъ спокойствіемъ... Ферминъ, сынъ мой, не легко зарабатываю я себѣ хлѣбъ, зарабатываю его цѣной душевнаго униженія, вызывающаго во мнѣ стыдъ! Я, – въ былое время столь щепетильный и суровый въ спартанскихъ добродѣтеляхъ!.. – Но подумай и о томъ, что у меня есть дочери, которыя желаютъ и ѣсть, и одѣваться, и все остальное необходимое для ловли жениховъ, и чго пока эти женихи не явятся, я обязаиъ содержать своихъ дочерей, хотя бы для этого мнѣ даже пришлось бы воровать...

Донъ-Рамону показалось, что его пріятель дѣлаетъ жестъ состраданія.

– Презирай меня, сколько хочешь: молодежь не понимаетъ нѣкоторыхъ вещей; вамъ не трудно сохранить себя чи-

стыми, и отъ этого никто не пострадаетъ, кромѣ васъ самихъ... Притомъ же, другъ мой, я ни мало не раскаиваюсь въ такъ называемомъ моемъ ренегатствѣ. Вѣдь я разочарованный... Жертвовать собой для народа?... Стоитъ онъ этого!.. Я половину своей жизни провелъ бѣснуясь отъ голода и ожидая la gorda⁴. Ну, скажи-ка мнѣ по правдѣ, когда на самомъ дѣлѣ возставала наша страна? когда у насъ была революція? Единственная, настоящая, произошла въ 1808 г., и если тогда страна возсталла, то оттого лишь, что у нея отняли нѣсколькихъ принцевъ и инфантовъ, – глупцовъ по рожденію и злыдней по наслѣдственному инстинкту. А народъ проливалъ свою кровь, чтобы вернуть себѣ этихъ господъ, отблагодарившихъ его за столь многія жертвы, посылая однихъ въ тюрьму и вздергивая другихъ на висѣлицы. Чудесный народъ! Иди и жертвуй собой, ожидая чего-либо отъ него. Послѣ того у насъ уже не было больше революцій, а только одни лишь военные пронунсіаменто, или мятежи изъ-за улучшенія положенія и личнаго антагонизма, которые, если и привели къ чему-нибудь, то лишь только косвенно, оттого, что ими завладѣвало общественное мнѣніе. А такъ какъ теперь генералы не дѣлаютъ возстаній, потому что у нихъ есть все, что они желаютъ, и правители, наученные исторіей, стараются обласкать ихъ, – революція кончалась... Тѣ, которые работаютъ для нея, утомляются и мучаются съ такимъ же успѣхомъ, какъ еслибъ они набирали воду въ кор-

⁴ Жирную – иносказательно революцію.

знахъ изъ ковыля. Привѣтствую героевъ съ порога моего убѣжища!.. Но не сдѣлаю ни шага, чтобы идти заодно съ ними... Я не принадлежу въ ихъ славному отряду; я — птица домашняя, спокойная и хорошо откормленная, и не раскаиваюсь въ этомъ, когда вижу моего стараго товарища, Фернандо Сальватьерру, друга твоего отца, одѣтаго по зимнему лѣтотмъ, и по лѣтнему зимой, питающагося однимъ лишь хлѣбомъ и сыромъ, имѣющаго камеру, приберегаемую для него во всѣхъ тюрьмахъ Испаніи и притѣсняемаго на каждомъ шагу полиціей... Что-жь, — великолѣпно! Газеты печатаютъ имя героя, быть можетъ, исторія упомянетъ о немъ, но я предпочитаю свой столъ въ конторѣ, свое кресло, напоминающее мнѣ кресло канониковъ, и великодушіе дона-Пабло, который щедръ какъ принцъ съ умѣющими восхвалять его.

Ферминъ, оскорбленный ироническимъ тономъ, которымъ этотъ побѣжденный жизнью, довольный своимъ рабствомъ, говорилъ только что о Сальватьеррѣ, собрался было отвѣчать ему, какъ вдругъ на эспланадѣ раздался властный голосъ Дюпона, и приказчикъ громко захлопалъ въ ладоши, созывая рабочихъ.

Колоколь посылалъ въ пространство послѣдній, третій свой ударъ. Обѣдня должна была немедленно начаться. Донъ-Пабло, стоя на ступеняхъ лѣстницы, охватилъ взглядомъ все свое стадо и поспѣшно вошелъ въ часовню, такъ какъ рѣшилъ для назиданія виноградарей помогать священнику при службѣ.

Толпа работниковъ наполнила часовню, и стояла тамъ съ видомъ, отнимающимъ по временамъ у Дюпона всякую надежду, что эти люди чувствуютъ благодарность къ нему за его заботы о спасеніи ихъ душъ.

По близости къ алтарю возсѣдали на алыхъ креслахъ дамы семейства Дюпоновъ, а позади нихъ – родственники и служащіе конторы. Алтарь былъ украшенъ горными растеніями и цвѣтами изъ оранжерей Дюпоновъ. Острое благоуханіе лѣсныхъ растеній смѣшивалось съ запахомъ утомленныхъ и потныхъ тѣлъ, выдѣляемымъ скопищемъ поденщиковъ.

Время отъ времени Марія де-ла-Лусъ бросала кухню, чтобы подбѣжать къ дверямъ церкви и послушать капельку обѣдни. Поднявшись на цыпочки, она поверхъ всѣхъ головъ устремляла глаза свои на Рафаэля, стоявшаго рядомъ съ приказчикомъ на ступеняхъ, которыя вели къ алтарю, составляя такимъ образомъ точно живую ограду между господами и бѣдными людьми.

Луисъ Дюпонъ, стоявшій позади кресла тетки своей, увидавъ Марію де-ла-Лусъ, началъ дѣлать ей разные знаки и даже угрожалъ ей пальцемъ! Ахъ, проклятый бездѣльникъ! Онъ остался все тѣмъ же. До начала обѣдни Луисъ вертѣлся на кухнѣ, надоѣдая ей своими шутками, словно еще продолжались ихъ дѣтскія игры. Время отъ времени она была вынуждена полушутя, полусерьезно угрожать ему за то, что онъ давалъ волю своимъ рукамъ.

Но Марія де-ла-Лусъ не могла оставаться долго у дверей

церкви. Служащіе на кухнѣ поминутно звали ее, не находя самыхъ нужныхъ предметовъ для своего кухоннаго дѣла.

Обѣдня подвигалась впередь. Сеньора вдова Дюпонъ умилялась при видѣ смиренія и христіанской кротости, съ которыми ея Пабло носилъ съ мѣста на мѣсто требникъ, или бралъ въ руки церковную утварь.

Первый милліонеръ во всей округѣ подаетъ бѣднякамъ такой примѣръ смиренія передъ лицомъ священнослужителя Божьяго, замѣняя собой дьячка при отцѣ Урисабала! Еслибъ всѣ богатые поступали такимъ же образомъ, работники, чувствующіе лишь ненависть и желаніе мести, смотрѣли бы на вещи иначе. И взволнованная величіемъ души своего сына, донья-Эльвира опускала глаза, вздыхая, близкая къ тому, чтобы расплакаться...

Когда кончилась обѣдня, наступилъ моментъ великаго торжества – благословенія виноградниковъ для предотвращения опасности отъ филлоксеры... послѣ того, какъ ихъ засадили американскими лозами.

Сеньоръ Ферминъ поспѣшно вышелъ изъ часовни и велѣлъ принести къ дверямъ соломенные тюки, привезенные наканунѣ изъ Хереса и наполненные восковыми свѣчами. Приказчикъ принялся раздавать свѣчи виноградарямъ.

Подъ сверкающимъ блескомъ солнца засвѣтилось, точно красные и непрозрачные мазки кисти, – пламя восковыхъ свѣчей. Поденщики встали въ два ряда и, предводительствуемые сеньоромъ Ферминомъ, медленно двинулись впередь,

направляясь внизъ по винограднику.

Даиы, собравшіяся на площадкѣ со всѣми своими служанками и Маріей де-ла-Лусъ, смотрѣли на процессію и медленное шествіе мужчинъ въ двѣ шеренги, съ опущенной внизъ головой и восковыми свѣчами въ рукахъ, нѣкоторые въ курткахъ изъ сѣраго сукна, другіе въ рубахахъ съ повязаннымъ кругомъ шеи краснымъ платкомъ, при чемъ всѣ несли свои шляпы прислоненныя къ груди.

Сеньоръ Ферминъ, шествуя во главѣ процессіи, дошелъ уже до спуска средняго холма, когда у входа въ часовню появилась наиболѣе интересная группа: отецъ Урисабаль въ рясѣ, усѣянной красными и сверкающими золотомъ цвѣтами и рядомъ съ нимъ Дюпонъ, который держалъ въ рукахъ восковую свѣчу точно мечъ, и повелительно оглядывался во всѣ стороны, чтобы церемонія сошла хорошо и ее не омрачила бы ни малѣйшая оплошность.

Сзади него, вродѣ почетной свиты, шли всѣ его родственники и служащіе въ конторѣ, съ сокрушеніемъ на лицахъ. Луисъ былъ наиболѣе серьезень съ виду. Онъ смѣялся надъ всѣмъ, исключая лишь религіи, а эта церемонія волновала его своимъ необычайнымъ характеромъ. Луисъ былъ хорошимъ ученикомъ отцовъ-іезуитовъ – «натура у него была добрая», какъ говорилъ донъ-Пабло, когда ему сообщали о «шалостяхъ» его двоюроднаго брата.

Отецъ Урисабаль открылъ книгу, которую несъ, прижимая ее къ груди: – католическій требникъ, и началъ читать

молебствіе святымъ, «великую литанію», какъ ее называютъ церковники.

Дюпонъ приказаль жестомъ всѣмъ окружавшимъ его точно повторять за нимъ его отвѣты священнику:

– Sancte Michael!..

– Ora pro nobis, – отозвался хозяинъ твердымъ голосомъ, взглянувъ на сопровождавшихъ его:

Они повторяли его слова и возгласъ «Ora pro nobis» разлился громкимъ ревомъ до первыхъ рядовъ процессіи, гдѣ, казалось, голосъ сеньора Фермина покрываль всѣ остальные.

– Sancte Raphael!..

– Ora pro nobis!..

– Omnes Sancti Angeli et Archangeli!..

Теперь, когда молитвенный призывъ относился уже не къ одному святому, а ко многимъ, Дюпонъ поднѣяль голову и крикнуль громче, чтобы всѣ слышали и не ошиблись въ отвѣтъ.

– Orate pro nobis.

Но только близко окружавшіе дон-Пабло могли слѣдовать его указаніямъ. Остальная же часть процессіи медленно двигалась впередъ и изъ ея рядовъ исходилъ ревъ, каждый разъ все болѣе нахальный, съ шутливой звонкостью и ироническимъ дрожаніемъ голосовъ.

Послѣ нѣсколькихъ фразъ молебствія поденщики соскучившись церемоніей, съ опущенными внизъ свѣчами, отвѣчали автоматически, то подражая раскатамъ грома, то прон-

зительному визгу старухъ, что вынуждало многихъ изъ нихъ прикрывать себѣ ротъ шляпой.

– Sancte Iacobe!.. – пѣлъ священникъ.

– Noooooobis, – ревѣли виноградари съ насмѣшливыми интонаціями голоса, не теряя при этомъ серьезности своихъ загорѣвшихъ лицъ.

– Sancte Barnaba!..

– Obis, Jbis! – отвѣчали вдали поденщики.

Сеньоръ Ферминъ, тоже соскучившись церемоніей, притворился, что сердится.

– Слушайте, чтобъ у меня все было чинно! – говорилъ онъ, обращаясь къ самымъ нахальнымъ изъ поденщиковъ. – Неужели вы, каторжники, не видите, что хозяинъ пойметъ насмѣшки ваши надъ нимъ?

Но хозяинъ не отдавалъ себѣ отчета ни въ чемъ, ослѣпленный волненіемъ. Видъ двухъ шеренгъ людей, идущихъ между виноградными лозами, и спокойное пѣніе священника, растрогали ему душу. Пламя восковыхъ свѣчей дрожало безъ красокъ и свѣта, точно блуждающіе огоньки застаигнутые въ ночномъ ихъ путешествіи разсвѣтомъ. Ряса іезуита сверкала подъ лучами солнца, точно чешуя громаднаго насѣкомаго, бѣлаго съ золотомъ. Священная церемонія до того волновала Дюпона, что вызвала слезы на его глазахъ.

– Чудесно! не правда ли, – сказалъ онъ въ одинъ изъ промежутковъ литаній, не видя кто его окружаетъ и роняя наугадъ слова своего восторга.

– Дивно! – поспѣшилъ вставить слово свое начальникъ конторы.

– Великолѣпно, первый сортъ, – добавилъ Луись. – Точно въ театрѣ...

Несмотря на волненіе, Дюпонъ не забывалъ с-воевременно давать отвѣты на молитвенный призывъ и заботиться о священникѣ. Онъ бралъ его подъ руку, чтобы провести по неровностямъ почвы; старался не давать его рясѣ зацѣпляться за длинные стебли лозъ, стлавшихся по землѣ на краяхъ дороги.

– *Ab ira, et odio, et omni mala voluntatel...* – пѣлъ священникъ.

Нужно было измѣнить отвѣтъ и Дюпонъ со всей своей свитой провозгласилъ:

– *Libera nos, Domine.*

Между тѣмъ, остальная часть процессіи продолжала съ ироническимъ упорствомъ твердить свое *Oga pro nobis.*

– *A, spiritu fornicationis!* – сказалъ отецъ Урисабала.

– *Libera nos, Domine,* – отвѣтили съ сокрушеніемъ сердца Дюпонъ и всѣ слышавшіе эту мольбу къ Всевышнему, между тѣмъ какъ поль процессіи издали ревѣла:

– *Nooobis...obis.*

Приказчикъ шель теперь вверхъ по холму, направляясь съ своими людьми къ эспланадѣ. Виноградари построились здѣсь группами, вокругъ цистерны, надъ которой поднимался большой желѣзный обручъ, украшенный крестомъ. Когда

священникъ прибыль съ окружавшими его, Дюпонъ освобо-
дился отъ свѣчи, чтобы взять у поденщика, на обязанности
котораго лежало смотрѣть за часовней, иссопъ и сосудъ со
святой водой. Онъ будетъ служить дьячкомъ своему ученому
другу. Руки его дрожали отъ волненія когда онъ бралъ свя-
щенные предметы.

Приказчикъ и многіе изъ виноградарей, догадываясь, что
насталъ самый торжественный моментъ церемоніи, непо-
мѣрно открывали глаза, надѣясь увидѣть что-нибудь необы-
чайное.

Между тѣмъ, священникъ перелистывалъ страницы своей
книги, не встрѣчая молитвы, подходящей къ случаю. Треб-
никъ былъ самый полный, а церковь охватываетъ молит-
вой всѣ моменты жизни человѣка: имѣется молитва для ро-
дильницъ, для воды, свѣчей, новыхъ домовъ, для только что
отстроенныхъ барокъ, для постели супруговъ, Для отправ-
ляющихся въ путешествіе, для хлѣба, яицъ и всякаго рода
сѣстныхъ припасовъ. Наконецъ, отецъ Урисабаль нашель
въ требникѣ то, что искаль: *Benedictio super fruges et vineas*.

И Дюпонъ чувствовалъ нѣкоторую гордость при мысли,
что церковь снабжена латинской молитвой для виноградни-
ковъ, какъ бы предвидя, что черезъ долгіе вѣка въ Хересѣ
окажется служитель Божій, великій винодѣль, которому по-
надобится эта молитва.

– *Adjutorium nostrum in nomine Domine*, – сказалъ священ-
никъ, глядя во всѣ глаза на своего богача свѣщеносца, гото-

вый тотчасъ подсказать ему требуемый отвѣтъ.

– Quifecit coelum et terram, – провозгласилъ не колеблясь Дюпонъ, вспомнивъ заботливо выученные имъ слова.

Еще на два молитвенные призыва священника онъ далъ, какъ слѣдовало, отвѣтъ и тогда іезуитъ принялся медленно читать Oremus, прося покровительства Божьяго для виноградниковъ и защиты для созрѣванія виноградныхъ гроздьевъ.

– Per Christum Dominem nostrum, – окончилъ молитву іезуитъ.

– Amen, – отвѣчалъ Дюпонъ съ взволнованнымъ лицомъ, дѣлая усилие, чтобы слезы не брызнули у него изъ глазъ.

Отецъ Урисабаль взялъ иссопъ, омочилъ его въ святой водѣ и приподнялся, какъ бы для того, чтобы лучше доминировать надъ пространствомъ виноградника, которое онъ охватывадъ взгрядомъ съ эспланады.

– Asperges... – и бормоча сквозь зубы конецъ молитвеннаго обращенія, онъ окропилъ святой водой пространство, лежащее впереди него.

– Asperges... Asperges... – и онъ кропилъ направо и налѣво.

Затѣмъ, снявъ съ себя рясу и улыбаясь сеньорамъ съ удовлетвореннымъ чувствомъ того, что считаетъ свой трудъ удачно конченнымъ, онъ направился къ часовнѣ, сопровождаемый дьячкомъ, который снова несъ иссопъ и чашу со святой водой.

– Кончилось? – флегматично спросил приказчика старикъ-виноградарь съ суровымъ лицомъ.

– Да, кончилось.

– Такъ что ничего больше не будетъ говорить отецъ священникъ?

– Думаю что ничего.

– Хорошо... И мы можемъ идти?

Сеньоръ Ферминъ, поговоривъ съ дономъ-Пабло, обернулся къ группе работниковъ, хлопая въ ладоши. Пусть себѣ улетаютъ! Торжество кончилось для нихъ. Они могутъ идти слушать другую обѣдню, видѣться со своими женами; но къ ночи пускай всѣ возвратятся на виноградникъ, чтобы пораньше утромъ приступить къ работѣ.

– Возьмите съ собой восковыя свѣчи, – добавилъ приказчикъ, – хозяинъ даритъ ихъ вамъ, чтобы ваши семьи сохранили ихъ, какъ воспоминаніе.

Работники стали дефилировать передъ Дюпономъ съ потушенными свѣчами въ рукахъ.

– Весьма благодарны, – говорили нѣкоторые изъ нихъ, поднося руку къ шляпѣ.

И тонъ ихъ голоса былъ такой, что окружавшіе Дюпона не знали, не обидится ли онъ.

Однако донъ-Пабло все еще находился подъ вліяніемъ волнующихъ его впечатлѣній. Въ господскомъ домѣ начались приготовленія къ банкету, но онъ не будетъ въ состояніи ѣсть. Какой великій день, друзья моя!.. Что за чудное зрѣли-

ще! И глядя на сонмы работниковъ, двигавшихся по винограднику, онъ давалъ своему восторгу свободный выходъ.

Вотъ образчикъ того, чѣмъ должно было бы быть общество, – господа и слуги, богатые и бѣдные, соединенные всѣ въ Богъ, любящіе другъ друга по-христіански, сохраняя каждый свое положеніе и ту часть благосостоянія, которымъ Господу было угодно одѣлать его.

Виноградари шли поспѣшно, нѣкоторые бѣжали, чтобы оказаться впереди товарищей и раньше другихъ прибыть въ городъ. Еще наканунѣ вечеромъ ихъ семьи ждали ихъ въ Хересѣ. Поденщики провели всю недѣлю, мечтая о субботахъ, о возвращеніи домой, чтобы почувствовать тепло семьи послѣ шести дней общей скученности.

Это было единственное утѣшеніе бѣдняковъ, печальный отдыхъ послѣ трудовой недѣли, а у нихъ украли ночь и утро. Имъ оставалось всего лишь нѣсколько часовъ: когда стемнѣетъ они должны вернуться въ Марчамало.

Выйдя изъ владѣній Дюпона и увидѣвъ себя на большой дорогѣ, у людей развязался языкъ. Они остановились на минуту, чтобы устремить взглядъ на высоту холма, гдѣ вырисовывались фигуры дона-Пабло и служащихъ конторы, казавшихся теперь крохотными вслѣдствіе большаго разстоянія.

Самые юные изъ виноградарей смотрѣли съ презрѣніемъ на подаренную имъ свѣчу и прислоняя ее къ животу, двигали ею съ цинизмомъ, поворачивая ее вверхъ, къ холму.

– Вотъ тебѣ!.. вотъ тебѣ!..

Старики же разражались глухими угрозами:

– Чтобъ тебя кинжаломъ въ бокъ, ханжа-мучитель! хоть бы тебя задушили, грабитель!..

И Дюпонъ, съ высоты охватывавшій взоромъ полнымъ слезъ свои владѣнія и сотни своихъ работниковъ, остановившихся на дорогѣ, чтобы, какъ онъ думалъ еще разъ поклониться ему, дѣлился впечатлѣніями со своими союзниками.

– Великій день, друзья мои! Трогательное зрѣлище! Міръ, дабы въ немъ все шло хорошо, долженъ быть организованъ сообразно со здоровыми традиціями... Вотъ такъ, какъ его торговая фирма!..

V

Въ одну субботу вечеромъ Ферминъ Монтенегро, выходя изъ конторы, встрѣтилъ дона-Фернандо Сальватьерру.

Маэстро направлялся за городъ для продолжительной прогулки. Большую часть дня онъ занимался переводами съ англійскаго языка, или же писалъ статьи для идейныхъ журналовъ – занятіе, приносившее ему необходимое для него питаніе хлѣбомъ и сыромъ и позволявшее ему, кромѣ того, помогать еще и товарищу, въ домикѣ котораго онъ жилъ, и другимъ товарищамъ не менѣе бѣднымъ, которые осаждали его, часто прося поддержки во имя солидарности.

Единственное его удовольствіе послѣ дневной работы была продолжительная прогулка, длившаяся въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, до наступленія ночи, почти что цѣлое путешествіе, причемъ онъ неожиданно появлялся на мызахъ, отстоявшихъ отъ города на разстояніи многихъ миль.

Друзья избѣгали сопровождать въ его экскурсіяхъ этого неутшимаго ходока, который считалъ ходьбу наиболѣе дѣйствительнымъ изъ всѣхъ лѣкарствъ, и говорилъ о Кантѣ, ставя въ примѣръ ежедневныя четырехчасовыя прогулки философа, благодаря которымъ онъ и достигъ глубокой старости.

Зная, что у Фермина нѣтъ неотложныхъ занятій, Сальватьерра пригласилъ его пройтись съ нимъ. Онъ шелъ по направленію въ равнинамъ Каулина. Дорога въ Марчамало

правилаь ему больше и онъ былъ увѣренъ вътомъ, что старъй товарищъ приказчикъ встрѣтитъ его съ открытыми объятіями; но зналъ о чувствахъ, питаемыхъ къ нему Дюпономъ, онъ не желалъ быть причиной какихъ-либо непріятностей для своего друга.

— И ты также, юноша, — продолжалъ донъ-Фернандо, — подвергаешься опасности выслушать проповѣдь, если Дюпонъ узнаеть, что ты гулялъ со мной.

Ферминъ пожалъ плечами. Онъ привыкъ къ порывамъ гнѣва своего принципала и очень скоро послѣ того, какъ услышитъ его негодующую рѣчь, забываетъ ее. Кромѣ того, онъ уже давно не бесѣдовалъ съ дономъ-Фернандо и прогулка съ нимъ въ этотъ прекрасный весенній вечеръ доставитъ ему большое удовольствіе.

Выйдя изъ города и пройдя вдоль оградъ маленькихъ виноградниковъ съ ихъ дачками, окруженными деревьями, они увидѣли раскинувшуюся передъ ихъ глазами, словно зеленую степь, равнину Каулина. Нигдѣ ни одного дерева, ни единого зданія.

Равнина тянулась до самыхъ горъ, затушеванныхъ разстояніемъ и прикрывающихъ горизонтъ, тянулась пустынная, невоздѣланная, съ однообразной торжественностью запущенной земли. Почва заросла густой чащей вереска, а весна отѣняла темную его зелень бѣлыми и красными цвѣтами. Лопухъ и чертополохъ, дикія и антипатичныя растенія пустырей, громоздили по краямъ дороги колючія и задирчивыя

свои произрастанія. Ихъ прямыя и колеблющіяся стебли съ бѣлыми помпонами и гроздьями замѣняли собой деревья въ этой плоской и монотонной безпредѣльности, не прерываемой ничѣмъ волнистымъ. Разбросанныя на далекихъ разстояніяхъ, едва выдѣлялись, словно черныя бородавки, хижины и сторожки пастуховъ, сдѣланныя изъ вѣтокъ и столь низенькихъ, что они казались жилищами пресмыкающихся. Махая крыльями, уносились вяхири въ высъ радостнаго вечерняго неба. Золотыми каймами окружались облака, отражавшія заходящее оолнце.

Нескончаемая проволока тянулась почти въ уровень земли отъ столба къ столбу, обозначая границы равншы, раздѣленной на громадныя доли. И въ этихъ отгороженныхъ пространствахъ, которыя нельзя было охватить взоромъ, двигались медленными шагами быки или же стояли неподвижно, умаленные разстояніемъ, точно упавшіе изъ игрушечнаго ящика. Бубенчики на шеяхъ животныхъ вливали трепеть въ дальніе отзвуки вечерняго безмолвія, придавая меланхолическую нотку мертвому ландшафту.

– Посмотри, Ферминъ, – сказалъ иронически Сальватьера, – вотъ она, веселая Андалузія... плодородная Андалузія!..

Сотни тысячъ людей, – жертвы поденщины, – подвергаются мукамъ голода, не имѣя земли для ея обработки, а вся земля въ окрестностяхъ цивилизованнаго города сберегается для животныхъ. И это не мирныя быки, мясо которыхъ

идеть въ пищу человѣку; на этой равнинѣ господствуютъ лю-
тыя животныя, которымъ предстоитъ являться въ циркахъ и
свирѣпость которыхъ собственники быковъ развиваютъ, ста-
раясь увеличить ее.

Въ безконечной равнинѣ отлично бы помѣсталось цѣлыхъ
четыре села и могли бы пропитываться сотни семействъ; но
земля эта принадлежала быкамъ, лютость которыхъ поддер-
живалась человѣкомъ для забавы праздныхъ людей, прида-
вая къ тому же еще своей промышленности патріотическій
характеръ.

– Есть люди, – продолжалъ Сальватьерра, – мечтающіе
оросить эти равнины водой, которая теперь теряется въ го-
рахъ, и водворить на собственной землѣ всю орду несчаст-
ныхъ, обманывающихъ голодъ свой харчами поденщины. И
это-то мечтаютъ добиться среди существующаго строя!.. А
многіе изъ нихъ называютъ еще меня мечтателемъ! Богатый
имѣетъ мызы и виноградники и ему нуженъ голодъ, этотъ
его союзникъ, чтобы онъ доставлялъ ему рабовъ поденщины.
Торговецъ быковъ, въ свою очередь, нуждается въ большомъ
количествѣ невоздѣланной земли для вырощенія на ней ди-
кихъ животныхъ, такъ какъ ему платятъ не за мясо, а смотря
по степени ихъ свирѣпости. И могучіе, владѣющіе деньгами,
заинтересованы въ томъ, чтобы все шло по-старому, и такъ
оно и будетъ!..

Сальватьерра смѣялся, вспоминая то, что онъ слышалъ
о прогрессѣ своей родины. На мызахъ встрѣчались кой-

гдѣ земледѣльческія орудія новѣйшихъ образцовъ, и газеты, подкупленныя богатыми, расточали похвалы великой инициативѣ своихъ покровителей, радѣющихъ о пользѣ земледѣльческаго прогресса. Ложь, все ложь. Земля обрабатывается хуже, чѣмъ во времена мавровъ. Удобренія остаются невѣдомыми; о нихъ говорятъ презрительно, какъ о нововведеніяхъ, противныхъ добрымъ, старымъ традиціямъ. На интенсивность обработки земли въ другихъ странахъ смотрятъ какъ на бредъ. Пашутъ на библейскій ладъ, предоставляя землѣ производить по ея капризу, возмѣщая плохіе урожаи большимъ протяженіемъ помѣстій и крохотной платой поденщикамъ. Въ Испаніи единственно введены только изобрѣтенія механическаго прогресса, и то лишь въ качествѣ боевого орудія противъ врага, противъ работника. На мызахъ не найти другихъ современныхъ машинъ, кромѣ молотилокъ. Это – тяжелая артиллерія крупной собственности. Молотьба по старой системѣ, – съ кобылами, ходившими кругомъ по гумну, – продолжалась цѣлые мѣсяцы и поденщики пользовались этимъ временемъ, чтобы просить какого-нибудь облегченія, угрожая забастовкой, отдававшей жатву на произволь суровости погоды. Молотилка, въ двѣ недѣли осуществлявшая работу двухъ мѣсяцевъ, давала хозяину увѣренность воспользоваться вполнѣ своей жатвой. Кромѣ того, она давала сбереженіе рабочихъ рукъ и была равносильна мщенію противъ мятежныхъ и недовольныхъ, преслѣдовавшихъ порядочныхъ людей своими обложеніями. И

въ Circulo Caballero⁵ крупные помѣщики говорили о прогрессѣ страны и о земледѣльческихъ орудіяхъ, служившихъ только для того, чтобы собрать и обезпечить жатву, а не для того, чтобы обѣменитъ и улучшить поля, выставляя лицемерно эту военную хитрость въ видѣ безкорыстнаго прогресса.

Крупная собственность была причиной оскудѣнія страны, которую она держала въ униженіи подѣ грубымъ своимъ гнетомъ. Городъ сохранялъ еще свою физиономію римской эпохи и былъ окруженъ многими и многими милями пустынныхъ равнинъ, безъ признака сель или деревень, безъ иныхъ скопленій жизни, какъ только мызы, съ ихъ поденщиками, этими наемниками нужды, которыхъ немедленно же замѣняли другими, лишь только силы ихъ ослабѣвали подѣ бременемъ старости или утомленія, болѣе несчастные, чѣмъ древніе рабы, знавшіе по крайней мѣрѣ, что хлѣбъ и кровь обезпечены имъ до ихъ смерти.

Жизнь сосредоточивалась вся въ городѣ, какъ будто война опустошала поля, и лишь за городскими стѣнами жизнь считалась безопасной. Старинный латифундъ господской земли привлекалъ орды, когда этого требовали полевая работы. По окончаніи ихъ, безконечныя пустынные мѣста окутывались словно безмолвіемъ смерти и толпы поденщиковъ удалялись въ свои горныя села, чтобы издали проклинать угнетающій ихъ городъ. Другіе нищенствовали въ немъ, видя вблизи бо-

⁵ Собраніе наѣздниковъ.

гатство хозяевъ, ихъ грубое чванство, зарождавшее въ душахъ бѣдняковъ желаніе истребленія.

Сальватьерра замедлялъ шагъ, чтобъ оглянуться назадъ, и посмотрѣть на городъ, вырисовавшій свои бѣлые дома и деревья садовъ своихъ на розово-золотомъ небѣ заходящаго солнца.

– Ахъ, Хересь! Хересь!.. – воскликнулъ революціонеръ. – Городъ милліонеровъ, окруженный безконечной ордой нищихъ!.. Удивительно, что ты еще стоишь здѣсь, такой бѣлый и красивый, смѣясь надъ всякой нищетой – и тебя еще не пожралъ огонь!..

Равнина въ окрестностяхъ города, имѣвшая протяженіе чуть ли не цѣлой губерніи, принадлежала восьмидесяти помѣщикамъ. И въ остальной части Андалузїи все обстояло совершенно также. Многіе отпрыски древнихъ родовъ сохранили еще феодальныя свои владѣнія, имѣнія громадныхъ размѣровъ, прїобрѣтенныя ихъ предками только тѣмъ, что они съ копьемъ въ рукахъ налетали галопомъ на мавровъ, убивая ихъ. Другія же большія помѣстья принадлежали скущикамъ національныхъ земель, или же политическимъ агитаторамъ, которые за оказанныя ими во время выборовъ услуги получили въ даръ отъ государства общественныя холмы и земли, на которыхъ обитало множество людей. Въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстностяхъ встрѣчались заброшенныя села съ разрушающимися домами, точно здѣсь прошла страшная эпидемія. Поселяне бѣжали, отыскивая вдали порабо-

щеніе поденщины, такъ какъ они видѣли превратившимися въ пастбище вліятельнаго богача общественныя земли, давашія хлѣбъ ихъ семьямъ.

И этотъ гнетъ собственности, безмѣрный и варварскій, былъ все-таки еще сносный въ нѣуоторыхъ уѣздахъ Андалузїи, такъ какъ здѣсь хозяева не находились на лицо, а жили въ Мадридѣ на доходы, высылаемые имъ администраторами и арендаторами, довольствуясь производительностью имѣній, въ которыхъ они никогда не бывали и которыя по большому своему протяженію приносили значительный и разнообразный доходъ.

Но въ Хересѣ богатый стоялъ ежечасно надъ бѣднымъ, давая ему чувствовать свою власть. Онъ представлялъ собой грубаго кентавра, тщеславившагося своей силой, искавшаго боя, пьянѣвшаго отъ него и наслаждавшагося гнѣвомъ голоднаго, вызывая его на битву, чтобы укротить его, какъ дикую лошадь, когда ее ведутъ подковывать.

– Здѣшній богачъ еще болѣе грубый, чѣмъ его рабочій, – говорилъ Сальватьерра. – Его смѣлая и импульсивная животность вноситъ еще болѣе мучительности въ нужду.

Богатство больше на виду здѣсь, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Андалузїи. Хозяева виноградниковъ, собственники бодегъ, экспортеры винъ съ ихъ громадными состояніями и чванливымъ мотовствомъ вливаютъ много горечи въ бѣдноту несчастныхъ.

– Тѣ, которые даютъ человѣку два реала за работу цѣла-

го дня, — продолжалъ революціонеръ, — платять до пятидесяти тысячъ реаловъ за рысака. Я видѣлъ жилище поденщиковъ и видѣлъ многія конюшни Хереса, гдѣ стоятъ лошади, не приносящія пользы, а лишь служащія для того, чтобы льстить тщеславію своихъ хозяевъ. Повѣрь мнѣ, Ферминъ, здѣсь, у насъ, есть тысячи разумныхъ существъ, которыя, ложась спать съ ноющими костями на мызныя цыновки, желали бы проснуться превращенными въ лошадей.

Онъ не безусловно ненавидитъ крупную собственность. Это облегченіе въ будущемъ для пользованія земли, — великодушная мечта, осуществленіе которой часто уже кажется ему близкимъ. Чѣмъ ограниченнѣе число земельныхъ собственниковъ, тѣмъ легче будетъ разрѣшена задача и меньше взволнуютъ жалобы тѣхъ, которыхъ лишатъ ихъ собственности.

Но это разрѣшеніе вопроса еще далеко, а между тѣмъ онъ не можетъ не негодовать на все возрастающую нужду и нравственное уничтоженіе рабовъ земли. Онъ изумленъ слѣпотой людей счастливыхъ, цѣпляющихся за прошлое. Отдавъ землепашцамъ владѣніе землей маленькими частицами, какъ въ другихъ мѣстностяхъ Испаніи, они на цѣлые вѣка остановили бы революцію въ деревнѣ. Мелкій землевладѣлецъ, который любитъ свой участокъ земди, словно это продолженіе его семьи, относится сурово и враждебно ко всякому революціонному новшеству и даже болѣе сурово и враждебно, чѣмъ настоящій богачъ. Всякую новую мысль онъ счита-

еть опасностью для своего благосостоянія и свирѣпо отталкиваетъ ее.

Передачей этакъ людямъ владѣнія землей былъ бы удаленъ моментъ верховной справедливости, о которомъ мечтаеть Сальватьерра. Но хотя это и такъ, его душа благотворителя утѣшалась бы мыслью о временномъ облегченіи нужды. Въ пустынныхъ мѣстностяхъ возникли бы села, исчезли бы уединенныя мызы съ ихъ ужаснымъ видомъ казармъ или тюремъ, и стада вернулись бы въ горы, предоставивъ равнины людямъ для пропитанія ихъ.

Но Ферминъ, слушая своего учителя, отрицательно качалъ головой.

– Все останется по-старому, – сказалъ онъ. – Богатые ни мало ни заботятся о будущемъ и не считаютъ нужнымъ принимать какія-либо предосторожности чтобъ замедлить его появленіе. Глаза у нихъ на темени и если они что-либо видятъ, то лишь сзади. Пока управляютъ страной люди ихъ сословія, имѣющіе къ своимъ услугамъ ружья, оплачиваемыя всѣми нами, они смѣются надъ мятежомъ снизу. Къ тому же, они хорошо знаютъ людей.

– Ты вѣрно сказалъ, – отвѣтилъ Сальватьерра, – они знаютъ людей и не боятся ихъ.

Революціонеръ вспомнилъ Maestrico, того молодого парня, котораго онъ видѣлъ съ усиліемъ пишущаго при свѣтѣ огарка въ людской въ Матансуэлѣ. Быть можетъ эта невинная душа, съ искренней своей вѣрой понимала лучше бу-

душность, чѣмъ онъ въ своемъ негодованіи, стремящемся въ немедленному уничтоженію всѣхъ золь. Самое важное создать новыхъ людей, прежде чѣмъ заняться упраздненіемъ дряхлаго міра. И вспомнивъ о толпѣ, несчастной и безвольной, онъ заговорилъ съ нѣкоторой грустью.

– Тщетно производились революціи у насъ, въ нашей странѣ. Душа народа осталась та же, какъ и во времена господской власти. Въ затаенной глубинѣ ея хранится смиреніе раба.

Эта страна, страна винодѣлія; и Сальватьерра съ воздержанностью трезвенника проклиналъ вліяніе на населеніе алкоголическаго яда, передающееся изъ рода въ родъ. Бодега, – современная феодальная крѣпость, которая держитъ массы въ уничиженіи и рабствѣ. Неистовства, преступленія, радости, влюбленность, все – продуктъ вина, словно этотъ народъ, который учится пить, едва отнимутъ ребенка отъ груди матери и считаетъ часы дня по числу выпитыхъ стакановъ вина, лишень страстей и привязанностей, и неспособень дѣйствовать и чувствовать по собственному почину, нуждаясь для всѣхъ своихъ поступковъ въ возбужденіи винной влагой.

Сальватьерра говорилъ о винѣ какъ о незримой и всемогущей личности, вмѣшивающейся во всѣ дѣйствія этихъ автоматовъ, вліяя на ихъ ограниченный умъ, подталкивая ихъ къ унынію, такъ же какъ и къ беспорядочному веселію.

Интеллигенты, которые могли бы быть вождями мас-

сы, проявляютъ въ молодости великодушныя стремленія, но едва они вступятъ въ возрастъ, какъ уже становятся жертвами мѣстной эпидеміи, превращаясь въ извѣстныхъ manzanilleros⁶, мозгъ которыхъ не можетъ функционировать иначе, какъ подъ вліяніемъ алкоголическаго возбужденія. А въ цвѣтущіе года зрѣлости они уже являются дряхлыми, съ дрожащими руками, чуть ли не паралитиками, съ красными глазами, померкнувшимъ зрѣніемъ и съ затемнѣннымъ мышленіемъ, какъ будто алкоголь окутываетъ облаками ихъ мозгъ.

Но, – веселыя жертвы этого рабства, – они еще восхваляютъ вино, какъ самое вѣрное средство для укрѣпленія жизненныхъ функцій.

Рабы нужды не могутъ наслаждаться этимъ удовольствіемъ богатыхъ; но завидуютъ ему, мечтая объ опьянѣннн, какъ о величайшемъ счастіи. Въ моменты гнѣва и протеста толпы, достаточно подсунуть ей бочки вина, чтобы всѣ улыбались и видѣли бы нищету свою позолоченной и свѣтлой сквозь стаканы, наполненные золотою влагой.

– Вино! – воскликнулъ Сальватьерра, – это самый величайшій врагъ здѣшной страны: оно убиваетъ энергію, создаетъ обманчивыя надежды, прекращаетъ раньше времени жизнь; оно уничтожаетъ все, даже и любовь.

Ферминъ улыбался, слушая своего учителя.

– Не тажъ уже это страшно, донъ-Фернандо!.. Тѣмъ не

⁶ Манцанильо – дерево съ ядовитыми плодами.

менѣ, я признаю, что вино одно изъ нашихъ золь. Можно смѣло сказать, что любовь къ вину у насъ въ крови. Я самъ не утаю порока своего. Стаканъ вина, поднесенный друзьями, доставляетъ мнѣ удовольствіе... Это мѣстная наша болѣзнь.

Революціонеръ, увлеченный мятежнымъ теченіемъ своихъ мыслей, забылъ о винѣ, чтобы наброситься на другого врага, – на смиреніе передъ несправедливостью и христіанскую кротость бѣдняковъ.

– Эти люди терпятъ и молчатъ, Ферминъ, потому что ученіе, унаслѣдованное ими отъ предковъ, сильнѣе ихъ гнѣва,

Сальватьерра волновался, возвышая голосъ въ безмолвіи сумерекъ. Солнце скрылось, освѣтивъ городъ точно отблескомъ отъ пожара. Со стороны горъ на небѣ фіолетоваго цвѣта выступила первая звѣзда, предвѣстница ночи. Революціонеръ устремилъ на нее взглядъ, какъ будто она-то и была то небесное свѣтило, которому суждено вести къ болѣе широкимъ горизонтамъ толпу плача и страданій, та звѣзда справедливости которая, блѣдная и колеблющаяся, освѣщала медленный походъ мятежниковъ, но она разрастется и превратится въ солнце, лишь только мятежники приблизятся къ ней, взявъ штурмомъ высоты, разрушивъ привилегіи, уничтоживъ боговъ.

Великія мечты поэзіи вставали въ умѣ Сальватьерра и онъ говорилъ о нихъ со своимъ спутникомъ дрожащимъ и глухимъ голосомъ ясновидящаго пророка.

– Однажды древній міръ былъ потрясень до самыхъ своихъ основъ. Деревья стонали въ лѣсахъ, шумя листвою, словно могильныя плакальщицы, угрюмый вѣтеръ покрывалъ зыбью озера и лазурную, свѣтлую поверхность классическаго моря, ласкавшаго въ теченіе вѣковъ греческія прибрежья подь звуки діалоговъ поэтовъ и философовъ. Плачь о смерти раздался въ пространствѣ, доносясь до слуха всѣхъ людей «Великій Панъ умеръ!..» Сирены погрузились навсегда въ хрустальныя глубины, рспуганныя нимфы бѣжали въ нѣдра земли, чтобы никогда больше не возвратиться, и бѣлые храмы, точно мраморные гимны, воспѣвавшіе веселіе жизни подь золотыми потоками солнечныхъ лучей, покрылись мракомъ, исчезая въ величественномъ молчаніи развалинъ. «Христось родился», провозгласилъ тотъ же голосъ. И міръ ослѣпъ для всего внѣшняго, сосредоточивъ свои взоры только на душѣ, и возненавидѣлъ матерію какъ низкій грѣхъ.

Отрекаясь отъ природы, люди искали въ лишеніяхъ, въ обожествленіи страданія лѣкарства отъ своихъ золъ, искали столь сильно желаемое ими братство, вѣря, что надежда небеснаго рая и милосердіе на землѣ окажется достаточнымъ для счастья христіанъ.

И вотъ, тотъ же плачь, возвѣщавшій о смерти великаго бога Природы, черезъ промежутокъ долгихъ вѣковъ снова прозвучалъ: «Христось умеръ!.. Христось умеръ!..»

– Да, – продолжалъ революціонеръ, – всякая душа слышитъ этотъ возгласъ въ минуты отчаянія. Тщетно празднич-

ный звонъ колоколовъ ежегодно говорить намъ о томъ, что Христось воскресъ!.. Рабъ, котораго Христось искупилъ, теперь – трудящійся на жалованіи, обладающій правомъ умереть съ голоду безъ того куска хлѣба и кувшина воды, которые предшественникъ его въ Римѣ находилъ въ рабочемъ домѣ для невольниковъ. Торговцы, изгнанные изъ Іерусалимскаго храма, считаютъ теперь свое вступленіе въ рай уже обеспеченнымъ и являются опорой всякаго рода добродѣтелей. Богатые и привилегированные говорятъ о царствіи небесномъ, какъ о новомъ удовольствіи, въ придачу къ тѣмъ, которыми они пользуются на землѣ. Христіанскіе народы истребляютъ другъ друга, не ради капризовъ и ненависти своихъ вождей, но изъ-за менѣе конкретной вещи, изъ-за обаянія колыхающагося лоскута, отъ цвѣта, котораго они теряютъ рассудокъ. Хладнокровно убиваютъ одинъ другого люди, никогда не видѣвшіе другъ друга, оставившіе позади себя ниву, имѣющую быть обработанной, и покинутую семью, – братья по страданію на каторгѣ труда, безъ иного различія, какъ только языка и расы.

Въ зимнія ночи огромная толпа нищеты бродитъ по городскимъ улицамъ, безъ хлѣба и крова, точно по пустынѣ. Дѣти плачутъ отъ холода, пряча руки свои подъ мышки, женщины, охрипшія отъ вина, скрываются, точно дикіе звѣри, подъ выступами воротъ, бродяги, не имѣющіе хлѣба, смотрятъ на балконы ярко освѣщенныхъ дворцовъ, или слѣдятъ за развѣздомъ счастливецвъ, укутанныхъ въ мѣха и разва-

лившихся въ своихъ каретахъ, возвращаясь съ пировъ богатства. И голосъ, быть можетъ все тотъ же, повторяетъ въ ихъ звенящихъ отъ слабости ушахъ:

– Не надѣйтесь ни на что. Христось умеръ!

Безработный, возвращаясь въ свой холодный вертепъ, гдѣ его ждетъ вопрошающій взглядъ исхудалой его жены, бросается какъ уставшее животное на полъ послѣ безумной бѣготни цѣлаго дня въ поискахъ работы для утоленія голода его семьи. – «Хлѣба, хлѣба» – просятъ у него малютки, надѣясь найти хлѣбъ подъ изношенной его блузой. И бѣдный отецъ слышитъ тотъ же голосъ, словно плачь, разрушающій всякую надежду:

– Христось умеръ!

Также и полевой поденщикъ, который, питается всякими отбросами, и онъ потѣя на солнцѣ, чувствуя, что готовъ задохнуться, когда на мгновеніе останавливается въ своемъ трудѣ, чтобы вздохнуть въ этой атмосферѣ раскаленной печи, – думаетъ про себя: Гдѣ же оно, это братство, провозглашенное Иисусомъ?...

И работникъ, одѣтый въ мундиръ, принужденный во имя вещей, которыхъ онъ не знаетъ, убивать другихъ людей, не сдѣлавшихъ ему никакого зла и проводить дни и ночи во рву, окруженный всѣми ужасами современной войны, сражаясь съ незримымъ изъ-за далекаго разстоянія врагомъ, видя, какъ тысячи подобныхъ ему людей падаютъ убитыми и ранеными подъ градомъ пуль и осколками бомбъ, и онъ также

думаетъ съ трепетомъ скрываемаго ужаса: «Христось умерь, Христось умерь!..»

Но люди начинаютъ вновь свое шествіе къ братству, въ идеалу Христа, хотя и отрицая смиреніе и презирая милостыню, какъ вещь унижительную и бесполезную. Пусть каждый получить свое, безъ позорящихъ уступокъ, безъ пробуждающихъ ненависть привилегій. Истинное братство – социальная справедливость.

Сальватерра умолкъ, и такъ какъ становилось темно, повернулъ обратно по уже пройденному имъ пути.

Хересь, какъ большое черное пятно, переломлялъ линіи своихъ башенъ и крышъ на фонѣ послѣдняго сіянія сумерекъ, въ то время какъ внизу мракъ его пронизывался красными звѣздами уличныхъ фонарей.

Двое мужчинъ увидѣли какъ ихъ тѣнь, выдѣлялась на бѣлой поверхности дороги. Луна восходила за ихъ плечами, поднимаясь на горизонтѣ.

Еще далеко отъ города они слышали громкій звонъ бубенчиковъ, заставлявшій сворачивать въ сторону двуколки, медленно, съ глухимъ скрипомъ колесъ, возвращавшіяся съ мызь.

Сальватерра и его ученикъ, укрывшись въ канавѣ, видѣли, какъ пронеслась мимо нихъ четверка горячихъ лошадей въ упряжи съ большими помпонами и звонкимъ рядомъ бубенчиковъ. Они везли экипажъ, наполненный множествомъ людей, которые всѣ кричали, пѣли, хлопали въ ладоши, огла-

шая дорогу: своимъ неистовымъ веселіемъ и распространяя скандалъ кутежа на мертвыя равнины, казавшіяся еще болѣе печальными при свѣтѣ луны.

Экипажъ промчался какъ молнія среди облаковъ пыли, но Фернандо успѣлъ разглядѣть того, кто правилъ лошадьми. Это былъ Луисъ Дюпонъ, гордо возсѣдавшій на козлахъ и подгонявшій крикомъ и кнутомъ четверку лошадей, бѣжавшихъ, закусивъ удила. Женщина, сидѣвшая рядомъ съ нимъ, тоже кричала, подстревая лошадей къ безумному бѣгу. Это была Маркезита. Монтенегро показалось, что она его узнала, такъ какъ, промчавшись мимо него въ экипажѣ, она махнула ему рукой среди облака пыли, крикнувъ что-то, чего онъ не могъ разобрать.

– Вотъ эти ѣдутъ кутить, донъ-Фернандо, – сказала юноша, когда тишина возстановилась на большой дорогѣ. – Имъ въ городѣ тѣсно, и такъ какъ завтра воскресенье, они, повидимому, желаютъ провести его въ Матансуэлъ, во все свое широкое удовольствіе.

Сальватьерра, услыжавъ названіе мызы, вспомнилъ о товарищѣ своемъ, хозяинѣ маленькаго постоялаго дворика дель-Грахо, того больного, который жаждалъ его пріѣзда, какъ самага цѣлительнаго для себя лѣкарства. Сальватьерра не видѣлъ несчастнаго съ того дня, когда буря принудила его искать убѣжища въ Матансуэлъ, но онъ часто думалъ о больномъ, намѣреваясь снова посѣтить его въ ближайшую недѣлю. Онъ продлитъ одну изъ дальнихъ своихъ прогулокъ и

дойдетъ до этой хижины, гдѣ его ждали, какъ ждутъ утѣшенія.

Ферминъ заговорилъ о недавней связи Луиса съ Маркезитою. Наконецъ дружба довела ихъ до той развязки, которой, повидимому, оба желали избѣжать. Она уже бросила грубаго торговца свиней. Опять привлекалъ ее, какъ она говорила, «привилегированный классъ», и она нагло выставляла на показъ новую свою связь живя въ домѣ Дюпона, и проводя время вмѣстѣ съ нимъ въ шумныхъ празднествахъ. Ихъ любовь казалась имъ монотонной и безвкусной, если они не приправляли ее пьянствомъ и скандалами, которые взволновали бы лицемѣрную тишину города.

— Два безумца соединились, — продолжалъ Ферминъ. — Когда-нибудь, послѣ одного изъ своихъ кутежей, они поссорятся; и прольется кровь; но пока оба считаютъ себя счастливыми и парадируютъ своимъ счастьемъ съ изумительной наглостью. Я думаю, что болѣе всего ихъ забавляетъ негодованіе дона-Пабло и его семьи.

Монтенегро разсказалъ послѣднія приключенія этихъ влюбленныхъ, встревожившихъ городъ. Хересь казался имъ слишкомъ тѣснымъ для ихъ счастья, и они отправились иа мызы и въ ближайшія отъ города мѣстечки, добираясь до Кадикса, со всей свитой пѣвцовъ и головорѣзовъ, всегда сопровождавшихъ Луиса Дюпона. За нѣсколько дней передъ тѣмъ они отпраздновали въ Санлукарѣ де-Баррамедиа шумный пирь, въ концѣ котораго Маркезита и ея любовникъ, напо-

ивъ папскаго камерарія, окарнали ему всю голову ножницами. Сеньоры въ Сісculo Caballisto весело хохотали, комментируя подвиги этой парочки. У донъ-Луиса нѣтъ соперника въ кутежахъ! И что за удалая женщина Маркезита!..

И двое любовниковъ, проводившіе время въ непрерывномъ пьянствѣ, которое, едва оно улетучивалось, возобновлялось снова, точно они боялись потерять иллюзію увидавъ другъ друга безъ обманнаго веселія вина, устрѣмлялись съ мѣста на мѣсто, какъ ураганъ скандала, среди рукоплесканій молодежи и негодованія семей.

Сальватьерра слушалъ своего ученика съ ироническими жестами. Луисъ Дюпонъ интересовалъ его. Это былъ яркій экземпляръ праздной молодежи, владѣтелей всей страны.

Не успѣли еще Сальватьерра и Ферминъ дойти до первыxъ домовъ Хереса, какъ экипажъ Дюпона, мчавшійся съ головокружительной быстротой несшихся безумнымъ бѣгомъ лошадей, уже очутился въ Матансуэлъ.

Дворовыя собаки неистово залаяли, услыхавъ все болѣе приближавшійся лошадиный топотъ, сопровождаемый криками, бренчаніемъ гитары и протяжнымъ, заунывнымъ пѣніемъ.

— Къ намъ ѣдетъ хозяинъ, — сказалъ Сарандилья. — Это не можетъ быть никто, кромѣ него.

И позвавъ надсмотрщика, они оба вышли къ воротамъ, чтобы при свѣтѣ луны увидѣть въѣзд шумнаго экипажа.

Однимъ прыжкомъ соскочила съ козелъ граціозная Мар-

кезита, и понемногу была выгружена изъ экипажа и вся свита Луиса. Сеньорито передалъ вожжи Сарандильѣ, предварительно снабдивъ его разными указаніями, какъ лучше при-смотреть за лошадьми.

Рафаэль выступилъ впередъ, снявъ шляпу.

— Это ты, милый человѣкъ? — сказала Маркезита очень развязно. — Ты съ каждымъ днемъ хорошеешь... Не имѣй я желанія не доставлять непріятности Маріи де-ла-Лусь... мы съ тобой въ одинъ прекрасный день провели бы вотъ этого...

Но этотъ, или иными словаи, Луисъ, смѣялся надъ безстыдствомъ своей двоюродной сестры, и ни мало не оскорбился молчаливымъ сравненіемъ, которое, повидимому, дѣлали глаза Лолы, окинувъ взглядомъ его изношенное тѣло веселаго жуира и крѣпкое сложеніе надзирателя на мызѣ.

Сеньорито сталъ дѣлать смотръ своей свитѣ. Никто не потерялся по дорогѣ, всѣ оказались на лицо: Моньотъесо, — извѣстная пѣвица и ея сестра, ихъ сеньоръ отецъ, ветеранъ классическихъ танцевъ, подъ каблуками котораго гремѣли половицы всѣхъ кафешантановъ Испаніи, трое протеже Луиса, серьезные, съ сдвинутыми бровями, упирающіеся въ бокъ рукой, опутивъ глаза, словно они не смѣли взглянуть другъ на друга чтобы не вселить страха другъ въ друга; и въ заключеніе полнолицый человѣкъ съ густой бородой и бакенбардами, державшій подъ мышкой гитару.

— Вотъ взгляни, — сказала сеньорито своему надсмотрщи-

ку, указывая на гитариста. — Это сеньоръ Пакорро, или иначе «Орель», первый музыкантъ въ мірѣ и мой другъ.

А такъ какъ надсмотрщикъ остался стоять, удивленно разсматривая это необычайное существо, имя котораго онъ никогда не слышалъ, музыкантъ церемонно поклонился ему, какъ свѣтскій франтъ, хорошо знакомый съ общепринятыми формулами.

— Цѣлую вашу руку...

И не добавивъ болѣе ни слова, онъ вошелъ въ домъ вслѣдъ за остальными пріѣзжими, предводительствуемыми Маркезитой.

Жена Сарандильи и Рафаэль съ помощью пріѣзжихъ привели въ порядокъ комнаты хозяевъ. Два чадашіе кинкета освѣтили большую залу съ выбѣленными стѣнами, украшенными нѣсколькими хромофотографіями святыхъ. Гости Луиса, лѣниво согнувъ спины, вытащили изъ корзинъ и ящиковъ привезенные въ экипажѣ съѣстане припасы.

Столъ покрылся бутылками, наполненными прозрачной влагой, однѣ коричневаго, другія золотистаго цвѣта. Жена Сарандильи направилась въ кухню, сопровождаемая всѣми пріѣхавшими женщинами, въ то время какъ сеньорито разспрашивалъ надсмотрщика относительно поденщиковъ.

Пока никого изъ нихъ не было на мызѣ. Въ виду того, что день былъ субботній, полевые работники ушли домой въ горы. Оставались лишь только цыгане и толпа дѣвушекъ, при-

шедшихъ полоть, довѣренныя надзору ихъ manijeros⁷.

Хозяинъ выслушалъ эти сообщенія съ довольнымъ видомъ. Ему было не по душѣ развлекаться на глазахъ у поденщиковъ, – людей завистливыхъ, жестокосердыхъ, бѣсившихся, глядя на чужое веселье и распространявшихъ потомъ самые невозможные слухи. Онъ любилъ веселиться у себя на мызѣ во всю ширь. Развѣ онъ не хозяинъ?.. И перескакивая отъ одной мысли къ другой съ несвязной быстротой, онъ напустился на сопровождавшихъ его. Что дѣлають они тутъ разсѣвшись, не выпивая, не разговаривая, точно бодрствуя надъ какимъ-нибудь мертвымъ тѣломъ?

– Посмотримъ, каково искусство этихъ золотыхъ ручекъ, маэстро, – сказалъ онъ музыканту, который съ гитарой на колѣняхъ и глазами, устремленными въ потолокъ, тихонько перебиралъ струны.

Маэстро Орель, послѣ того, какъ онъ нѣсколько разъ прокашлялся, заигралъ бурные аккорды. Одинъ изъ свитскихъ дона Луиса раскупорилъ бутылки, разлилъ вино по стаканамъ и сталъ разносить присутствующимъ хрустальные бокалы, наполненные золотистой жидкостью и увѣнчанные бѣлой пѣной.

Женщины, привлеченныя звуками гитары, приближали изъ кухни.

– Иди сюда, Моньотъесо, – крикнулъ сеньорито.

⁷ Манихерось – нѣчто вродѣ десятника, руководствующій извѣстнымъ числомъ поденщиковъ.

И пѣвица послѣшила запѣть сильнымъ и пронзительнымъ голосомъ, который гремѣлъ по залѣ, вызывая смятеніе на всей мызѣ.

Почтенный отецъ Моньотъесо, въ качествѣ человека, знавшаго свои обязанности, вывелъ, не ожидая приглашенія, другую свою дочь на середину залы и принялся танцовать съ нею.

Рафаэль благоразумно удалился послѣ того, какъ выпилъ два бокала вина. Онъ не хотѣлъ, чтобы присутствіе его было помѣхой празднеству. Кромѣ того, онъ рѣшилъ сдѣлать осмотръ мызѣ, прежде чѣмъ на землю спустится ночь, опасаясь, чтобы хозяину не вздумалось бы, руководясь пьянымъ капризомъ, заглянуть повсюду.

На дворѣ онъ наткнулся на Алкапаррона, который, привлеченный шумомъ празднества, искалъ удобнаго случая, чтобы со своей навязчивостью паразита, пробраться въ залъ. Надсмотрщикъ погрозилъ ему палочными ударами, если онъ тотчасъ же не вернется въ людскую.

— Уходи, бездѣльникъ, эти сеньоры ни мало не желаютъ имѣть дѣло съ цыганомъ.

Алкапарронъ удалился со смиреніемъ на лицѣ, но рѣшилъ опять вернуться, лишь только исчезнетъ изъ виду Сеньоръ Рафаэль, который вошелъ въ конюшню, чтобы посмотреть, хорошо ли прибраны лошади хозяина.

Когда часъ спустя Рафаэль вернулся въ залъ, гдѣ шель ку-тежь, онъ увидѣлъ на столѣ множество пустыхъ бутылокъ.

Бывшіе же въ залѣ казались съ виду такими же, какъ и раньше, точно вино было ими вылито на полъ: только лишь музыкантъ громче игралъ на гитарѣ, а остальные хлопали неистово въ ладоши и въ то же время кричали, чтобы подбодрить стараго танцора. Почтенный отецъ обѣихъ Моньотъесо, открывъ черный и беззубый ротъ и издавая визгливые звуки, двигалъ своими костлявыми бедрами, вбирая въ себя животъ, чтобы съ еще большею рельефностью выставить противоположную ему часть тѣла. Родныя его дочери выражали громкимъ хохотомъ свое восхищеніе передъ этими его выходками, позорящими старость его.

– Оле, великолѣпно!

Старикъ продолжалъ плясать, изображая изъ себя женскую каррикутуру среди непристойныхъ подбадриваіній Маркезиты.

«San Patrisio⁸!

«Que la puerta se sale del quisio⁹!

И распѣвая это онъ двигался такимъ образомъ, что казался близкимъ къ тому, чтобы заставить выйти изъ естественныхъ ея предѣловъ часть спины, въ то время какъ мужчины бросали къ ногамъ его свои шляпы, восхищенные гнусной этой пляской, безчестія женскаго пола.

Когда танцовщикъ сѣлъ, весь въ поту, прося стаканъ вина въ награду за свой трудъ, въ залѣ водворилось продолжи-

⁸ Св. Патрицій.

⁹ Пусть дверь сойдетъ съ петель.

тельное молчаніе.

– Здѣсь недостаетъ женщинъ...

Это сказала Чиво, послѣ того, какъ отплюнулся, съ торжественной серьезностью храбреца, скупого на слова. Маркесита запротестовала.

– А мы, кто же мы такія, глупая твоя харя?

– Вѣрно, вѣрно; кто же мы такія?... – присоединились въ ней, какъ эхо, обѣ Моньотъесо.

Чиво удостоилъ объясниться. Онъ не желалъ обидѣть присутствующихъ сеньоръ, а хотѣлъ лишь сказать, что для веселаго кутежа нужно большее число женскаго персонала.

Сеньорито поднялся, принявъ рѣшеніе. Женскій персоналъ?... Онъ имѣетъ его; въ Матансуэлъ всего вдоволь. И захвативъ бутылку вина, онъ велѣлъ Рафаэлю провести его въ людскую.

– Но, Сеньорито, что вы собираетесь дѣлать, милость ваша?

Луисъ принудилъ надсмотрщика, несмотря на его протесты, идти впередъ, и всѣ послѣдовали за нимъ.

Когда веселая компанія вошла въ людскую, она застала ее почти пустой. Ночь была весенняя и манихеросы, и арреадоръ¹¹ сидѣли на полу около дверей, устремивъ глаза въ поле, безмолвно синѣвшее подъ свѣтомъ луны. Женщины спали въ углахъ, или же, составляя группы, въ глубокомъ молчаніи слушали сказки о вѣдьмахъ и рассказы о чудесахъ святыхъ.

¹¹ Арреадоръ – вожатый выючныхъ животныхъ.

– Хозяинъ! – оповѣстилъ надсмотрщикъ, входя въ людскую.

– Вставайте, вставайте!.. Кто желаетъ выпить вина? – крикнулъ весело сеньорито.

Всѣ поднялись, улыбаясь неожиданному появленію.

Дѣвушки смотрѣли съ удивленіемъ на Маркезиту и двухъ сопровождавшихъ ея женщинъ, восхищаясь ихъ китайскими цвѣтистыми шалями и сверкающими гребенками.

Мужчины скромно отступали передъ сеньоритомъ, предлагавшимъ имъ стаканъ вина, между тѣмъ какъ глаза ихъ были устремлены на бутылку, которую онъ держалъ въ рукахъ. Послѣ лицемѣрныхъ отказовъ всѣ выпили. Это вино богатыхъ, незнакомое имъ. О! донъ Луисъ прекрасный человекъ! Немного сумасбродный, но молодость служить ему извиненіемъ и притомъ же у него доброе сердце. Пусть бы всѣ хозяева походили на него!..

– Вотъ такъ вино, товарищи, – говорили они другъ другу, вытирая себѣ губы обратной стороной руки.

Тетка Алкапаррона тоже выпила, а сынъ ея, которому наконецъ-таки удалось присоединиться къ свитѣ хозяина, прохаживался взадъ и впередъ передъ нимъ, открывая лошадиный рядъ своихъ зубовъ съ самой очаровательной изъ реестра его улыбовъ.

Дюпонъ держалъ рѣчь, размахивая надъ головой бутылкой. Онъ пришелъ пригласить на пиръ всѣхъ дѣвушекъ изъ людской, яно только хорошенькихъ... Ужъ онъ таковъ: про-

стой и откровенный: да здравствует демократія!..

Дѣвушки, конфузясь присутствіемъ хозяина, котораго многія изъ нихъ видѣли въ первый разъ, отступали назадъ, опуская глаза, держа руки вдоль юбокъ. Дюпонъ указывалъ ихъ: «Эта, вотъ эта!» И онъ остановилъ свой выборъ также и на Мари-Крусъ, двоюродной сестрѣ Алкаларрона.

– Ты, цыганка, тожѣ. Хотя ты и не красива, но у тебя есть нѣчто такое, смахивающее на ангела, и ты навѣрно поешь.

– Какъ серафимы, сеньоръ, – сказала двоюродный ея братъ, желавшій воспользоваться родствомъ съ Мари-Крусъ, чтобы тоже попасть на пиръ.

Дѣвушки, внезапно ставшія неприступными, пятились назадъ, словно имъ угрожала какая-то опасность, и отказывались отъ приглашенія. Онѣ уже поужинали и очень благодарны. Но вскорѣ онѣ стали смѣяться, весело шушукаться, при видѣ неудовольствія на лицѣ у нѣкоторыхъ изъ ихъ товарищъ, которыхъ не выбрали ни хозяинъ, ни сопровождавшіе его сеньоры. Тетка Алкапаррона бранила ихъ за ихъ робость.

– Почему вы не хотите идти? Ступайте, землячки, и если у васъ нѣтъ охоты сейчасъ ѣсть разныя вкусныя вещи, берите съ собой то, что вамъ дастъ хозяинъ. Частенько таки угощаль меня сеньоръ маркизь, папашенька; отецъ этого яркаго солнца, стоящаго здѣсь!..

И говоря это, она указывала на Маркезиту, которая разсматривала нѣкоторыхъ изъ дѣвушекъ, какъ бы желая угадать ихъ красоту подъ грязной одеждой.

Манихеросы, возбужденные виномъ хозяина, которое только лишь пробудило ихъ жажду, вступились отечески, съ мыслями, устремленными на появленіе новыхъ бутылокъ. Дѣвушки могутъ безъ всякаго страха идти съ дономъ Луисомъ: имъ говорить это они, тѣ, которымъ довѣрили заботиться о нихъ и которые отвѣчаютъ передъ родителями за ихъ безопасность.

– Вѣдь Донъ-Луисъ – онъ кабальеро, дѣвушки, и, притомъ, вы будете ужинать съ этими сеньорами. Всѣ они люди приличные.

Сопротивленіе длилось недолго, и, наконецъ, группа молодыхъ дѣвушекъ вышла изъ людской, сопровождаемая хозяиномъ и его гостями.

Оставшіеся отыскали гдѣ-то гитару въ людской. И у нихъ тоже пойдетъ теперь пиршество. Уходя, хозяинъ велѣлъ надсмотрщику дтшь людямъ столько вина, сколько они пожелаютъ. О, что за господинъ донъ-Луисъ!..

Жена Сарандильи накрыла на столъ, причемъ ей помогали молодыя поселанки, у которыхъ явлася нѣкоторый апломбъ, когда онѣ очутились въ хозяйскихъ комнатахъ. Къ тому же сеньорито съ дружеской простотой, которой онѣ гордились и отъ которой лица ихъ заливались краской, переходилъ отъ одной къ другой съ подносомъ, уставленнымъ бутылкою и бокалами, принуждая всѣхъ дѣвушекъ пить. Отецъ Моньтесо рассказывалъ имъ на ухо непристойныя исторіи, заставляя краснѣть и раздражаться смѣхомъ, похожимъ на ку-

дахтанье курь.

За ужиномъ сидѣло болѣе двадцати человѣкъ; тѣснясь другъ къ другу вокругъ стола, они принялись за блюда, которыя Сарандилья и его жена разносили съ немалымъ затрудненіемъ, такъ какъ имъ приходилось передавать поверхъ голову.

Рафаэль стоялъ у дверей, не зная, слѣдуетъ ли ему уходить или же оставаться изъ уваженія къ хозяину.

— Садись, пріятель, — великодушно приказаль ему донъ-Луись. — Разрѣшаю тебѣ это.

И такъ какъ бывшимъ за столомъ пришлось еще болѣе потѣсниться, чтобы очистить ему мѣсто, Маркезита поднялась, позвавъ его къ себѣ. Тутъ вотъ, рядомъ съ ней. Садясь, надсмотрщикъ подумаль, что утонетъ въ платѣ и шелестящихъ нижнихъ юбкахъ красавицы, и ему, вслѣдствіи тѣсноты, пришлось словно прилипнуть къ ней, въ горячемъ соприкосновеніи съ однимъ бокомъ ея тѣла.

Дѣвушки съ аффектаціей отказывались отъ яствъ, предложенныхъ имъ сеньорито и его спутниками. Большое спасибо, но онѣ уже ужинали. Къ тому же и не привыкли къ господской ѣдѣ, она можетъ имъ повредить.

Но запахъ говядины, дивной говядины, которую онѣ видѣли всегда лишь издали и о которой въ людской говорили, какъ о блюдѣ боговъ, казалось, отуманиваль ихъ болѣе сильнымъ, чѣмъ опьяненіе виномъ. Одна вслѣдъ за другой онѣ вскорѣ набросились на блюда, и потерявъ первую робость,

стали такъ жадно ѣсть, словно только что вынесли самый долгій постъ.

Сеньорито восторгался прожорливостью, съ которой двигались ихъ челюсти, и чувствовалъ нравственное удовлетвореніе, почти равносильное доставляемому совершеніемъ добраго дѣла. Ужъ онъ таковъ! Ему пріятно, время отъ времени, вести компанію съ бѣдными!

— Оле, дѣвушки съ хорошимъ аппетитомъ!.. — А теперь пейте, чтобы у васъ не застрялъ кусокъ въ горлѣ!..

Буылки пустѣли, и губы дѣвушекъ, синеватыя отъ анеміи, поалѣли отъ смакованія говядины, и стали блестящими отъ капель вина, которыя текли у нихъ до подбородка.

Единственная, ничего не ѣвшая, была Мари-Крусь, цыганка. Алкапарронъ дѣлалъ ей знаки, вертясь, какъ собака, около стола. У бѣдняжки никогда нѣтъ аппетита!.. И съ цыганскою ловкостью онъ схватывалъ то, что тайкомъ передавала ему Мари-Крусь. Потомъ онъ выходилъ на нѣсколько минутъ во дворъ, чтобы мгновенно проглотить полученное имъ, между тѣмъ какъ больная не переставала пить, восхищаясь господскимъ виномъ, какъ надболѣе изумительною стороною пиршества.

Рафаэль почти ничего не ѣлъ, смущенный сосѣдствомъ Маркезиты. Его волновало прикосновеніе этого прекраснаго женскаго тѣла, созданнаго для любви, молодого, благоухающаго, отличавшагося тщательнѣйшій чистотой, невѣдомой въ деревняхъ. Наоборотъ, Маркезита, казалось, съ наслажденіемъ

вдыхала розовымъ носикомъ своимъ, его испареніе деревенскаго самца, запахъ кожи, пота и конюшни, распространявшійся при движеніяхъ ея гордаго ухаживателя.

— Пей, Рафаэль! воодушевься! Смотри на моего-то, втюрившагося въ своихъ поселянокъ!

И она указывала на Луиса, который, привлеченный новизной, забывалъ о ней, чтобы заняться своими сосѣдками, двумя поденщицами, являвшими собой очарованіе плохо мытой сельской красоты.

Было около полуночи, когда ужинъ кончился. Стало жарко въ залѣ и воздухъ сдѣлался удушливымъ. Сильныя испаренія пролитаго вина и опустошенныхъ блюдеъ, оставленныхъ въ уголокъ, смѣшивались съ чадомъ отъ керосиновыхъ лампъ.

Дѣвушки, покраснѣвъ отъ пищеваренія, дышали съ трудомъ и стали отпускать корсетки своихъ платьевъ, разстегивая грудь. Вдали отъ надзора манихеросовъ онѣ, возбужденныя виномъ, забывали свою аффектированность лѣсныхъ дѣвъ и съ неистовствомъ предавались веселью этого необычайнаго пиршества, которое какъ бы мгновеннымъ блескомъ молніи освѣтило ихъ темную и печальную жизнь.

Одна изъ дѣвушекъ, разсердившись изъ-за стакана вина, разлитаго на ея платье, поднялась, угрожая, вцѣпиться въ другую своими ногтями. Онѣ чувствовали на своемъ тѣлѣ сжиманіе мужскихъ рукъ, и, улыбались съ какимъ-то блаженствомъ, точно впередъ оправдывая всѣ прикосновенія,

которыя имъ пришлось бы испытать въ сладкой нѣгѣ удовольствія. Двѣ сестрицы Моньотъесо, пьяныя и взбѣшенныя тѣмъ, что мужчины ухаживаютъ только за поденщицами, предложили раздѣть до нага Алкапаррона, чтобы подкидывать его вверхъ на одѣяль; но цыганъ, всю жизнь свою спавшій одѣтымъ, убѣждалъ, дрожа за цыганское свое цѣломудріе.

Маркезита то и дѣло прижималась плотнѣе къ Рафаэлю. Казалось, что весь пылъ ея организма сосредоточился на томъ боку, къ которому прикасался надсмотрщикъ. Принужденный пить бокаль за бокаломъ, предлагаемые ему Маркезитой, онъ чувствовалъ, что пьянѣеть, но нервнымъ опьяненіемъ, заставлявшимъ его опускать голову, сердито сдвигать брови и желать помѣриться силами съ однимъ изъ головорѣзовъ, сопровождавшихъ дона-Луиса.

Женская теплота этого нѣжнаго тѣла, ласкавшего его своимъ прикосновеніемъ подъ столомъ, раздражала его, какъ опасность, которую трудно побѣдить.

Онъ много разъ собирался уйти, объясняя, что присутствіе его необходимо по хозяйству, но онъ чувствовалъ, что въ него, съ нервной силой, вцѣпилась ручка.

— Садись, воръ; если ты двинешься съ мѣста, я однимъ щипкомъ вырву тебѣ душу изъ тѣла.

И столь же пьяная, какъ и остальные, опирая на руку свою русую голову, Маркезита смотрѣла на него выпученными глазами, голубыми искренними глазами, которыхъ, казалось,

никогда не омрачило ни единое облако порочныхъ помысловъ.

Луись, возбужденный восхищеніемъ двухъ дѣвушекъ, своихъ сосѣдокъ, захотѣлъ показаться имъ во всемъ своемъ героическомъ блескѣ, и вдругъ плеснулъ стаканомъ вина въ лицо Чиво, который сидѣлъ противъ него. Головорѣзь скривилъ свою личину каторжника и сдѣлалъ движеніе, чтобы встать, опустивъ руку въ боковой карманъ сюртука.

Наступило тяжелое молчаніе; но послѣ перваго движенія храбрець остался сидѣть на стулѣ.

– Донъ-Луись, – сказала онъ заискивающимъ тономъ. – Вы единственный человѣкъ, который могъ такъ поступить со мной, оттого, что я считаю васъ за отца родного...

– А также и оттого, что я болѣе храбрый, чѣмъ ты!.. – воскликнулъ надменно сеньорито.

– Вы правы, – подтвердилъ головорѣзь съ новой льстивой улыбкой.

Сеньорито провелъ своимъ взглядомъ триумфатора по испуганнымъ дѣвушкамъ, не привыкшимъ къ подобнаго рода сценамъ. Ага, онѣ поняли теперь, какой чловѣвъ передъ ними!..

Обѣ Моньотъесо и ихъ отецъ, сопровождавшіе всюду дона-Луиса, зная наизусть весь его репертуаръ, поспѣшили положить крикомъ и шумомъ конецъ этой сценѣ. Оле, вотъ такъ настоящій мужчина! Еще вина, еще!

И всѣ, вплоть до страшнаго головорѣза, выпили за здоро-

вье сеньорито, въ тш время какъ онъ, точно его душило собственное величіе, снималь съ себя сюртукъ и жилеть, и, вставая изъ-за стола, взяль за руки двухъ своихъ сосѣдокъ. Что онъ тутъ дѣлають, тѣснясь кругомъ стола, устремляя взгляды другъ на друга? Во дворъ! Бѣгать, играть, веселиться при свѣтѣ луны, разъ уже идетъ кутежь!..

И всѣ вышли вразсыпную, схватившись другъ за друга, задыхаясь отъ опьяненія, стремясь скорѣе выйти на воздухъ. Многія изъ дѣвушекъ, поднявшись со своихъ стульевъ, шли шатаясь, прислонившись головой въ груди кого-нибудь изъ мужчинъ. Гитара сеньора Пакорро зазвенѣла печальной жалобой, ударившись о дверныя петли, точно выходъ изъ комнаты былъ тѣсень какъ для инструмента, тавъ и для Орла, несшаго его.

Рафаэль тоже собрался встать, но его снова удержала та же нервная ручка.

– Оставайся здѣсь, – приказала дочь маркиза, – за компанію со мной. Предоставь забавляться тому сброду... Но не бѣги же отъ меня, уродъ ты этакій; кажется, я на тебя навожу страхъ?...

Надсмотрщикъ, увидавъ себя свободнымъ отъ тѣснившихъ его сосѣдей, отодвинуль свой стуль. Но тѣло Маркезиты искало его, опиралось на него, и онъ не могъ освободиться отъ этого нѣжнаго бремени, какъ сильно онъ ни откидывался назадъ грудью.

На дворѣ раздавался звонъ гитары сеньора Пакорро, и

пѣвицы, охрипшія отъ вина, сопровождали его музы-
кѣ криками и хлопаньемъ въ ладоши. Поденщицы бѣгали
поблизости отъ дверей, преслѣдуемая мужчинами, смѣясь
нервнымъ смѣхомъ, точно ихъ щекоталь воздухъ тѣхъ, ко-
торые старались ихъ поймать. Не трудно было угадать, что
онѣ прячутся въ конюшнѣ, въ амбарахъ, въ кухнѣ и во всѣхъ
отдѣленіяхъ мызы, сообщавшихся съ дворомъ.

У опьянѣвшаго Рафаэля было лишь одно желаніе – осво-
бодиться отъ дерзкихъ рукъ Маркезиты, отъ тяжести ея тѣла,
отъ всей этой искушающей обстановки противъ которой онъ
защищался вяло, увѣренный въ томъ, что будетъ побѣжденъ.

Изумленный необычайностью приключенія, онъ молчалъ,
сдерживаясь вслѣдствіе своего уваженія къ общественнымъ
іерархіямъ. Дочь маркиза де-Санъ-Діонисіо! Это-то и за-
ставляло его сидѣть на своемъ стулѣ, слабо защищаясь отъ
нападенія женщины, которую онъ могъ бы оттолкнуть, мах-
нувъ лишь одной изъ своихъ рукъ. Наконецъ, онъ былъ вы-
нужденъ сказать:

– Оставьте меня, милость ваша, сеньорита!.. Донья Ло-
ла... Этого нельзя...

Видя, что онъ драпируется въ дѣвичье цѣломудріе, она
разразилась оскорбленіями. Теперь онъ уже не тотъ гордый
юноша былыхъ временъ, который, занимаясь контрабандой,
гулялъ по притонамъ Хереса со всякаго рода женщинами!
Марія де-ла-Лусъ околдовала его! Великая она добродѣтель,
живущая на виноградникѣ, окруженная мужчинами!..

И она продолжала изрыгать гнусности про невѣсту Рафаэля, который упорно молчалъ. Надсмотрщикъ желалъ видѣть ее именно такой; онъ тогда чувствовалъ въ себѣ больше силы для сопротивленія искушенію.

Маркезита, совершенно пьяная, настаивала на своихъ оскорбленіяхъ съ свирѣпостью отвергнутой женщины. Но тѣмъ не менѣе она не отпускала его.

– Трусъ!.. Быть можетъ, я тебѣ не нравлюсь?...

Сарандилья вошелъ поспѣшно въ залъ, точно хотѣлъ что-то сказать надсмотрщику, но удерживался. За дверью раздавался голосъ сеньорито, звучавшій раздраженіемъ. Когда онъ въ Матансуэлъ, нѣтъ больше ни надсмотрщика, ни какого-либо иного правительства, кромѣ его одного... Повиноваться ему, слѣпышь!..

И старикъ также поспѣшно вышелъ изъ залы, какъ вошелъ туда, не сказавъ ни слова надсмотрщику.

Рафаэля раздражало упорство Маркезиты. Еслибъ только не страхъ, что она возстановитъ противъ него хозяина и потребуетъ, чтобы ему было отказано отъ мѣста, на которомъ были сосредоточены всѣ надежды его и его невѣсты!..

Она продолжала оскорблять Рафаэля, но уже съ ослабѣвшимъ гнѣвомъ, точно хмель лишалъ ее возможности двигаться, и ея желаніе могло лишь выражаться на словахъ. Голова ея скользила на грудь Рафаэлю. Она наклонялась къ нему съ помутнѣвшими глазами, точно желая задремать. Бюстъ ея лежалъ на колѣняхъ надсмотрщика, а она все

еще оскорбляла его, какъ будто находила въ этомъ какое то странное наслажденіе.

— Я сейчасъ сниму съ себя нижнія юбки, чтобы ты ихъ надѣлъ... дуралей!.. Тебѣ нужно было бы называтъея Маріей, какъ зовутъ твою замарашку невѣсту...

На дворѣ раздался внезапно крикъ ужаса, содрождаемый грубыми раскатами хохота, Вслѣдъ затѣмъ послышалась шумная бѣготня, стукъ тѣлъ о стѣны, весь грохоть, вызываемый опасностью и страхомъ.

Рафаэль моментально вскочилъ, не обращая вниманія на Маркезиту, которая упала на полъ. Въ ту же минуту въ залъ вбѣжали три дѣвушки такъ стремительно, что уронили нѣсколько стульевъ. Побѣлѣвшія лица ихъ были покрыты смертельной блѣдностью, глаза расширились отъ ужаса; онѣ наклонялись, точно хотѣли спрятаться подъ столъ.

Надсмотрщикъ вышелъ во дворъ. Посреди двора пыхтѣлъ быкъ, ворочая глаза на луну, какъ бы удивляясь, что находится на свободѣ.

Около его ногъ лежало растянувшись что-то бѣлое, едва вырисовывая на землѣ маленькое туловище.

Изъ-подъ тѣни, бросаемой крышами, раздавались вдоль стѣнъ густой мужской смѣхъ и пронзительный женскій визгъ.

Сеньоръ Пакорро, Орель, оставался сидѣть неподвижно на каменной скамьѣ, наигрывая на гитарѣ, съ спокойствіемъ глубочайшаго опьянѣнія, закаленного противъ всякаго рода сюрпризовъ.

– Бѣдняжка Мари-Крусъ, – всхлипываль Алкапарронъ. – Быкъ убьетъ ее. Онъ убьетъ ее!..

Надсмотрщикъ все поняль... Вотъ такъ шутникъ сеньорито!.. Чтобы доставить сюрпризь друзьямъ и посмѣяться надъ испугомъ женщинъ, онъ велѣль Сарандилья выпустить изъ скотнаго двора быка. Цыганка, настигнутая животнымъ, упала отъ страха въ обморокъ... Великолѣпнѣйшій кутежь!..

VI

Цыганка Мари-Крусь умирала. Объ этомъ Алкапарронъ своими всхлипываніями оповѣщаль всѣхъ бывшихъ на мызѣ, не обращая вниманія на протесты матери.

– Что ты знаешь, глупый? Другіе бывали еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ она, а ихъ спасала моя кума..

Но цыганъ, пренебрегая вѣрой сеньоры Алкапаррона въ мудрость ея кумы, предчувствовали, съ ясновидѣніемъ любви, смерть своей двоюродной сестры. И на мызѣ, и въ полѣ онъ рассказываль всѣмъ о происхожденіи ея болѣзни.

– Все проклятая шутка сеньорита! Бѣдняжечка всегда была хиленькая, всегда хвораая, а внезапный ея испугъ передъ быкомъ окочательно ее убилъ. Пусть бы Богъ послаль...

Но почтеніе къ богатому, традиціонная покорность хозяину удержали на его устахъ цыганское проклятіе. Тотъ вѣщій воронъ, который, какъ онъ полагаль, сзываетъ добрыхъ, когда котораго-нибудь изъ нихъ недостаетъ на кладбищѣ, должно быть, уже бѣдствуетъ, поглаживая клювомъ черныя крылья и готовясь къ карканію для вызова молодой цыганки. Ахъ, бѣдняжка, Мари-Крусь! Лучшая изъ всей семьи!.. И чтобы больная не угадала его мыслей, онъ держался на нѣкоторомъ разстояніи, смотря на нее издали, не отваживаясь приблизиться къ тому углу людской, гдѣ она лежала, растянувшись на цыновкѣ изъ тростника, которую поденщики

сострадательно уступили ей.

Сеньора Алкапаррона, увидавъ свою племянницу, два дня спустя послѣ ночного кутежа, въ жару и не имѣющей силъ идти въ поле, тотчасъ распознала болѣзнь съ своей опытностью ворожеи и лѣкарки-колдуньи. Это внезапный испугъ передъ быкомъ «вошелъ въ нее внутрь».

— У бѣдняжки, — говорила старуха, — были ея... словомъ, эти... извѣстные; а въ такомъ случаѣ слѣдуетъ избѣгать испуга. Испорченная кровь бросилась ей на грудь и душитъ ее. Вотъ почему она все проситъ пить, точно съ нея мало и цѣлой рѣки.

И вмѣсто всякаго лѣкарства, старуха, отправляясь со всей своей семьей на разсвѣтъ работать въ поле, ставила близь лохмотьевъ постели кувшинъ, всегда полный водой.

Большую часть дня дѣвушка проводила въ одиночествѣ, въ самомъ темномъ углу спальни поденщиковъ. Которая-нибудь изъ дворнягъ, войдя по временамъ въ людскую, кружилась около больной съ глухимъ рычаніемъ, выражавшимъ ея изумленіе, и затѣмъ, послѣ подытки лизнуть блѣдное ея лицо, собака удалялась, отолкнутая безкровными, прозрачными, дѣтскими руками.

Въ полдень, когда солнечный лучъ проникалъ золотистой лентой въ полумракъ человѣческой конюшни, веселая муха долетала до темнаго угла, оживляя своимъ жужжаніемъ одиночество больной.

Иногда Сарандилья и его жена заходили провѣдать Ма-

ри-Крूसь.

– Бодрись, дѣвушка; сегодня видь у тебя лучше. Необходимо лишь одно, чтобы ты освободилась отъ всей этой дряни, которая бросилась тебѣ на грудь.

Больная съ слабой улыбкой протягивала исхудалыя свои руки, чтобы взять кувшинъ, и пила, и пила, въ надеждѣ, что вода потушитъ горячій и удушливый клубокъ, затруднявшій ея дыханіе, передавая всему тѣлу огонь лихорадки.

Когда солнечный лучъ исчезалъ, жужжаніе мухъ прекращалось и клочокъ неба, обрамленный дверью, принималъ нѣжный фіолетовый отѣнокъ, больная чувствовала радость. Это была для нея лучшая пора дня: скоро вернутся ея близкіе. И она улыбалась Алкапаррону и его братьямъ, которые садились на полъ полукругомъ, не говоря ни слова, и смотрѣли на нее вопросительно, точно желая уловить бѣглое здорье. Каждый вечеръ по возвращеніи съ поля тетка ея первымъ дѣломъ спрашивала, не освободилась ли она отъ этого, ожидая, что у нея выйдетъ ртомъ гніеніе, испорченная кровь, которую внезапный испугъ накопилъ у нея въ груди.

Больную оживляло также присутствіе ея товарищей по работѣ, поденщиковъ, которые, прежде чѣмъ засѣсть за вечернюю похлебку, проводили нѣсколько минутъ съ ней, стараясь ободрить ее суровыми словами. Грозный Хуаионъ говорилъ съ ней каждый вечеръ, предлагая энергичное лѣченіе, свойственное его характеру:

– Тебѣ нужно ѣсть, дитя, питаться. Вся твоя болѣзнь –

лишь голодь.

И затѣмъ онъ подносилъ ей необычайные пищевые продукты, которыми обладали его товарищи: кусочекъ селетки, колбасу, принесенную изъ горъ, и какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшую въ людской. Но цыганка отталкивала все съ благодарнымъ жестомъ.

– Это ты напрасно, – мы предлагали отъ души. – Оттого ты такъ сморщилась и высохла, оттого и умрешь, потому что не ѣшь.

Хуанонъ подкрѣплялся въ этой мысли, видя крайнее исхуданіе дѣвушки. На ней не было уже и малѣйшаго признака плоти, слабые мускулы ея анемичнаго тѣла словно улетучились. Оставался лишь костяной скелетъ, обозначавшій свои углы изъ-подъ матовой бѣлизны кожи, тоже, казалось, утончавшейся до прозрачной пленки. Вся жизнь ея словно сосредоточилась въ ввалившихся ея глазахъ, все болѣе черныхъ, все болѣе двѣ дрожащія капли ила въ глубинѣ синеватыхъ глазныхъ ея впадинъ.

Ночью Алкапарронъ, сидя на корточкахъ сзади ея постели, избѣгая ея взглядовъ, чтобы свободнѣе плакать, видѣлъ при свѣтѣ свѣчи до чего стали прозрачными ея уши и ноздри.

Надсмотрщикъ, встревоженный состояніемъ больной, совѣтовалъ позвать изъ города доктора.

– Это не по-христиански, тетка Алкапаррона, бѣдная дѣвушка умираетъ какъ ждвотное.

Но она съ негодованіемъ протестовала:

— Доктора? Доктора созданы только для сеиьоровъ, для богатыхъ. А кто заплатитъ за него?... Притомъ во всю свою жизнь она не нуждалась въ докторѣ и дожила до старости. Люди ея плѣмени, хотя и бѣдные, имѣютъ свой небольшой запасъ науки, къ которой часто прибѣгаютъ и гаши¹².

И позванная ею, явилась на мызу ея кума, древнѣйшая цыганка, которая пользовалась большой славой цѣлительницы въ Хересѣ и его окрестностяхъ.

Выслушавъ Алкапаррону, старуха ощупала несчастный скелетъ больной, одобряя всѣ предположенія своей пріятельницы. Она права: это внезапный испугъ, испорченная кровь, которая бросилась дѣвушка на грудь и душитъ ее.

Цѣлый вечеръ онѣ проходили вдвоемъ по сосѣднимъ холмамъ, отыскивая травы, и попросили у жены Сарандилы самыя нелѣпыя снадобья для знаменитой припарки, которую собирались смастерить. Ночью обитатели людской молчаливо съ легковѣрнымъ уваженіемъ поселянъ ко всему чудесному, наблюдали манипуляція, двухъ колдуній кругомъ горшка, придвинутаго къ огню.

Больная смиренно выпила отваръ и дала обложить себѣ грудь припаркой, таинственно приготовленной двумя старухами, какъ будто въ ней заключалось сверхъестественное могущество. Кума, не разъ дѣлавшая чудеса, отрицала свою мудрость, если раньше двухъ дней ей не удастся потушить

¹² Не цыганѣ.

огненный клубокъ, душившій дѣвушку.

Но два дня прошли, и еще два дня, а бѣдная Мари-Крусъ не чувствовала облегченія.

Алкапарронъ продолжалъ плакать, уходя изъ людской, чтобы больная не слышала. Съ каждымъ днемъ хуже ей! Она не можетъ лежать, задыхается. Его мать перестала уже ходить въ поле, и оставалась въ людской, чтобы ухаживать за Мари-Крусъ. Даже когда она спала, нужно было ее приподымать, и поддерживать въ сидячемъ положеніи, въ то время какъ грудь ея волновалась словно хрипѣніемъ сломаннаго раздувательнаго мѣха.

– Ахъ, Господи! – стоналъ цыганъ, теряя послѣднюю надежду. – Совершенно такъ, какъ птички, когда ихъ ранять.

Рафаэль не смѣлъ ничего совѣтовать семьѣ, и входилъ поглядать больную только лишь въ то время, когда поденщики были въ полѣ.

Болѣзнь Мари-Крусъ и кутежь на мызѣ хозяина поставили его во враждебныя отношенія ко всѣмъ обитателямъ людской..

Нѣкоторыя изъ дѣвушевѣ, когда къ нимъ вернулся разумъ послѣ той пьяной ночи, ушли, домой, въ горы, не желая больше оставаться на мызѣ. Онѣ ругали манихерось¹³, заботливости которыхъ родные поручили ихъ, а тѣ первые посоветовали имъ идти съ дономъ-Луисомъ. И послѣ того, какъ онѣ разгласили среди рабочихъ, вернувшихся въ воскресеніе

¹³ Нѣчто вродѣ старшины надъ извѣстнымъ числомъ поденщиковъ.

нѣ вечеромъ, случившееся наканунѣ ночью, онѣ однѣ пустились въ обратный путь домой, рассказывая всѣмъ о скандалахъ на мызѣ.

Поденщики, вернувшись въ Матансуэлу, уже не застали тамъ хозяйдн. Онѣ и вся его компанія, хорошенько проспавшись, уѣхали въ Хересь, какъ всегда веселые и шумно развлекаясь. Въ негодованіи своемъ рабочіе возложили всю отвѣтственность за случившееся на надсмотрщика и на все правительство мызы. Сеньорито былъ далекъ, да притомъ же они ѣли его хлѣбъ.

Нѣкоторые изъ тѣхъ, которые оставались въ людской въ ночь кутежа, должны были взять расчетъ и искать работу на другихъ мызахъ. Товарищи были возмущены. Готовились удары кинжаловъ. Пьяницы! Изъ-за четырехъ бутылокъ вина они продали дѣвушекъ, годившихся имъ въ дочери!..

Хуанонѣ однажды очутился глазъ на глазъ съ надсмотрщикомъ.

– Итакъ, – сказалъ онѣ, плюнувъ на полъ съ презрительнымъ видомъ, – ты доставляешь хозяину дѣвушекъ изъ людской, чтобы онѣ позабавился? Ты пойдешь далеко, Рафаэль. Мы теперь знаемъ, на что ты пригоденъ.

Надсмотрщикъ вскочилъ, точно его ударили ножомъ.

– Я самъ знаю, на что я пригоденъ. А также и на то, чтобы убить человѣка лицомъ къ лицу, если ояъ оскорбитъ меня.

И уязвленный въ своей гордости, онѣ съ вызывающимъ видомъ смотрѣлъ на Хуанона и на самыхъ отважныхъ изъ

поденщиковъ, держа наготовѣ ножъ въ карманѣ своей куртки, всегда на чеку, чтобы кинуться на нихъ при малѣйшемъ вызовѣ. Желая доказать, что онъ не боится людей, которые хотятъ дать выходъ старому злопамятству своему противъ надзирателя за ихъ работой, Рафаэль старался оправдать хозяина.

— Это была шутка. Донъ-Луисъ выпустилъ быка, чтобы позабавиться, никому не вредя. То, что произошло, было лишь несчастной случайностью.

И изъ гордости Рафаэль не говорилъ, что именно онъ отвелъ животное въ конюшню, освободивъ бѣдную цыганку отъ роговъ, которые жестоко разрывали ей платье. Точно также умолчалъ Рафаэль и о своей стычкѣ съ хозяиномъ, послѣ того какъ онъ спасъ Мари-Крусъ; о томъ, съ какой откровенностью онъ его порицалъ, о бѣшенствѣ донъ-Луиса, собиравшагося дать ему пощечину, точно онъ былъ одинъ изъ головорѣзовъ его свиты.

Рафаэль крѣпко стиснулъ ему руку своей рукой, повернувъ его какъ ребенка, и одновременно другой рукой сталъ доставать свой ножъ съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, что Чиво не отважился подойти къ нему, несмотря на громкій зовъ сеньорито, приказывавшаго ему убить этого челоуѣка.

И тотъ же храбрецъ, страшась надсмотрщика, уладилъ дѣло, поучительно объявляя, что всѣ они трое одинаково доблестны, а доблестные люди не должны ссориться другъ съ другомъ. И они вмѣстѣ выпили послѣдній стаканъ вина, въ

то время, какъ Маркезита храпѣла подь столомъ, а дѣвушки, внѣ себя отъ испуга, убѣжали въ людскую.

Когда недѣлю спустя Рафаэль былъ вызванъ въ хозяину, онъ поѣхалъ въ Хересь въ полной увѣренности, что не вернется больше въ Матансуэлу. Его навѣрно вызвали для сообщенія ему о томъ, что на его мѣсто найденъ другой надсмотрщикъ. Но безумный Дюпонъ встрѣтилъ его съ веселымъ видомъ.

Наканунѣ онъ окончательно поссорился съ своей двоюродной сестрой. Ея капризы и скандалы надоѣли ему. Теперь онъ будетъ серьезнымъ человѣкомъ, чтобы не причинять непріятностей дону-Пабло, замѣняющему ему какъ бы отца. Онъ думаетъ посвятить себя политикѣ, сдѣлаться депутатомъ. Другіе его земляки состоятъ же депутатами, не обладая иными достоинствами, кромѣ такого же состоянія и рожденія, какъ и его. При томъ же, онъ рассчитываетъ на поддержку отцовъ іезуитовъ, бывшихъ своихъ учителей, которые сочтутъ за счастье для себя видѣть его въ домѣ дона-Пабло, превратившагося въ серьезнаго человѣка и занятаго защитой священныхъ общественныхъ интересовъ.

Но онъ быстро утомился говорить въ такомъ тонѣ, и взглянулъ на надсмотрщика съ нѣкоторымъ любопытствомъ.

— Рафаэль, знаешь ли ты, что ты храбрецъ?

Это было единственнымъ его намекомъ на сцену той ночи. Затѣмъ, словно раскаявшись въ томъ, что онъ выдалъ такъ безусловно этотъ аттестатъ храбрости, донъ-Луисъ скромно

добавиль:

– Я, ты и Чиво, мы трое самые величайшіе храбрецы во всемъ Хересѣ. Пусть бы только кто-нибудь всталъ бы намъ на дорогѣ.

Рафаэль слушалъ его безстрастно, съ почтительнымъ видомъ хорошаго слуги. Единственное во всемъ этомъ, интересовавшее его, была увѣренность, что онъ остается въ Мансуэлѣ.

Затѣмъ хозяинъ спросилъ его, что новенькаго на мызѣ. Могущественный донъ-Пабло, всегда все знавшій, выбрали его за его кутежъ, о которомъ много разговора въ Хересѣ (эти слова онъ говоритъ съ нѣкоторой гордостью), упомянулъ о какой-то цыганкѣ, будто бы заболѣвшей отъ испуга. «Что это такое?» И онъ съ видомъ досады выслушалъ объясненія Рафаэля.

– Въ сущности ровно ничего. Мы отлично знаемъ, какъ цыгане всегда все преувеличиваютъ. Это пустяки. Испугъ изъ-за выпущеннаго на дворъ быка!.. Но вѣдь шутка эта самая что ни на есть обыденная.

И онъ перечислилъ всѣ деревенскіе кутежи богатыхъ людей, финаломъ которыхъ была остроумная эта шутка. Потомъ, съ великодушнымъ жестомъ, онъ издалъ приказаніе своему надсмотрщику:

– Дай этимъ добрымъ людямъ все, чтобы имъ ни понадобилось. Выдай дѣвушкѣ ея поденную плату за время ея болѣзни. Я хочу, чтобы мой двоюродный братъ убѣдился бы,

что я не такой дурной человекъ, какъ онъ думаетъ, и тоже умѣю оказывать милосердіе, когда мнѣ вздумается.

Выйдя изъ дома хозяина, Рафаэль, сѣвъ верхомъ, прищпорилъ лошадь, чтобы побывать въ Марчамало прежде, чѣмъ вернуться на мызу, но его задержали около «Собранія Ыздоковъ».

Самые богатые сеньоритосы Хереса побросали свои стаканы съ виномъ, чтобы выбѣжать на улицу, окруживъ здѣсь лошадь надсмотрщика. Они хотвли подробнѣе узнать о случившемся въ Матансуэль. Этотъ Луись такъ часто хвастаетъ, рассказывая о своихъ подвигахъ. И когда Рафаэль отвѣтилъ имъ серьезно, въ нѣсколькихъ словахъ, они всѣ размѣялись, найдя подтвержденіе уже слышаннымъ ими извѣстіямъ. Выпущенный быкъ, преслѣдующій пьяныхъ поденщицъ, вызывалъ шумные взрывы хохота у молодыхъ людей, которые, распивая вино, укрощая лошадей и толкуя о женщинахъ, ожидали то время, когда они отъ отцовъ своихъ унаслѣдуютъ богатство и земельную собственность всего Хереса. Вотъ такъ молодецъ этотъ донъ-Луись! И подумать, что они не присутствовали при этой его затѣѣ. Нѣкоторые съ горечью вспоминали, что онъ ихъ приглашалъ на кутежъ и сѣтовали на свое отсутствіе.

Одинъ изъ нихъ спросилъ, вѣрно ли, что дѣвушка изъ людской заболѣла отъ внезапнаго испуга? Когда Рафаэль сообщилъ, что это цыганка, многіе пожалы плечами. Цыганка! Она поправится скоро! Другіе, знавшіе Алкапаррона и раз-

ныя плутовскія его продѣлки, смѣялись, услыхавъ, что большая изъ его семьи. И всѣ, забывъ о цыганкѣ, опять принялись обсуждать остроумную выходку безумнаго Дюпона, и обращались съ новыми вопросами къ Рафаэлю, желая узнать, что дѣлала Маркезита въ то время, какъ ея любовникъ выпускалъ быка, и долго ли быкъ бѣгалъ на свободѣ.

Когда Рафаэлю ничего больше не оставалось сообщить, всѣ юнцы вернулись въ «Собраніе», не простившись съ нимъ. Разъ ихъ любопытство было удовлетворено, какое имъ было дѣло до рабочаго, для котораго они такъ поспѣшно повставали изъ-за стола.

Надсмотрщикъ пустилъ свою лошадь галопомъ, желая какъ можно скорѣе добраться до Марчамало. Марія де-ла-Лузь не видѣла его въ теченіе двухъ недѣль и встрѣтила его непривѣтливо. Также и до нихъ дошла преувеличенная разными пересудами вѣсть о случившемся въ Матансуэлѣ.

Приказчикъ качалъ головой, порицая происшествіе, и дочь его, воспользовавшись тѣмъ, что сеньоръ Ферминъ вышелъ на нѣкоторое время, накинулась на своего жениха, точно одинъ онъ былъ отвѣтственъ за скандалъ, случившійся на мызѣ. Ахъ, проклятый! Вотъ почему онъ столько времени не пріѣзжалъ на виноградникъ! Сеньоръ возвращается снова въ прежнимъ своимъ нравамъ веселаго кутилы и превращаетъ въ домъ безстыдства эту мызу, о которой она мечтала, какъ о гнѣздышкѣ чіистой, законной любви.

– Молчи, безсовѣстный. Не хочу слышать твоихъ оправ-

даній, я знаю тебя...

И бѣдный надсмотрщикъ почти что плакаль, оскорбленный несправедливостью невѣсты. Обращаться съ нимъ такъ, послѣ испытанія, которому его подвергло пьяное безстыдство Маркезиты, о чемъ онъ умалчивалъ изъ уваженія къ Маріи де-ла-Лусь. Онъ оправдывался, указывая на свое подчиненное положеніе. Вѣдь онъ же не болѣе, ккжъ только слуга, которому приходится закрывать глаза на многія вещи, чтобы не лишиться своего мѣста. Что могъ бы сдѣлать ея отецъ, еслибъ владѣлецъ виноградника былъ бы такимъ же кутилой, какъ его господинъ?...

Рафаэль уѣхалъ изъ Марчамало, нѣсколько утишивъ гнѣвъ своей невѣсты, но онъ увезъ въ душѣ, словно острую боль, ту суровость, съ которой простилась съ нимъ Марія де-ла-Лусь. Господи, этотъ его сеньорито! Сколько неприятностей доставляютъ ему его развлечения!.. Медленно возвращался онъ въ Матансуэлу, думая о враждебномъ отношеніи къ нему поденщиковъ, объ этой дѣвушкѣ, быстро гаснувшей, въ то время какъ тамъ, въ городѣ, праздные люди говордли о ней и о ея испугѣ съ громкимъ смѣхомъ.

Едва онъ сошелъ съ лошади, какъ увидѣлъ Алкапаррона, скитавшагося съ безумными жестами по двору мызы, словно обиліе его горя не уживалось подъ крышей.

— Она умираетъ, сеньоръ Рафаэль. Уже недѣлю мучается она. Бѣдняжка не можетъ лежать, и день и ночь сидитъ вытянувъ руки, двигая ими вотъ такъ... такъ, точно она ищетъ

свое здоровьице, навсегда улетѣвшее отъ нея. Ахъ, бѣдная моя, Мари-Крусь! Сестра души моей!..

И издавалъ онъ эти возгласы точно ревъ, съ трагической экспансивностью цыганскаго племени, которое нуждается въ свободномъ пространствѣ для своихъ горестей.

Надсмотрщикъ вошелъ въ людскую и прежде, чѣмъ добраться до кучи лохмотьевъ, которую иредставляла изъ себя постель больной, онъ услышалъ шумъ ея дыханія, словно болѣзненное пыхтѣніе испорченнаго раздувальнаго мѣха, которымъ расширился и сокращался несчастный реберный аппаратъ ея груди.

Чувствуя, что задыхается, она съ дрожью смертельнаго томленія разстегивала рваный свой корсажъ, обнажая грудь чахоточнаго мальчика, бѣлизны жеванной бумаги, безъ другихъ признаковъ своего пола, кромѣ двухъ смуглыхъ шариковъ, ввалившихся посреди ея реберъ. Она дышала, поворачивая голову туда и сюда, точно желая вобрать въ себя весь воздухъ. Въ нѣкоторыя минуты глаза ея расширились съ выраженіемъ ужаса, точно она чувствовала прикосновеніе чего-то холоднаго и незримаго въ сжатыхъ рукахъ, которыя она протягивала передъ собой.

Тетка Алкапаррона питала уже меньше увѣренности въ выздоровленіи ея, чѣмъ въ началѣ ея болѣзни.

– Еслибъ она только могла выкинуть изъ себя все это дурное, что у нея внутри! – говорила; она, глядя на Рафаэля.

И вытараив холодный и липкій потъ съ лица больной, она

ей предлагала кувшинъ съ водой.

– Пей, дитя души моей! Бѣлая моя голубка!..

И несчастная голубка, раненая на смерть, глотнувъ воды, высовывала языкъ, касаясь имъ своихъ синихъ губъ, словно желая продлить ощущение прохлады; свой сухой языкъ, выжженный, цвѣта варенаго бычачьяго языка.

По временамъ шумное дыханіе ея прерывалось сухимъ кашлемъ и выплевываніемъ мокроты, окрашенной кровью. Старуха качала головой. Она ждала нѣчто черное, ужасное, цѣлые ручьи гнилости, которые выходя унесли бы съ собой и всю болѣзнь дѣвушки.

Надсмотрщикъ сообщилъ теткѣ Алкапарронъ о пяти червонцахъ, которые онъ имѣеть передать ей по приказанію хозяина, и глаза цыганки просвѣтлѣли.

– Да, донь-Луисъ истинный кабальеро! Всему причной лишь злая судьба дѣвушки, несчастная случайность. Пусть Богъ вознаградитъ сеньорито!..

И старуха отошла отъ постели больной, чтобы проводить надсмотрщика до дверей, бормоча похвалы хозяину, спрашивая, когда ей можно явиться къ Рафаэлю получить деньги.

Прошло два дня. Десять прошло съ тѣхъ поръ, какъ Мари-Крусъ заболѣла. Поденщики въ людской казалось привыкли ужъ видѣть цыганку, сидящую на своей кучѣ лохмотьевъ, и слышать ея болѣзненное дыханіе. Время отъ времени нѣкоторые поговаривали о томъ, чтобы отправиться въ Хересь за помощью и привести доктора, но имъ отвѣчали по-

жиманіемъ плечь, словно полагали, что это состояніе больной можетъ продолжаться безконечно.

Ночью поденщики засыпали, убаюкиваемые этимъ громкимъ пыхтѣніемъ сломаннаго раздувальнаго мѣха, исходящаго изъ угла комнаты. Они привыкли видѣть больную и уже проходили мимо нея, не глядя на нее, смѣясь и громко разговаривая. И только тогда оборачивали они головы съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, когда въ теченіе нѣсколькихъ минутъ переставало раздаваться тяжкое дыханіе.

Члены семьи Алкапарроновъ, измученные бессонными ночами, сидѣли неподвижно на полу, кругомъ постели больной, не рѣшаясь идти въ поле на заработокъ.

Однажды вечеромъ старуха разразилась громкимъ крикомъ. Дѣвушка умираетъ – она задыхается!.. Она, такая слабая, что едва могла двигатпъ руками, теперь перекручивала весь свой костяной скелетъ съ необычайной силой смертельнаго томленія, и эти порывы ея были таковы, что тетка едва могла удержать ее въ своихъ объятіяхъ. Опираясь на пятки, больная вставала, выгибаясь, какъ лукъ, съ выпяченной впередъ, тяжело дышащей грудью, съ судорожнымъ, посинѣвшимъ лицомъ.

– Хосе-Марія, – стонала старуха. – Она умираетъ... Умираетъ тутъ, въ моихъ объятіяхъ! Сынъ мой!

А Алкапарронъ, вмѣсто того, чтобы прибѣжать на зовъ матери, кинулся изъ людской безумный. Онъ видѣлъ часъ тому назадъ человѣка, проходившаго до дорогъ изъ Хереса,

направляясь къ постоянному дворику дель-Грахо.

Это былъ онъ, то необычайное существо, о которомъ всѣ бѣдныя говорили съ уваженіемъ. Тотчасъ же цыганъ почувствовалъ себя проникнутымъ той вѣрой, что вожди народа умѣють проливать кругомъ себя.

Сальватьерра, находившійся на постояломъ дворикѣ, бесѣдуя съ Матажордильосъ, своимъ больнымъ товаришемъ, отступилъ назадъ, удивленный стремительнымъ появленіемъ Алкапаррона. Цыганъ смотрѣлъ во всѣ стороны безумными глазами и кончилъ тѣмъ, что бросился къ ногамъ Сальватьерры, схвативъ его руки съ умоляющей горячностью.

— Донъ Фернандо! Милость ваша всемогуща! Милость ваша дѣлаеть чудеса, когда желаетъ того! Моя двоюродная сестра... моя Мари-Крусъ... она умираеть, донъ-Фернандо, она умираеть!

И Сальватьерра не могъ дать себѣ отчета, какимъ образомъ онъ вышелъ изъ постоялаго двора, взятый на буксиръ лихорадочной рукой Алкапаррона, и какъ онъ съ быстротой сновидѣнія дошелъ до Матансуэлы. И бѣжалъ за цыганомъ, который тасилъ его и въ то же время призывалъ своего Бога, увѣренный, что онъ совершитъ чудо.

Революціонеръ очутился вскорѣ въ полумракѣ людской, и при огнѣ свѣчи, которую держалъ одинъ изъ цыганенковъ, онъ увидѣлъ синія губы Мари-Крусъ, сведенныя предсмертной судорогой, ея глаза расширенныя ужасомъ страданія, съ выраженіемъ безпредѣльнаго томленія. Тотчасъ приложилъ

онъ ухо къ потной и скользкой кожѣ этой груди, которая, казалось, была близка къ тому, чтобы лопнуть. Его осмотрѣть былъ краткій. Поднявшись, онъ инстинктивно снялъ шляпу и и остался стоять, съ непокрытой головой передъ бѣдной больной.

Ничему, нельзя было помочь здѣсь! Началась агонія, — упорная и ужасающая борьба, послѣдняя мука, ожидающая, притаившись, конецъ всякаго существованія.

Старуха сообщила Сальватьеррѣ мнѣніе свое о болѣзни племянницы, ожидая, что онъ одобритъ ее мнѣніе. Все это лишь испорченная кровь отъ внезапнаго испуга, не имѣющая выхода и убивающая ее.

Но донъ-Фернандо отрицательно покачалъ головой. Его любовь къ медицинѣ, хотя и беспорядочное, но обширное чтеніе во время долгихъ годовъ тюремнаго заточенія, постоянное общеніе съ бѣдной — всего этого было достаточно, чтобы онъ при первомъ же взглядѣ распозналъ болѣзнь. Это была чахотка, быстрая, жестокая, молніеносная, чахотка въ формѣ удушенія, страшная грануляція, явившаяся вслѣдствіе сильнаго волненія истощеннаго организма, открытаго для всякихъ болѣзней, и жадно впитавшаго ее въ себя. Онъ окинулъ взглядомъ съ ногъ до головы это исхудалое тѣло столь болѣзненной бѣлизны, въ которомъ, казалось, кости были хрупкія, какъ бумага.

Сальватьерра шопотомъ спросилъ о ея родителяхъ. Онъ угадывалъ отдаленный отзвукъ алкоголя въ этой агоніи. Тет-

ка Алкапаррона запротестовала.

– Ея бѣдный отецъ пилъ какъ и всѣ, но это былъ человекъ, отличавшійся необычайной силой. Друзья называли его Дамаханъ. Видѣли ли его пьянымъ?... Никогда!

Сальватерра сѣлъ на обрубокъ пня и печальными глазами слѣдилъ за ходомъ агоніи. Онъ оплакивалъ смерть этой дѣвушки, которую видѣлъ всего лшнь разъ – несчастный продуктъ алкоголизма, покидающій міръ, выкинутый изъ него звѣрствомъ опьянѣнія въ ту ночь.

Бѣдное существо билось на рукахъ у своихъ родныхъ въ ужасахъ удушья, протягивая руки впередъ.

Казалось, передъ ея глазами носится туманъ, умяявшій ей зрачки. Не имѣя подъ руками другого лекарства, старуха давала ей пить и вода шумно вливалась въ желудокъ больной, точно на дно сосуда; она ударялась о парализованныя стѣнки пищевода, производя звукъ, будто онѣ были изъ пергамента. Лицо бѣдняги теряло общія свои очертанія: щеки чернѣли, виски вдавливались, носъ вытягивался, ротъ судорожно сводился страшной гримасой... На землю спускалась ночь и въ людскую стали входить поденщики, а женщины, молчаливо собравшись поблизости отъ умирающей, стояли опустивъ головы, сдерживая свои рыданія.

Нѣкоторые ушли въ поле, чтобы скрыть свое волненіе, въ которомъ была и доля страха. Иисусе Христе! Вотъ какъ умираютъ люди! Какъ трудно разставаться съ жизнью!.. И увѣренность, что всѣмъ предстоитъ пройти черезъ ужасную

эту опасность, съ ея судорогами и тяжелыми муками, заставляла ихъ считать сносной и даже счастливой жизнь, которую они вели.

– Мари-Кру! – Голубонька моя! – вздыхала старуха. – Видишь ли ты меня? Всѣ мы тутъ около тебя!..

– Отвѣть мнѣ, Мари-Кру! – умоляль Алкапарронъ, всхлипывая. – Я твой дводородный братъ, твой Хосе Марія!..

Но цыганка отвѣчала лишь только тяжелымъ хрипѣніемъ, не открывая глазъ своихъ, сквозь неподвижныя вѣки которыхъ виднѣлась роговая перепонка цвѣта мутнаго стекла. Въ одномъ изъ сдѣланныхъ ею судорожныхъ движеній она обнажила изъ-подъ кучи лохмотьевъ маленькую, исхудалую ножку, совершенно почернѣвшую. Вслѣдствіе неправильнаго кровообращенія кровь скоплялась у нея въ оконечностяхъ. Уши и руки тоже почернѣли.

Старуха разразилась сѣтованіями!.. То именно, что она говорила! Испорченная кровь; проклятый испугъ, не вышедшій изъ нея и теперъ, съ ея смертью, распространяющійся по всему ея тѣлу. И она бросалась на умирающую, и цѣловала съ безумной жадностью, точно кусая, чтобы вернуть ее къ жизни.

– Она умерла, донъ-Фернандо! Развѣ ваша милость не видитъ? Она умерла!..

Сальватьерра заставилъ старуху умолкнуть. Умирающая ничего уже не видѣла, перерывы болѣзненнаго ея дыханія становились все продолжительнѣе, но слухъ еще сохранил-

ся. Это было послѣднее сопротивленіе чувствительности передъ смертью, оно длилось пока тѣло мало-по-малу повергалось въ черную бездну безсознанія. Медленно прекратились судороги: вѣки раскрылись въ послѣднемъ приступѣ озноба, обнажая зеницы глазъ, расширенныя, съ матовымъ и тусклымъ оттѣнкомъ.

Революціонеръ взялъ на руки это тѣло, легкое какъ у ребенка, и отстраняя родныхъ, медленно опустилъ его на кучу лохмотьевъ.

Донъ-Фернандо дрожалъ: его синіе очки потускнѣли, мѣшая ему хорошенько видѣть, холодная безстрастность, отличавшая его во всѣхъ случайностяхъ жизни, таяла передъ этимъ маленькимъ трупомъ, легкимъ какъ перышко, которое онъ положилъ на нищенскую постель. Въ его движеніяхъ было нѣчто въ родѣ священнодѣйствія, какъ будто онъ признавалъ смерть единственной несправедливостью, передъ которой преклонялся его гнѣвъ революціонера.

Когда цыгане увидѣли Мари-Крусъ, лежащую неподвижно, они долгое время пробыли въ безмолвномъ оцѣпенѣніи. Въ глубинѣ людской раздавались рыданія женщинъ, поспѣшный шопотъ молитвы.

Алкапарроны смотрѣли на трупъ издали, не дерзая ни поцѣловать его, ни соприкоснуться съ нимъ, въ виду суевѣрнаго уваженія, которое смерть внушаетъ ихъ племени. Но вскорѣ старуха поднялась, царапая себѣ судорожными руками лицо, углубляя пальцы въ жирные свои волосы, еще

черные, несмотря на ея годы. Кругомъ лица ея разсыпались пряди ея волосъ, и продолжительный вопль заставилъ всѣхъ вздрогнуть.

– А-а-ай! Моя дѣвонька умерла! Моя бѣлая голубка! Моя апрѣльская розочка!..

И крики свои, въ которыхъ звенѣлъ обильный паѳосъ скорби жителей Востока; она сопровождала царапинами лица, окровавливая ими свои морщины. Одновременно съ этимъ послышался глухой стукъ, это Алкапарронъ бросился о земь и бился головой о полъ.

– А-а-ай! Мари-Кру ушла! – ревѣлъ онъ, какъ раненый звѣрь. – Лучшая изъ всего нашего дома! Честь нашей семьи!

И маленькіе Алкапарроны, какъ будто внезапно подчиняясь обряду своего племени, поднялись на ноги и начали бѣгать по двору и вокругъ, издавая крики и царапая себѣ лицо.

– О-ой, ой! Умерла бѣдненькая двоюродная сестра!.. Ой!.. Ушла отъ насъ Мари-Кру!..

Какъ безумные бѣгали они по всѣмъ отдѣленіямъ мызы, точно желая, чтобы и самыя скромныя животныя узнали о ихъ несчастіи. Оги проникали въ конюшни, скользили подъ ногами животныхъ, повторяя свои вопли о смерти Мари-Крусъ: ослѣпленные слезами, они мчались, стучаясь объ углы, опрокидывая здѣсь плугъ, таимъ стулъ, въ сопровожденіи собакъ, не бывшихъ на цѣпи, и слѣдовавшихъ за ними по всей мызѣ, присоединяя и свой лай къ отчаяннымъ ихъ воплямъ.

Нѣкоторые поденщицы погнались за маленькими бѣсноватыми, и схвативъ ихъ, приподняли ихъ высоко, но и въ такомъ видѣ, будучи въ плѣну, они продолжали размахивать въ воздухѣ руками, не прерывая свой плачь.

— О-ой... умерла наша двоюродная сестра! Бѣдняга Мари-Кру!

Утомившись рыдать, царапать себѣ лицо, биться головой о землю, измученная шумнымъ своимъ горемъ, вся семья снова; усѣлась вокругъ трупa.

Хуанонъ съ нѣсколькими товарищами собирался бодрствовать надъ мертвой до слѣдующаго утра. Семья ея можетъ въ это время лечь спать за стѣнами людской, потому что сонъ имъ необходимъ. Но старая цыганка воспротивилась этому. Она не желаетъ, чтобы трупъ оставался дольше въ Матансуэлѣ. Тотчасъ же они отправятся въ Хересь и увезутъ туда трупъ в телѣжкѣ ли, на ослѣ, или же на плечахъ ея и ея дѣтей, если это окажется нужнымъ.

У нихъ свой домъ въ городѣ. Не бродяги же Алкапарроны? Семья ихъ многочисленна и безконечна; отъ Кордовы и до Кадикса нѣтъ той лошадиной ярмарки, гдѣ бы нельзя было встрѣтить кого-либо изъ ихъ родственниковъ. Сами они бѣдные, но у нихъ есть родные, что могли бы съ ногъ до головы обложить ихъ червонцами; богатые цыгане, которые ѣздятъ по дорогамъ съ слѣдующими за ними цѣлыми стадами лошадей и муловъ. Всѣ Алкапарроны любили Мари-Крусь, больную дѣву съ нѣжными глазами: похороны ея будутъ ко-

ролевскими, хотя жизнь ея и была жизнью выючнаго животнаго.

– Идемъ, – сказала старуха съ сильной экзальтаціей въ голосъ и движеніяхъ. – Идемъ сейчасъ въ Хересь. Я хочу, чтобы еще до разсвѣта ее видѣли всѣ наши, такой красивой и нарядной, какъ сама Матерь Божія. Я хочу, чтобы ее видѣлъ дѣдушка, отецъ мой; самый старѣйшій цыганъ во всей Андалузіи, и чтобы бѣдняга благословилъ ее своими руками святого отца, которыя дрожать и кажется, что изъ нихъ исходитъ свѣтъ.

Обитатели людской одобрили мысль старухи съ эгоизмомъ усталости. Они не могутъ воскресить мертвую, и лучше, для спокойствія ихъ, чтобы эта шумная семья, мѣшающая имъ спать, удалилась бы.

Рафаэль вступился, предлагая имъ двуколку мызную. Дядя Сарандилья запряжетъ ее и менѣе чѣмъ въ полчаса они могутъ увезти трупъ въ Хересь.

Старая Алкапаррона, увидавъ надсмотрщика, взволновалась и въ ея глазахъ засверкалъ огонь ненависти. Наконецъ-то она встрѣтилась съ тѣмъ, на кого можетъ взвалить вину своего несчастія.

– Это ты, воръ? Ты вѣрно доволенъ теперь, проклятый надсмотрщикъ. Посмотри-ка на бѣдняжку, которую ты убилъ.

Рафаэль отвѣтилъ неудачливо:

– Поменьше упрековъ и брани, тетка колдунья. Что же касается той ночи, вы болѣе виноваты, чѣмъ я.

Старуха хотѣла броситься на него съ адской радостью, что нашелся тот., кого можно обвинить въ своемъ горѣ.

– Подлецъ... Ты, ты виновать во всемъ! Будь проклята твоя душа и душа разбойника господина твоего.

Но тутъ она нѣсколько поколебалась, словно раскаиваясь въ томъ, что прокляла сеньора, всегда уважаемаго людьми ея племени.

– Нѣтъ, не хозяина. Онъ молодой, богатый и у сеньоритъ нѣтъ другой обязаиности, кромѣ развлеченій. Будь проклять ты, одинъ ты, притѣсняющій бѣдныхъ и слѣдящій за ихъ работою, точно они негры, ты, доставляющій дѣвушекъ хозяйевамъ, чтобы лучше скрывать свое воровство. Не желаю ничего твоего: бери назадъ тѣ пять червонцевъ, которые ты мнѣ далъ; бери ихъ назадъ, воръ; вотъ они, негодяй.

И вырываясь изъ рукъ мужчинъ, державшихъ ее, чтобы она не бросилась на Рафаэля, она рылась въ своихъ тряпкахъ, отыскивая деньги, съ дѣланной поспѣшностью и твердымъ намѣреніемъ не найти ихъ. Но несмотря на это, ея поза была не менѣе драматична.

– Бери деньги, злая собака!.. Бери ихъ и пусть изъ каждой песеты родится для тебя несчастье и будетъ грызть тебѣ сердце.

И она разжимала сжатые руки, какъ будто бросая что-то на землю, хотя и ничего не бросала, сопровождая свои жесты гордыми взглядами, точно она дѣйствительно бросила червонцы на полъ.

Донь-Фернандо вступился, вставъ между надсмотрщикомъ и старухой. Она довольно уже наговорила, пора ей замолчать.

Но цыганка выказала еще большую наглость, увидавъ, что она защищена тѣломъ Сальватьерры, и обернувъ голову, продолжала оскорблять Рафаэля.

– Пусть Богъ допуститъ, чтобы у тебя умеръ кто тебѣ всего дороже... Пусть ты увидишь холодной и неподвижной, какъ мою бѣдняжку Мари-Кру, ту гаши, которую ты любилъ.

Надсмотрщикъ слушалъ ее до той поры съ презрительнымъ хладнокровіемъ, но когда прозвучали послѣднія ея слова, удерживать поденщикамъ пришлось уже его.

– Колдунья! – заревѣлъ онъ, – меня оскорбляй сколько хочешь, но не смѣй называть имени той особы, потому что я убью тебя!

И казалось, онъ былъ склоненъ убить ее, такъ что поденщики лишь только съ большими усилиями могли увести его изъ людской. Какъ можно обращать вниманіе на женщину?... Пусть онъ забудетъ старуху, вѣдь она обезумѣла отъ горя. – А когда, побѣжденный словами Сальватьерра и толчками столькихъ рукъ, онъ переступилъ черезъ порогъ людской, онъ еще услышалъ пронзительный голосъ колдуньи, который, казалось, преслѣдовалъ его.

– Уходи, лживый человѣкъ и пусть Богъ накажетъ тебя, отнявъ у тебя гаши, ждущую на виноградникѣ. Пусть возьметъ ее у тебя изъ-подъ носа сеньорито... пусть донь-Луисъ

насладится ею, и ты узнай о томъ!

О, какое усиліе долженъ былъ сдѣлать надъ собой Рафаэль, чтобы не вернуться назадъ и, не задушить старуху!..

Полчаса спуста Сарандилья подѣхалъ на двуколкѣ въ дверямъ людской, Хуанонъ и другіе товарищи обернули простыней трупъ, поднявъ его съ его ложа лохмотьевъ. Онъ былъ теперь легче, чѣмъ въ минуту смерти. Это было перышко или соломенка, по словамъ поденщиковъ. Казалось, что вмѣстѣ съ жизнью улетучилась и вся матерія.

Двуколка двинулась въ путь, съ пронзительнымъ скрипомъ покачиваясь на своихъ осяхъ по неровностямъ дороги.

Сзади телѣги, соприкасаясь съ ней, шла старуха и ея младшія дѣти. А за ними шель Алкапарронъ рядомъ съ Сальватьеррой, пожелавшаго соероководать до города этихъ бѣдныхъ людей.

У дверей людской скопились поденщики и въ черной ихъ массѣ сверкаль огонекъ свѣчи. Всѣ съ безмолвнымъ вниманіемъ слѣдили за скрпомъ двуколки, не видной въ темнотѣ, и за воплями цыганъ, раздававшихся въ тишинѣ мертвого и синеватаго поля подъ холоднымъ блескомъ звѣздъ.

Алкапарронъ чувствовалъ нѣкоторую гордость, идя рядомъ съ этимъ человѣкомъ, о которомъ вездѣ было столько толковъ. Они вышли уже на большую дорогу: на ея бѣлой полосѣ выдѣлялся силуэтъ двуколки, отъ которой, въ ночномъ безмолвіи, распространялось тихое позвякиваніе бубенчиковъ и стенанія семьи, шедшей позади нея.

Цыганъ вздыхаль, словно эхо того горя, которое ревѣло впереди него, и въ тоже время говорилъ съ Сальватьеррой о своей дорогой умершей.

– Она была самой лучшей изъ семьи, сеньоръ... и поэтому она ушла. Хорошіе живутъ недолго. Вотъ двоюродныя мои сестры, Алкапарроны, онѣ безчестье семьи, и величайшія плутовки, – а у нихъ червонцы цѣлыми пригорошнями, и у нихъ есть и кареты, и газеты говорятъ о нихъ, а бѣдняжка Мари-Кру, которая была лучше пшеничной муки, умираеть послѣ жизни тяжелаго труда.

Цыганъ стеналь, взглядывая на небо, словно онѣ протестоваль противъ этой несправедливости.

– Я очень любилъ ее, сеньоръ; если я желаль чего-либо хорошаго, то лишь для того только, чтобы подѣлиться съ нею. Еще вѣрнѣе, чтобы все ей отдать. А она, незлобивая голубка, апрѣльская розочка, была всегда добрая ко мнѣ, всегда защищала меня... Когда мать моя сердилась на меня за какую-нибудь мою продѣлку, Мари-Кру сейчасъ же защищала своего бѣднаго Хосе Марія... Ахъ, двоюродная моя сестренка! Моя нѣжная святая! Мое смуглое солнышко съ глазищами, казавшимися яркимъ пламенемъ!.. Что бы только не было готовъ сдѣлать для нея бѣдняга цыганъ!.. Слушайте, милость, ваша, сеньоръ. У меня была невѣста; я хочу сказать, у меня ихъ было много, но то была гаши, т. е. дѣвушка не нашего племени; у нея было состояніе, сеньоръ, и къ тому же, она была влюблена въ меня, за мое, какъ она гово-

рила, умѣніе пѣть нѣжныя пѣсенки. А когда мы уже были одѣты, чтобы идти вѣнчаться, я сказала ей: «Гаши, пусть домъ пойдотъ моею бѣдной матери и моею двоюродной сестрѣ Мари-Кру. Онѣ такъ много работали, и жили собачьей жинзною въ людскихъ, пусть поживутъ нѣкоторое время хорошо и въ свое удовольствіе. Ты и я, мы молоды, здоровы и можемъ спать на дворѣ». А гаши не пожелала и прогнала меня; но я не огорчился этимъ, потому что я оставался съ моею матерью и двоюродной сестрой, а онѣ стоятъ больше всѣхъ женщинъ въ мірѣ! Я имѣлъ невѣсть дюжинами, я чуть было не женился, мнѣ очень нравятся дѣвушки, но Мари-Кру я люблю, какъ не люблю никогда никакую жещиину... Какъ объяснить это вашей милости, которая тааъ много знаетъ? Я люблю бѣдняжку, которую везутъ впереди насъ на двуколкѣ, такъ, что не сумѣю это объяснить, какъ священникъ любить Божью Мать, когда онѣ служитъ обѣдню. Мнѣ нравилось видѣть ея большія глазища и слушать золотой ея голосокъ; но прикоснуться до низка ея платья? Это никогда мнѣ и въ голову не приходило. Она была для меня святой Дѣвой и, какъ на тѣ, которыя въ церквахъ, я смотрѣлъ лишь на ея головку; на милую головку, созданную для ангеловъ...

И когда онѣ снова застоналъ, подумавъ объ умершей, ему отвѣтилъ хоръ плачущихъ, сопровождавшихъ двуколку.

– А-а-а-ай!.. Моя дѣвочка умерла! Мое сверкающее солнце! Мое нѣжное сердечко!

И цыганята на крики матери отвѣчали взрывомъ жалоб-

ныхъ воплей, чтобы и темная земля, и синее пространство, и яркіе сверкавшія звѣзды хорошенько проникнулись бы тѣмъ, что умерла ихъ двоюродная сестра, нѣжная Мари-Крусь.

Сальватьерра чувствовалъ, что имъ овладѣло это трагическое и шумное горе, скользившее сквозь тѣму ночную, раздаваясь въ безмолвіи полей.

Алкапарронъ пересталъ стонать.

— Скажите мнѣ, сеньоръ, вы, который столько знаете. Думаете ли вы, милость ваша, что я когда-нибудь увижусь снова съ моей двоюродной сестрой?...

Ему необходимо было это узнать, его мучила тоска сомнѣнія, и замедляя шагъ, онъ умоляюще смотрѣлъ на Сальватьерру своими восточными глазами, блестящими въ полумракѣ отливами перламутра.

Революціонеръ взволновался, увидавъ томленіе этой искренней души, умолявшей въ своемъ горѣ о лучѣ утѣшенія.

Да, онъ опять увидится съ нею; это онъ подтвердилъ ему съ торжественной серьезностью. Болѣе того, онъ во всякое время будетъ соприкасаться съ нѣчто такимъ, что составляло часть ея существа. Все, что существуетъ, остается въ мірѣ; и только мѣняется форма, ни одинъ атомъ не теряется. Мы живемъ окруженные тѣмъ, что было прошлымъ, и тѣмъ, что имѣетъ быть будущимъ. Останки лицъ, которыхъ мы любили, и составныя части тѣхъ, которыя въ свою очередь будутъ любить насъ, носятся вокругъ насъ, поддерживая нашу жизнь.

Сальватьерра, подь давленіемъ своихъ мыслей, чувствовалъ потребность исповѣдываться кому-нибудь, говорить съ этимъ простодушнымъ существомъ о своей слабости и своихъ колебаніяхъ передь тайной смерти. Это было желаніе изложить свою мысль съ увѣренностью не быть понятымъ, излить свою душу, подобно тому, какъ онъ это видѣлъ у великихъ шекспировскихъ дѣйствующихъ лицъ, королей въ несчастіи, вождей, преслѣдуемыхъ судьбой, которые братски довѣряли свои мысли шутамъ и безумцамъ.

Этотъ цыганъ, котораго всѣ осмѣиваютъ, выступалъ теперь возвеличенный внезапно горемъ, и Сальватьерра чувствовалъ необходимость передать ему свою мысль, точно онъ ему братъ.

Революціонеръ тоже позналъ страданіе. Горе дѣлало его трусомъ; но онъ не раскаявался, такъ какъ въ слабости онъ находилъ сладость утѣшенія. Люди изумлялись энергіи его характера, стоицизму, съ которымъ онъ встрѣчалъ преслѣдованія и физическія муки. Но все это проявлялось въ немъ лишь въ борьбѣ съ людьми, передь недобѣдимой тайной смерти жестокой, неизбѣжной, вся энергія его уничтожалась.

И Сальватьерра, словно забывая присутствіе цыгана и говоря самъ съ собой, вспомнилъ, какъ гордо онъ вышелъ изъ тюрьмы, бросая вновь вызовъ преслѣдованіямъ, и затѣмъ вспомнилъ недавнюю свою поѣздку въ Кадиксъ, чтобы видѣть уголокъ земли близъ стѣны, среди мраморныхъ кре-

стовъ и надгробныхъ плитъ. И это быдо все, что имѣется у него послѣ существа, наполнявшаго его мысль? Отъ матери его, отъ старушки доброй и нѣжной, какъ святая женщины христіанскихъ религій – остался лишь только этотъ четверугольникъ свѣжеразрытой земли, и дикія цвѣтушія маргаритки? Утратилось навѣки нѣжное пламя ея глазъ, звукъ ея ласкающаго голоса, надтреснутаго отъ старости, который съ дѣтскимъ пришептываніемъ звать Фернандо, «дорогого Фернандо».

– Алькапарронъ, ты не можешь понять меня, – продолжалъ Сальватьерра дрожащимъ голосомъ. – Быть можетъ для тебя счастье, что у тебя дѣтская душа, позволяющая тебѣ и въ горѣ и въ радости быть вѣтраннымъ и непостояннымъ, какъ птичка. Но выслушай меня, хотя ты меня и не поймешь. Я не отрекаюсь отъ того, чему научился; я не сомнѣваюсь въ томъ, что знаю. Загробная жизнь – ложь, гордая мечта человѣческаго эгоизма; и небо религій тоже ложь. Люди эти говорятъ во имя поэтическаго спиритуализма, а вѣчная ихъ жизнь, ихъ воскресеніе тѣль, ихъ загробныя радости и наказанія отдають матеріализмомъ, отъ котораго тошнить. Для насъ не существуетъ иной жизни, кромѣ земной; но ахъ, передъ саваномъ, изъ земли покрывающемъ могилу моей матери, я впервые почувствовалъ, что убѣжденія мои пошатнулись. Насъ нѣтъ больше, когда мы умираемъ, но нѣчто наше остается у тѣхъ, которые замѣщаютъ насъ на землѣ; нѣчто, которое не только есть атомъ, питающій новыя жизни; нѣчто

неосязаемое и неопредѣленное, личная печать нашего существованія. Мы словно рыбы въ морѣ; понимаешь ли ты меня, Алкапарронъ? Рыбы живутъ въ той же водѣ, въ которой мы существуемъ: пространство и земля; мы живемъ, окруженные тѣми, которые были, и тѣми, которые будутъ. И я, другъ Алкапарронъ, когда чувствую желаніе плакать, вспоминая, что нѣтъ ничего подъ этой земляной насыпью, вспоминая печальное ничтожество окружающихъ ее цвѣтковъ, думаю, что мать моя не вся подъ землей, что нѣчто вырвалось отуда и оно обращается среди жизни, оно прикасается ко мнѣ, привлеченное таинственной симпатіей, и сопровождаетъ меня, окружая лаской столь сладострастной, какъ поцѣлуй... «Ложь», кричитъ мнѣ голосъ мысли. Но я не слушаю его; я хочу мечтать, хочу сочинять прекрасный обманъ на утѣшеніе себѣ. Быть можетъ, въ этомъ вѣтеркѣ, прикасающемся къ нашему лицу, есть нѣчто отъ тѣхъ нѣжныхъ и дрожащихъ рукъ, которыя ласкали меня въ послѣдній разъ передъ тѣмъ, какъ я отправился въ тюрьму.

Цыганъ пересталъ стенать, и смотрѣлъ на Сальватьерра своими африканскими глазами, расширенными изумленіемъ. Онъ не понималъ большую часть его словъ, но изъ нихъ ему свѣтила надежда.

— Судя по этому, милость ваша думаетъ, что Мари-Кру не совсѣмъ умерла? Что я смогу еще увидѣть ее, когда воспоминаніе о ней будетъ душить меня?

Сальватьерра чувствовалъ, что на него повліяли вопли

цыганъ, агонія Мари-Крусь, при которой онъ присутствоваль, трупъ, качавшійся въ двуколкѣ нѣскольکو шаговъ впереди него. И грустная поэзія ночи, съ ея безмолвіемъ, прерываемая по временамъ воплями скорби, вливалась ему въ душу.

Да, Алкапарронъ будетъ чувствовать вблизи своем дорожную умершую. Нѣчто ея пахнетъ ему въ лицо какъ благоуханіе, когда онъ будетъ копать землю лопатой и изъ новой борозды до обонянія его донесется свѣжесть разрыхленной почвы. Нѣчто изъ души ея будетъ также и въ колосьяхъ пшеницы, въ макѣ, вкрапливающимъ тамъ и сямъ красный цвѣтъ въ золотыя полосы хлѣбныхъ нивъ, нѣчто будетъ и въ птицахъ, воспѣвающихъ разсвѣтъ, когда человѣческое стадо идетъ на закланіе, въ горныхъ кустарникахъ, надъ которыми порхаютъ насѣкомыя, испуганныя бѣгомъ кобыль и гнѣвнымъ мычаніемъ быковъ.

– Кто знаетъ, – продолжалъ революціонеръ, – нѣтъ ли – теперь въ этихъ звѣздахъ, словно взирающихъ въ высь очами своими, нѣчто изъ блеска тѣхъ другихъ очей которыя ты такъ любилъ, Алкапарронъ?

Но взглядъ цыгана выдавалъ его изумленіе, имѣвшее въ себѣ кой что похожее на состраданіе, словно онъ считаль Сальватьерру безумнымъ.

– Тебя пугаетъ величина міра по сравненію съ малостью твоей бѣдной умершей и ты отступаешь. Сосудъ слишкомъ великъ для одной слезы: это несомнѣнно. Но точно также и

капля теряется въ морѣ... тѣмъ не менѣе она тамъ находится.

Сальватьерра продолжалъ говорить, какъ будто онъ желалъ убѣдить самого себя. Что значить величина или малость? Въ каплѣ жидкости существуютъ милліоны и милліоны существъ, имѣющія всѣ собственную жизнь: также какъ и люди, населяющіе планету. И одного лишь изъ этихъ безконечно-малыхъ организмовъ достаточно чтобы убить человеческое существо, чтобы эпидеміей истребить массу народа. Почему люди не могутъ вліять на микробы безконечности въ этой вселенной, въ нѣдрахъ которой остается сила ихъ индивидуальности?

Но затѣмъ революціонеръ, казалось, сомнѣвался въ своихъ словахъ, раскаивался въ нихъ.

— Быть можетъ, это вѣрованіе равносильно трусости: ты не можешь понять меня, Алкапарронъ. Но, увы! Смерть! незнакомка, которая шпионитъ и слѣдитъ за нами, насмѣхаясь надъ нашими тщеславіями и нашими утѣхами!.. Я ее презираю, смѣюсь надъ ней, жду ее безъ страха, чтобы наконецъ отдохнуть: и подобно мнѣ и многіе другіе. Но мы, люди, любимъ, и любовь понуждаетъ насъ дрожать за тѣхъ, которые насъ окружаютъ: она подрѣзываетъ нашу энергію, и мы падаемъ ницъ, труся и дрожа передъ этой колдуньей, сочиняя тысячи обмановъ, чтобы найти себѣ утѣшеніе въ ея преступленіи. Ахъ, если бы мы ихъ любили... какимъ храбрымъ и отважнымъ существомъ былъ бы человѣкъ!

Двуколка съ своимъ тряскимъ ходомъ уѣхала впередъ,

оставивъ позади цыгана и Сальваѣерру, которые останавливались, чтобы говорить. Они уже не видѣли ее. Имъ служили указаніемъ дальній ея скрипъ и плачь семьи, идущей позади двуколки, и снова принявшей за свое скорбное пѣніе.

– Прощай, Мари-Кру! – кричали малютки, точно служки похорогной религіи. – Наша двоюродшая сестра умерла!..

Когда они замолкали на мгновеніе, раздавался голосъ старухи, полный отчаянія, пронзительный, точно голосъ жреца скорби,

– Угасла бѣлая голубка, нѣжная цыганка, еще не открывшійся бутонъ розы!.. Господи Боже! о чемъ ты думаешь, если ты только добрыхъ губишь?...

VII

Когда въ сентябрѣ мѣсяцѣ настала пора винограднаго сбора, богатые аъ Хересѣ были болѣе озабочены положеніемъ, принятымъ поденщиками, чѣмъ хорошимъ урожаемъ вина.

Въ «Círculo Caballista» даже наиболѣе веселые сеньоритосы забывали о хорошихъ статьяxъ своихъкобыль, о достоинствахъ своихъ собакъ и о прелестяхъ дѣвушекъ, обладаніе которыми они другъ у друга оспаривали, чтобы говорить лишь только объ этихъ людяхъ, опаленныхъ солнцемъ, привыкшихъ къ труду, грязныхъ, еъ дурнымъ запахомъ и злопамятными глазами, работавшихъ на ихъ виноградникахъ.

Въ многочисленныхъ увеселительныхъ собраніяхъ, занимавшихъ почти всѣ нижніе этажи улицы Ларга, не говорили ни о чемъ другомъ. Что еще нужно виноградарямъ?... Они зарабатываютъ поденно десять реаловъ, ѣдятъ въ мискахъ менестру, которую заказываютъ себѣ сами, безъ вмѣшательства хозяина; зимой у нихъ на даню часъ отдыха, а лѣтомъ два часа, чтобы они не упали бездыханные на известковую землю, сыпавшую искрами; имъ позволяютъ выкуривать въ теченіе дня восемь сигаръ; а ночью большинство изъ нихъ спятъ, подославъ простыню на тростниковую цыновку. Настоящіе сибариты эти виноградари! – и они еще жалуются и требуютъ улучшеній, угрожая стачкой?...

Въ «Собраній Ёздоковъ» владѣльцы виноградниковъ въ

внезапно порывъ состраданія проявляли умиленіе, говоря о полевыхъ работникахъ на мызахъ. Эти бѣдняги дѣйствительно заслуживаютъ лучшей участи. Два реала поденной платы, вся ихъ ѣда – отвратительная похлебка, а спать они на полу одѣтыя, менѣе защищенные кровомъ, чѣмъ даже животныя. Было бы естественно, еслибъ они выражали бы неудовольствіе, а не виноградари, жйивущіе сеньорами по сравненію съ полевыми работниками.

Но владѣльцы мызь протестовали съ негодованіемъ, видя, что намѣреваются обрушить на нихъ всю тяжесть опасности. Если они не платятъ лучше полевымъ своимъ работникамъ, то лишь потому, что доходы мызь очень незначительны. Возможно ли сравнивать доходы съ пшеницы, ячменя и скотоводства; съ доходами отъ этихъ виноградниковъ, прославленныхъ во всемъ мірѣ, изъ лозъ которыхъ золото льется потоками и даетъ владѣльцамъ ихъ въ иные годы болѣе легкую прибыль, чѣмъ еслибъ они выходили грабить на большую дорогу... Когда пользуешься такимъ богатствомъ, слѣдуетъ быть великодушными и удѣлить хоть малую толику благосостоянія тѣмъ, усиліями которыхъ оно поддерживается. Виноградари жалуются справедливо.

И на вечеринкахъ богачей происходили непрерывные споры между владѣльцами мызь и владѣльцами виногради-ковъ.

Праздная ихъ жизнь остановилась. Никто не подходилъ къ рулеткѣ; колоды картъ лежали не распечатанными на зе-

ленныхъ столахъ; хорошенькія дѣвушки мелькали по тротуарамъ и ни одинъ изъ юнцовъ не высовывалъ изъ оконъ казино голову, отпуская имъ вслѣдъ комплименты и насмѣшливо мигая имъ глазами.

Швейцарь «Собранія» искалъ, какъ очумѣвшій, ключъ того, что въ уставѣ общества торжественно туловалось «библиотекой»: шкафъ, притаившійся въ самомъ темномъ углу дома, съ скуднымъ содержимымъ, словно буфетъ бѣдняка. Сквозь пышную и покрытую паутиной стеклянную дверь его видѣлись нѣсколько дюжинъ книгъ, до которыхъ никто не прикасался. Сеньоры члены «Собранія» чувствовали себя внезапно охваченными жеданіемъ просвѣтиться, освѣдодиться о томъ, что называли соціальнымъ вопросомъ и каждый вечеръ они устремляли свои взоры на шкафъ, словно на святую святыхъ науки, надѣясь, что, наконецъ, появится ключъ и они почерпнутъ изъ нѣдръ его столь желанный ими свѣтъ. Въ дѣйствительности не очень-то велика была ихъ поспѣшность получить свѣдѣнія о вопросахъ социализма, свернувшихъ головы работникамъ.

Нѣкоторые негодовали противъ книгъ, прежде чѣмъ прочли ихъ. Ложь, все ложь, чтобы лишь влить горечь въ жизнь. Они ничего не читають, и счастливы. Почему не слѣдуютъ ихъ примѣру деревенскіе глупцы, отнимающіе у себя по ночамъ цѣлые часы сна, толпясь кругомъ товарища, читающаго имъ газеты и брошюры? Чѣмъ человекъ больше невѣжда, тѣмъ онъ счастливѣе. И они бросали взоры отвращенія

на книжный шкафъ, какъ на складъ злодѣяній, въ то время, какъ онъ, несчастный, хранилъ въ своихъ нѣдрахъ лишь сокровище самыхъ безобидныхъ томовъ, большинство которыхъ было принесено въ даръ министерствомъ по настоянію мѣстнаго депутата стихотворенія о Пресвятой Дѣвѣ Маріи, и патріотическіе пѣсенники; руководства для воспитанія канареекъ и правила для разведенія домашнихъ кроликовъ.

Пока богатые спорили другъ съ другомъ, или негодовали, обсуждая требованія работниковъ, эти послѣдніе продолжали свое протестующее къ нимъ отношеніе. Стачка началась частично, безъ общей связи, доказывая этимъ произвольность сопротивленія работниковъ.

Въ нѣкоторыхъ виноградникахъ хозяева, побуждаемые страхомъ лишиться урожая винограда, «перешагнули черезъ все», лаская, однако, въ злопамятномъ ихъ умѣ надежду на возмездіе, лишь только виноградъ ихъ окажется сложеннымъ въ давальняхъ.

Другіе, болѣе богатые, имѣли настолько стыда, какъ они высокомерно заявляли, чтобы не входить въ какое бы то ни было соглашеніе съ мятежниками. Донъ-Пабло Дюпонъ принадлежалъ въ наиболѣе пылкимъ изъ этого числа. Онъ скорѣе готовъ былъ лишиться своей бодеги чѣмъ унизиться до этого сброда. Предъявлять требованія ему, который для своихъ работниковъ чисто отецъ и заботится не только о пропитаніи ихъ тѣла, но и о спасеніи ихъ душъ, избавляя ихъ отъ «грубаго матеріализма».

— Это принципиальный вопрос, — заявлялъ онъ у себя въ конторѣ въ присутствіи служащихъ, утвердительно кивавшихъ головами еще раньше, чѣмъ онъ началъ говорить. — Я не прочь дать имъ то, что они желаютъ, и даже больше того. Но пусть они меня просятъ, а не требуютъ отъ меня. Это отрицаніе священныхъ моихъ хозяйскихъ правъ. Деньги имѣютъ для меня очень малое значеніе, въ доказательство чего, прежде чѣмъ уступить, я лучше согласенъ лишиться всего урожая винограда Марчамалы.

И Дюпонъ, задорный въ защитѣ того, что онъ называлъ своими правами, не только отказывался выслушать требованія поденщиковъ, но изгналъ изъ своихъ виноградниковъ всѣхъ, выдѣлившихся въ качествѣ агитаторовъ еще задолго до того, что виноградари рѣшили бастовать.

Въ Марчамалѣ оставалось очень мало поденщиковъ, и Дюпонъ замѣнилъ стачечниковъ цыганками изъ Хереса и дѣвушками, явившихся изъ горныхъ селъ, побуждаемая къ тому приманкой значительной поденной платы.

Такъ какъ сборъ винограда не требовалъ большого утомленія, Марчамало былъ полонъ женщинами, которыя, прикурнувъ на склонахъ холмовъ, срѣзывали виноградъ, въ то время какъ съ большой дороги ихъ осыпали бранью лишившіеся заработка ради «идеи».

Мятежъ поденщиковъ совпалъ съ тѣмъ, что Луисъ Дюпонъ называлъ своимъ періодомъ серьезности.

Кутила достигъ того, что изумилъ своимъ поведеніемъ

могущественнаго двоюроднаго брата. Ни женщинъ, ни скандаловъ! Маркезита забыла уже о немъ: оскорбленная его пренебреженіемъ, она снова вернулась въ союзу съ торговцемъ свиньями, «единственнымъ человѣкомъ, умѣвшимъ обращаться съ ней».

Сеньорито казался огорченнымъ, когда съ нимъ говорили о его знаменитыхъ кутежахъ. Всему этому крышка навсегда: нельзя же быть юнцомъ всю свою жизнь. Теперь онъ мужчина, серьезный и дѣловой. У него въ головѣ есть нѣчто: бывшіе учителя его, — отцы іезуиты признають это. Онъ рѣшилъ напречь всѣ свои усилія, чтобы добиться столь же высокаго положенія въ политикѣ, какое двоюродный его братъ занимаетъ въ промышленности. Другіе поглупѣ его, управляютъ дѣлами страны, и къ голосу ихъ прислушивается правительство тамъ, въ Мадрддѣ, какъ въ голосу вице-королей.

Отъ прошлой своей жизни Луисъ сохранилъ лишь дружбу съ головорѣзами, увеличивъ свиту свою новыми храбрецами. Онъ баловалъ ихъ и содержалъ, имѣя въ виду, что они будутъ служить ему союзниками въ его политической карьерѣ. Кто дерзнетъ пойти противъ него при первыхъ его выборахъ въ депутаты, видя его въ столь почтенной компаніи! И чтобы развлечь свою великолѣпную свиту, онъ продолжалъ ужинать съ ними въ ресторанахъ и вмѣстѣ пьянствовать. Это не нарушитъ уваженія къ нему. Попойка время отъ времени не поводъ къ тому, чтобы вызвать чье-либо негодованіе. Это мѣстный обычай, не болѣе того, и въ придачу это ведетъ за

собой извѣстную популярность.

И Луисъ Дюпонъ, убѣжденный въ значеніи своей личности, ходилъ изъ казино въ казино, ораторстауя о «соціально-мъ вопросѣ» съ пылкой жестикуляціей, грозившей опасностью бутылкамъ и стаканамъ, разставленнымъ на столахъ.

Въ «Circulo Caballista» онъ избѣгалъ общества молодыхъ людей, лишь вспоминая о прошлыхъ его безумствахъ, чтобы восхищаться ими, предлагая ему новые, еще болѣе скандальные подвиги. Онъ искалъ разговора съ «серьезными отцами», богатыми земельными собственниками и владѣльцами большхъ виноградниковъ, начавшихъ слушать его съ нѣкоторымъ вниманіемъ, признавая, что у этого кутилы свѣтлая голова.

Дюпонъ дѣлался надменнымъ, говоря краснорѣчиво и пылко о мѣстныхъ рабочихъ. Онъ повторялъ слышанное имъ отъ двоюроднаго брата и отъ монаховъ различныхъ орденовъ, посѣщавшихъ домъ Дюпона. Но онъ заходилъ дальше ихъ въ рѣшеіи вопросовъ съ своимъ авторитетнымъ и звѣрски-мъ жаромъ, очень нравившимся его слушателямъ, людямъ столь же грубымъ, какъ и богатымъ, находившимъ удовольствіе поражажъ быковъ и укрощать дикихъ жеребцовъ.

Для Луиса рѣшеніе рабочаго вопроса казалось до нельзя простымъ. Немножечко состраданія и затѣмъ религіи, побольше религіи, и палка тому, кто отказывается повиноваться. Этимъ кладется предѣлъ такъ называемому «соціальному конфликту», и все пойдетъ гладко, какъ по маслу. Могутъ

ли жаловаться поденщики тамъ, гдѣ есть такіе люди, какъ его двоюродный братъ и многіе изъ присутствующихъ (здѣсь аудиторія дѣлаетъ жесты одобренія и на лицахъ появляются благодарныя улыбки), сострадательные до излишества, и не могущіе видѣть несчастія, чтобъ тотчасъ же не взяться за кошелекъ и, дать дурось и даже до двухъ дуросовъ?

На это мятежники отвѣчаютъ, что состраданія не достаточно, и что, вопреки ему, множество людей живетъ въ нуждѣ. Но что же могутъ сдѣлать хозяева, чтобы поправить непоправимое?

Всегда будучь существовать на свѣтѣ богатые и бѣдные, голодные и сытые, и только безумцы или преступники могутъ мечтать о равенствѣ.

Равенство!.. Дюпонъ прибѣгаль къ ироніи, приводившей въ восторгъ его аудиторію. Всѣ шутки, внушенныя самымъ благороднымъ изъ человѣческихъ стремленій его двоюродному брату Пабло и его свитѣ изъ церковниковъ, Луись повторялъ съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ, словно это былъ выводъ изъ всемірныхъ думъ. Что такое равенство?... Всякій, кому вздумается, можетъ овладѣть его домомъ, если онъ ему нравится; зато и онъ, въ свою очередь, похитить сюртукъ у своего сосѣда, потому что онъ ему нуженъ; а тотъ наложить лапу свою на чужую жену, разъ она ему пришлась по вкусу. Безбрежное море, кабальеросы!.. Не заслуживаютъ ли разстрѣла или рубашки для сумасшедшихъ те, которые говорятъ о равенствѣ?

И съ смѣхомъ оратора сливались раскаты хохота всѣхъ членовъ собранія. Соціализмъ раздавленъ! Какимъ остроуміемъ и ораторскимъ талантомъ владѣеть этотъ молодой челявѣкъ!..

Многіе изъ старыхъ сеньоровъ кивали головой съ покровительственнымъ видомъ, признавая, что Луиса недостаетъ въ иномъ мѣстѣ, и, жалко, что его слова теряются въ этой атмосферѣ, пропитанной табачнымъ дымомъ. Пря первомъ же случаѣ надо будетъ исполнить его желаніе съ тѣмъ, чтобы вся компанія слушала бы съ парламентской трибуны эту столь остроумную и справедливую критяку.

Дюпонъ, одушевленный всеобщимъ одобреніемъ, продолжалъ говорить, но теперь уже серьезнымъ тономъ. То, въ чемъ нуждается чернь, еще прежде заработной платы, это – утѣшеніе религіи. Безъ религіи народъ живетъ жестоко страдая, подвергаясь всевозможнымъ несчастіямъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, работники Хереса. Они ни во что не вѣрятъ, не ходятъ къ обѣднѣ, пришлась по вкусу. Безбрежное море, кабальеросы!.. смѣются надъ священнослужителями и только и думаютъ, что о соціальной революціи съ убійствами и разстрѣлами буржуевъ и іезуитовъ. У нихъ нѣтъ надежды на загробную жизнь, – утѣшеніе и награда за всѣ земныя горести, которыя незначительны, такъ какъ онѣ продолжаются лишь нѣсколько десятковъ лѣтъ; и, какъ логическій выводъ изъ столь великаго безвѣрія, бѣдность ихъ кажется имъ болѣе тяжелой, съ новыми мрачными оттѣнками.

Эта толпа, вѣчно недовольная и не имѣющая Бога, заслуживаетъ кару – свою участь! Пусть они не жалуется на хозяевъ, потому что хозяева стараются повернуть ихъ на добрый путь! Пусть они требуютъ отвѣта отъ истинныхъ виновниковъ ихъ несчастія, отъ Сальватьерры, и другихъ подобныхъ ему, отнявшихъ у нихъ вѣру!

– Къ тому же, сеньоры, – ораторствовалъ сеньорито съ парламентскимъ паѳосомъ, – какой получился бы результатъ отъ увеличенія заработной платы? Только лишь поддержка порока и ничего больше. Эти люди не дѣлаютъ сбереженій, они ничего не копятъ. Пусть мнѣ укажутъ хоть одного поденщика, который сдѣлалъ бы сбереженія.

Слушатели молчали, кивая головой въ знакъ согласія. Никто не предъявлялъ поденщика, требуемаго Дюпономъ, и онъ улыбался, торжествуя, и тщетно ожидая изумительное существо, которому бы удалось скопить маленькое состояніе на заработокъ въ нѣсколько реаловъ.

– Здѣсь, у насъ, – продолжалъ онъ торжественно, – нѣтъ ни любви къ труду, ни духа бережливости. Посмотрите на рабочаго другихъ государствъ: работаетъ онъ больше здѣшнихъ и копитъ маленькій капиталъ себѣ на старость. Но у насъ, у насъ поденщикъ въ молодости думаетъ о томъ, чтобы невзначай овалѣть какой-нибудь дѣвушкой позади ли амбара, или ночью въ людской; въ старости же, лишь только у него въ карманѣ окажется нѣсколько сантимовъ, онъ ихъ употребляетъ на вино и пьянство.

И всё въ одинъ голосъ, точно они внезапно потеряли память, съ велчайшей суровостью придавали анаѳемъ пороки работгиковъ. Что можно было ждать отъ черни, безъ иныхъ стремленій и иллюзій въ жизни какъ только пьянства?... Дюпонъ вѣрно говорить. Пьяницы! Низкіе люди, сами виноватые въ длительности тяжелаго своего положенія, насилуя женщинъ, точно онии животныя!..

Сеньориту извѣстно средство покончить съ этой анархіей. Значительная часть вины падаетъ на правительстао. Теперь, когда началась стачка, въ Хересь слѣдовало бы послать баталіонъ, цѣлую армію, если бы понадобилось, и пушекъ, побольше пушекъ. И онъ горькл жаловался на беззаботность стоявшкхъ у власти, точно единственное назначеніе испанскаго войска было охрана богатыхъ Хереса, дабы они могли спокойно ждать, и какъ будто это равнялось предательству, что улицы и села не были тотчасъ же наполнены солдатами въ красныхъ панталонахъ, съ сверкающими штыками, лишь только виноградари проявили некторое недовольство.

Луись былъ либераломъ, очень большимъ либераломъ. Въ этомъ отношенія онъ расходился съ своими учителямт іезуитами, говорившими о донъ-Карлосѣ съ восторгомъ, подтверждая, что это «единственное ихъ знамя». Луись былъ на сторонѣ тѣхъ, которые повелѣвали въ Испаніи, и ни разу не упоминалъ о королевскихъ особахъ, чтобы не предпослать имъ титула «королевскаго величества», словно они могли издали слышать выраженія его глубочайшаго къ нимъ

почтенія и наградить его тѣмъ, что онъ пожелаетъ. Онъ былъ либералень, но его свобода была свободой благопристойныхъ людей.

Свободу для тѣхъ, у которыхъ есть что-нибудь терять, а для черни столько хлѣба, сколько возможно, и палокъ, побольше палокъ, единственное средство уничтожить злые инстинкты, раждающіеся вмѣстѣ съ человѣкомъ и развивающіеся безъ узды религіи.

– Знаете ли вы, – говорилъ онъ, – почему Франція богаче насъ и прогрессивнѣе?... Потому что она хорошо раздѣлалась съ разбойничьими коммунами и въ нѣсколько дней было разстрѣляно болѣе сорока тысячъ этихъ людей, причемъ прибѣгали въ пушкामъ и митральезамъ, чтобы поскорѣе покончить съ низкимъ сбродомъ, и затѣмъ все потекло мирно и гладко. Мнѣ, – продолжалъ сеньорито докторальныхъ тономъ, – не нравится Франція, потому что она республика, и потому что тамъ приличные люди забыли Бога и смѣются надъ его служителями. Но я желалъ бы для нашей страны человѣка, подобнаго Тьеру. Это то, что недостаетъ намъ здѣсь, человѣка, который улыбается и стрѣляетъ картечью въ сволочь.

И онъ улыбался, чтобы показать, что самъ способенъ быть такимъ же Тьеромъ, какимъ былъ тотъ.

Конфликтъ въ Хересѣ былъ бы устраневъ имъ въ двадцать четыре часа. Пусть дадутъ ему власть и увидятъ, на что онъ способенъ. Основательныя экзекуціи во времена «Черной

руки» привели къ нѣкоторымъ результатамъ. Толпа струсила передъ висѣлицами, возведенными на площади de la Carcel. Но этого недостаточно. Требуется хорошее кровопусканіе, чтобы отнять силы у мятежнаго быдла. Если бы правилъ онъ, были бы уже забраны въ тюрьму агитаторы и вожди всѣхъ союзовъ крестьянскихъ работниковъ, которые вносятъ тревогу въ городъ.

Но и это тоже казалось ему недостаточнымъ, только лишь полумѣрой и онъ затѣмъ поправлялся, дѣлая болѣе свирѣпыя предложенія. Лучше было бы провоцировать мятежниковъ, Не дать планамъ ихъ созрѣть, ущипнуть ихъ, чтобы выскочили бы они раньше времени, и лишь только они перейдутъ къ открытому возстанію напасть на нихъ и не давать пощады никому! Много жандармеріи, много конной стражи, много артиллеріи.

Для этого-то богатые и несутъ бремя налоговъ, большаіа часть которыхъ идетъ на войско. Если это не было бы такъ, на что служили бы солдаты, стоившіе такъ дорого, въ странѣ, которой не предстоитъ вести войну?

Въ виду предупредительной мѣры нужно было бы стереть съ лица земли развратныхъ агитаторовъ, подбивающихъ въ мятежу полчище нужды. Всѣхъ тѣхъ, которые ходятъ по деревнямъ, изъ села въ село, раздавая гнусныя прокламаціи и ядовитыя брошюрки – разстрѣлять. Всѣхъ тѣхъ, которые зубоскалятъ и говорятъ бѣшенныя рѣчи въ этихъ тайныхъ собраніяхъ, ночью по артелямъ или въ окрестностяхъ како-

го-нибудь постоялаго двора – разстрѣлять. То же самое и тѣхъ, которые на виноградникахъ, ослушиваясь хозяевъ и гордясь умѣніемъ читать, сообщаютъ своимъ товарищамъ свѣдѣнія о нелѣпостяхъ, печатаемыхъ въ газетахъ... И Фернандо Сальватьерра тоже разстрѣлять.

Но едва онъ сказалъ это, сеньорито словно раскаялся въ своихъ словахъ. Мягкость и добродѣтели этого мятежника внушали ему извѣстное уваженіе. Даже слушатели Луиса, вполне одобрявшіе его предложенія, на этотъ разъ хранили молчаніе, точно имъ было противно включить революціонера въ щедрое распределеніе разстрѣловъ. Онъ былъ безумецъ, вызывавшій удивленіе, святой, не вѣрившій въ Бога; и эти сеньоры чувствовали въ нему уваженіе, равное уваженію, мавра въ полоумному святошѣ, который прокликаетъ его и угрожаетъ ему палкой.

– Нѣтъ, – продолжалъ свою рѣчь сеньорито, – на Сальватьерру слѣдуетъ надѣть рубашку для сумасшедшихъ и пусть отправляется, пропагандируетъ ученіе въ домѣ умалишенныхъ на весь остатокъ своей жизни.

Слушатели Дюпона одобряли эти предложенія. Владѣтели касенныхъ заводовъ, старички съ сѣдѣющими бакенами, проводившіе часы, созерцая бутылки въ священнодѣйствующемъ безмолвіи, измѣняли своей серьезности, чтобъ улыбнуться юношѣ.

– Этотъ молодой человекъ весьма талантливъ, – заявилъ одинъ изъ нихъ. – Онъ говоритъ точно депутатъ.

И остальные одобрили его.

– Двоюродный его братъ Паблито позаботится о томъ, чтобы мы его выставили кандидатомъ, когда наступятъ выборы.

Луись чувствовалъ себя подчасъ утомленнымъ и отъ триумфовъ, которые онъ пожиналъ въ казино, и отъ изумленія, внушаемаго внезапной серьезностью былымъ товарищамъ веселой жизни. Воскресали вновь наклонности его развлекаться съ людьми уничиженными.

– Я по горло сытъ сеньоритами, – говорилъ онъ съ отвращеніемъ выдающагося человѣка своему вѣрному спутнику Чиво. – Ёдемъ въ деревню: маленькій кутежъ всегда на пользу организму.

И желая сохранить протекцію могущественнаго своего двоюроднаго брата, онъ на денекъ отправляется въ Марчамало, прикидываясь будто интересуется результатомъ винограднаго обора.

Виноградникъ былъ полонъ женщинами, и Луису нравилось обращеніе этахъ дѣвушевъ изъ горныхъ сель, смѣявшихся надъ шутками сеньорито, и благодарныхъ ему за его щедрость.

Марія де-ла-Лусъ и ея отецъ принимали за честь столь частыя посѣщенія дономъ Луисомъ виноградника. О скандальномъ приключеніи въ Матансуэлѣ оохранилось только лишь блѣдное воспоминаніе. Шалости сеньорито! Люди эти, по традиціи привыкшіе къ уваженію туманныхъ развлеченій

богатыхъ, оправдывали ихъ, точно это была какая-то повинность молодыхъ лѣтъ.

До старика Фермина дошли слухи о великой перемѣнѣ, происшедшей въ образѣ жизни донна Луиса, о его стремленіяхъ быть серьезнымъ человѣкомъ, и онъ съ удовольствіемъ видѣлъ, что Луисъ пріѣзжаетъ на виноградникъ, спасаясь отъ городскихъ искушеій.

Его дочь также принимала ласково сеньорита, говоря ему ты, какъ во времена ихъ дѣтства, и смѣясь надъ всѣми его шутками. Онъ хозяинъ Рафаэля и наступитъ день, когда и она будетъ его служгой на мызѣ, которую воображеніе еже-часно рисовало въ видѣ гнѣздышка ея счастія. О скандальномъ кутежѣ, вызвавшемъ въ ней такое сильное негодованіе противъ надсмотрщика, она почти что не помнила. Сеньорито проявляетъ, раскаяніе въ своемъ прошломъ, и, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, скандалъ на мызѣ былъ окончательно забытъ всѣми.

Луисъ выказывалъ особенную любовь въ жизни въ Марчамалѣ. Иногда онъ очень поздно засиживался здѣсь и оставался ночевать въ башнѣ Дюпоновъ.

— Я словно патріархъ тамъ, — говорилъ онъ друзьямъ своимъ въ Хересѣ, — окруженъ дѣвушками, которыя привязаны ко мнѣ, словно я родной ихъ отецъ.

Друзья смѣялись надъ благопристойнымъ тономъ, которымъ кутила говорилъ о своихъ невинныхъ развлеченіяхъ съ ватагой дѣвушекъ, работавшихъ на виноградникѣ. Кромѣ то-

го, ему нравилось оставаться на виноградникъ изъ-за ночной прохлады.

– Вотъ это значить жить, сеньоръ Ферминъ, – говорилъ онъ на эспланадѣ въ Марчамало, при сіяніи звѣздъ обвѣянной ночнымъ вѣтеркомъ.

Вечеринки протекали въ патріархальномъ мирѣ и спокойствіи. Сеньорито подавалъ гитару приказчику.

– Идите сюда! Покажите искусство золотыхъ вашихъ ручекъ! – кричалъ онъ.

И Чиво, по его приказанію, бѣгалъ вынимать изъ ящиковъ экипажа нѣсколько бутылокъ лучшаго вина фирмы Дюпонъ. Какъ есть настоящій кузень. Но мирный, порядочный, тихій, безъ пошлыхъ словъ и дерзкихъ жестовъ, которые испугали бы зрительницъ-дѣвушекъ, слышавшихъ въ своихъ селахъ рассказы объ ужасномъ донѣ-Лулсѣ, и видя его вблизи, теряли предубѣжденія свои, признавая, что онъ не такой дурной, какъ молва о немъ разглашала.

Марія де-ла-Лусъ пѣла, пѣлъ также и сеньорито, и даже хмурый Чиво, подчиняясь приказанію своего патрона, начиналъ пѣть грубымъ своимъ голосомъ отрывки воспоминаній о свиданіи у рѣшетчатыхъ оконъ или о кинжальныхъ ударахъ въ защиту матери или любимой женщины.

– Оле, великолѣпно! – кричалъ приказчикъ иронически этой фигурѣ висѣльника.

Послѣ того сеньорито бралъ за руку Марію де-ла-Лусъ, выводя ее въ середину кружка присутствующихъ, и они на-

чинали отплясывать «севильяну», съ рѣзвостью и искусствомъ, вырывающимъ у зрителей крики восторга.

– Милосердый Богъ! – восклицалъ отецъ, ударяя аккордами по гитарѣ съ новымъ пыломъ. – Вотъ такъ парочка голубей!.. Это, дѣйствительно, называется танцовать!

И Рафаэль надсмотрщикъ, появившійся въ Марчамалѣ лишь изрѣдка, увидавъ раза два эту пляску, былъ польщенъ честью, оказанной сеньорито его невѣстѣ. Хозяинъ его не дурной человекъ, прошлое его лишь сумасбродство молодости; но теперь, когда онъ образумился, вышелъ сеньорито хоть куда, донельзя симпатичный, одаренный большой склонностью въ общенію съ людьми низшаго сословія, точно они были ему ровней. Онъ хлопалъ въ ладоши, глядя на танцующую пару безъ малѣйшаго проблеска ревности, онъ, способный хвататься за ножъ, едва кто-либо бросалъ взглядъ на Марію де-ла-Лусъ. Чувствовалъ онъ лишь нѣкоторую зависть оттого, что не умѣлъ танцовать съ такимъ изяществомъ, какъ его хозяинъ. Вся жизнь его уходила на завоеваніе себѣ хлѣба, и онъ не имѣлъ времени научиться такимъ тонкостямъ. Онъ могъ только пѣть, и то лишь на суровый дикій ладъ, какъ научили его товарищи по контрабандѣ, когда они верхомъ на своихъ кобылахъ, согнувшись съ товаромъ, ѣхали, оглашая своимъ пѣніемъ уединенныя горныя ущелья.

Донъ-Луисъ властвовалъ на виноградникѣ, словно онъ былъ хозяинъ. Могушественный донъ-Пабло отсутствовалъ. Онъ проводилъ лѣто съ своимъ семействомъ на сѣверномъ

прибрежьи, пользуясь тщеславіемъ, чтобы посѣтить Лююлу и Деусту – центры святости и учености добрыхъ его совѣтниковъ. И кузень, чтобы еще болѣе доказать ему, что онъ чело-вѣкъ серьезный и дѣловитый, писалъ ему длинные письма, сообщая о своихъ поѣздкахъ въ Марчамало, надзоръ надъ сборомъ винограда и о хорошихъ результатахъ этого сбора.

Онъ въ самомъ дѣлѣ интересовался ходомъ работъ на виноградникѣ. Испытываемое имъ желаніе сразиться съ работниками, его стремленіе побѣдить забастовщиковъ побуждали его быть трудолюбивымъ и упорнымъ. Онъ кончилъ тѣмъ, что совершенно поселился въ башнѣ Марчамало, давъ клятву, что не сдѣлаетъ шагу изъ имѣнія, пока не будетъ конченъ виноградный сборъ.

– Дѣло идетъ на ладъ, – говорилъ онъ приказчику, насмѣшливо мигнувъ глазами. – Разбойники эти впадутъ въ уныніе, видя, что съ помощью женщинъ и нѣсколькихъ почтенныхъ виноградарей мы кончимъ работу, ни мало не нуждаясь въ нихъ. По вечерамъ у насъ пляска и благопристойный кутежъ, сеньоръ Ферминъ, чтобы негодяи эти узнали и бѣсились бы.

Такимъ образомъ проходилъ виноградный сборъ, среди музыкы, пиршества и вина, щедро раздаваемого изъ лучшихъ сортовъ.

По вечерамъ домъ виноградныхъ давленень, имѣвшій какой-то моеастырскій отгѣнокъ, вслѣдствіе своего безмолвія и строгой дисциплины, когда въ Марчамало находился донъ-

Пабло Дюпонъ, теперь оглашался до поздней ночи шумными празднествами.

Поденщики забывали о ночномъ отдыхѣ, чтобы пить господское вино. Дѣвушки, привыкшія къ нуждѣ, царившей въ мызныхъ людскихъ, широко раскрывали изумленные глаза, точно онѣ видѣли осуществленными изобиліе и довольство тѣхъ чудесныхъ сказокъ, которыя онѣ слышали на вечеринкахъ. Ужинъ былъ великолѣпный. Донъ-Луисъ платилъ не считая.

– Вотъ что, сеньоръ Ферминъ: пусть привозятъ говядину изъ Хереса: пусть всѣ эти дѣвушки ѣдятъ до отвала, пусть пьютъ, пусть пьянѣютъ: я беру на себя всѣ расходы. Мнѣ хочется, чтобы та сволочь видѣла, какъ мы хорошо угощаемъ покорныхъ работниковъ.

И лицомъ въ лицу, съ признательнымъ полчищемъ дѣвушекъ, онъ скромно говорилъ:

– Когда увидите забастовщиковъ, скажите имъ, какъ угощаютъ Дюпоны своихъ работниковъ. Правду, – одну лишь правду.

Въ теченіе дня, когда солнце сжигало землю, распаяя бѣлесоватыя покатоги Марчамалы, Луисъ спалъ подъ аркадами дома, съ бутылкой, стоявшей около него и снабжающей его прохладой, протягивая время отъ времени свою сигару Чиво, чтобы онъ зажегъ ее.

Луисъ находилъ еще новое, неиспытанное имъ удовольствіе, разыгрывая хозяина обширнаго имѣнія; ему искрен-

но казалось, что онъ выполняетъ великую соціальную функцію, созерцая изъ своего тѣнистаго убѣжища работу столькихъ людей, согнувшихъ и задыхающихся подъ огненнымъ дождемъ солнца.

Дѣвушки виднѣлись всюду на склонахъ холмовъ, съ своими цвѣтными юбками, словно стадо голубыхъ и розовыхъ овецъ. Мужчины, въ рубахахъ и штанахъ, двигались на четверенькахъ, точно бѣлые козлы. Они переправлялись отъ однихъ лозъ къ другимъ, ползая на животѣ по пылающей землѣ. Лозы разбрасывали красноватые и зеленые гроздья свои въ уровень съ почвой, и виноградныя ягоды покоились на извести, передавшей имъ до послѣдней минуты свою производительную теплоту.

Другія дѣвушки поднимали по холмамъ вверхъ большія корзины срѣзаннаго винограда, чтобы сложить его въ виноградныхъ давилняхъ, и проходили постоянной вереницей передъ сеньоритомъ, который, лежа въ растяжку на буковомъ диванѣ, покровительственно улыбался, размышляя о красотѣ труда и извращенности сволочи, претендующей перевернуть міръ, столь мудро организованный.

Иногда, наскучивъ молчаніемъ, онъ звалъ къ себѣ приказчика, ходившаго съ холма на холмъ, надзирающаго за работой.

Сеньоръ Ферминъ садился на корточкахъ передъ нимъ, и они говорили о забастовкѣ и о свѣдѣніяхъ, получаемыхъ изъ Хереса.

Приказчикъ не скрывалъ своего мрачнаго взгляда на ве-

щи. Упорство рабочихъ все усиливается.

– Голодь очень великъ, сеньорито – говорилъ онъ съ убѣжденіемъ сельскаго жителя, считающаго желудокъ побудителемъ ко всѣмъ дѣйствіямъ. А кто говоритъ голодь, подразумеваетъ безпорядки, палочные удары, стычки. Прольется кровь и въ тюрьмѣ готовится помѣщеніе для многихъ... Будеть чудо, если дѣло не кончится тѣмъ, что плотники возведутъ эшафотъ на площади de la Carcel.

Старикъ, казалось, чуюль катастрофу, но смотрѣль на приближеніе ея съ эгоистическимъ спокойствіемъ, такъ какъ двое людей, которымъ была отдана его любовь, находились вдали.

Сынъ его уѣхаль въ Малагу, по порученію своего принципала, въ качествѣ довѣреннаго лица, по дѣлу одного банкротства, и находился тамъ, занятый пересмотромъ счетовъ и спорами съ друтми кредиторами. Пусть бы онъ не возвращался годъ! Сеньоръ Ферминъ боялся, чтобы вернувшись въ Хересь, онъ не скомпрометироваль бы себя, покровительствуя забастовщикамъ, побужденный къ тому наставленіемъ своего учителя Сальватьерры, привлекавшимъ его на сторону уничиженныхъ и мятежниковъ. Что же касается дона-Фернандо, уже долгіе дни онъ выбыль изъ Хереса подъ охраной жандармеріи.

Когда началась забастовка, богатые дали ему косвенно знать, это ему необходимо какъ можно скорѣй удалиться изъ всей губерніи. Онъ одинъ отвѣтственъ за все то, что происхо-

дить. Его присутствіе возбуждаетъ рабочій народъ, дѣлая его столь же дерзкимъ и мятежнымъ, какъ во времена «Черной руки». Главные агитаторы рабочихъ союзовъ, относившіеся съ благоговѣніемъ къ революціонеру, просили его бѣжать, одпасаясь за его жизнь. Указанія власть имущихъ равнялись угрозѣ смерти. Рабочіе, привыкшіе въ репрессіямъ и насилию, дрожали за Сальватьерру. Быть можетъ его убьютъ гдѣ-нибудь ночью на улицѣ, такъ что правосудіе никогда не откроетъ убійцу. Могло случиться, что власть, пользуясь далекими загородными экскурсіями Сальватьерры, подвергнетъ его смертельнымъ пыткамъ, или упразднитъ палочными ударами, какъ это дѣлалось не разъ съ другими, болѣе незначительными людьми, чѣмъ онъ.

Но донъ-Фернандо отвѣчалъ на эти совѣты упорнымъ отказомъ. Онъ здѣсь по своему желанію и останется здѣсь... Наконецъ власти открыли одинъ изъ многихъ судебныхъ процессовъ, еще подлежащихъ разбирательству за его пропаганду соціальной революціи, судья вызвалъ его въ Мадридъ, и донъ-Фернандо былъ силой вынужденъ предпринять путешествіе въ сопровожденіи жандармовъ, словно ему на роду было написано путешествовать всегда между двумя ружьями.

Сеньоръ Ферминъ радовался такому рѣшенію вопроса. Пусть бы Сальватьерру держали подольше въ Мадридѣ! Пусть бы онъ вернулся не раньше, какъ черезъ годъ! Онъ зналъ дон-Фернандо, и былъ увѣренъ, что, еслибъ онъ

остался въ Хересѣ, не замедлил бы вскорѣ послѣдовать взрывъ возстанія голодныхъ, за которымъ вслѣдъ явилась бы жестокая репрессія, и для дона-Фернандо тюрьма быть можетъ на всю жизнь.

— Это кончится кровью, сеньорито, — продолжалъ приказчикъ.

— До сихъ поръ бастуютъ одни лишь виноградари, но подумайте о томъ, милость ваша, что теперь какъ разъ самый тяжелый мѣсяць для полевыхъ работниковъ. Вездѣ кончена молотьба, а пока еще начнется посѣвъ тысячи и тысячи поденщиковъ со скрещенными руками готовы плясать подъ какую угодно дудку. Сеньорито увидить, что они и тѣ и другіе — не замедлятъ соединиться и тогда пойдетъ исторія. На мызахъ начались уже пожары сѣноваловъ, а виновники ихъ такъ и остаются не раскрытыми.

Дюпонъ воспламенялся. Тѣмъ лучше: пусть они соединятся всѣ, пусть скорѣе встаютъ, чтобы проучить ихъ и принудить вернуться къ повиновенію и спокойствію. Онъ желаетъ мятежа и столкновенія еще сильнѣе, чѣмъ работники.

Приказчикъ, удивленный его словами, качалъ головой.

— Плохо, очень плохо, сеньорито. Миръ съ кровью — плохой миръ. Лучше сговориться по хорошему. Пусть вѣрять его милость старику, который самъ былъ очевидцемъ прононсіамента и революціи.

Въ другія утра, когда Луисъ Дюпонъ не чувствовалъ желанія бесѣдовать съ приказчикомъ, онъ шелъ въ домъ, отыс-

кивая Марію де-ла-Лусъ, работавшую въ кухнѣ.

Веселость дѣвушки, свѣжесть этой здоровой смуглянки вызывали въ Сеньорито нѣкоторое волненіе. Добровольное цѣломудріе, хранимое имъ въ уединеніи своемъ, значительно увеличивало въ его глазахъ прелести поселянки. Онъ всегда чувствовалъ нѣкоторое расположеніе къ дѣвушкѣ, встрѣчая въ ней хотя и скромныя, но пикантныя и здоровыя прелести, словно благоуханье полевыхъ травъ. Теперь же, въ его уединеніи, Марія де-ла-Лусъ казалась ему превосходящей Маркезиту и всѣхъ пѣвичекъ и веселящихся дѣвушекъ Хереса.

Но Луисъ сдерживалъ свои порывы и скрывалъ ихъ подъ личиной искренняго довѣрія, воспоминанія дѣтскаго братанія. Когда онъ позволялъ себѣ какую-нибудь дерзость, возмущавшую дѣвушку, тотчасъ же онъ прибѣгалъ къ воспоминанію дѣтскихъ лѣтъ. Вѣдь они все равно, что братъ и сестра? Вѣдь они росли вмѣстѣ?...

...Ей не слѣдуетъ видѣть въ немъ сеньорито, хозяина своего жениха. Онъ для нея то же, что и братъ ея Ферминъ: она должна смотрѣть на него, какъ на члена семьи.

Луисъ боялся скомпрометировать себя какой-нибудь дерзкой выходкой въ этомъ домѣ, принадлежавшемъ его строгому двоюродному брату. Что сказалъ бы Пабло, изъ уваженія къ отцу своему смотрѣвшій на приказчика и его семью, какъ на смиренное продолженіе собственной своей семьи? Къ тому же, знаменитый ночной кутежъ въ Матансу-

эль причинилъ ему немалый вредъ и онъ не желалъ скомпрометировать другимъ скандаломъ только что зарождающуюся свою славу серьезнаго человѣка. Это была причина его робости съ многими сборщицами винограда, которыя ему нравились, и онъ ограничивалъ свои удовольствія интеллектуальнымъ развратомъ, напаявая дѣвушекъ по ночамъ, чтобы видѣть ихъ веселыми, безъ предубѣжденій стыдливости, болтающими другъ съ другомъ, щиплющими и преслѣдующими другъ друга, точно онѣ были однѣ.

Съ Маріей де-ла-Лусъ онъ также велъ себя очень осгорожено. Онъ не могъ ее видѣть, не отдавая цѣлымъ потокомъ похвалъ за ея красоту и веселость. Но это не пугало дѣвушку, привыкшую къ шумному взрыву мѣстной галантности.

– Спасибо, Луисъ, – говорила она смѣясь. – Что за разлюбезный сеньорито! Если ты будешь продолжать такимъ образомъ, я влюблюсь въ тебя и мы кончимъ темъ, что убѣжимъ вмѣстѣ.

Иногда Дюпонъ, подъ вліяніемъ уединенія, подстрекающаго къ наибольшей смѣлости, а также аромата дѣвственнаго тѣла, которое, казалось, курилось жизнью въ часы дневнаго жара, – позволялъ себѣ увлечься своими инстинктами и коварно прикасался руками къ этому тѣлу.

Дѣвушка вскакивала, сдвинувъ брови и сурово сжавъ губы.

– Прочь руки, Луисъ, это что такое, сеньорито? Кушай пряники съ другой, а я угощу тебя пощечиной, которую

услышать даже въ Хересѣ.

Враждебнымъ своимъ жестомъ и угрожающей рукой она показывала твердое свое намѣреніе дать эту сказочную пощечину. Въ такія минуты онъ указывалъ, въ видѣ извиненія, на воспоминанія дѣтства.

– Но, глупышка ты, злюка этакая? Вѣдь я безъ всякаго дурного намѣренія; только чтобы пошутить, чтобы посмотреть на миленькую твою мордочку, когда ты сердишься!.. Ты знаешь, что я тебѣ братъ. Ферминъ и я – одно и то же.

Лицо дѣвушки, какъ будто, прояснилось, но враждебный жестъ ея не исчезалъ.

– Хорошо; только пусть братъ держитъ руки тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Языкомъ болтай что хочешь, но если ты выпустишь когти, дитя, доставай себѣ другую фізіономію, потому что эту я расшибу однимъ ударомъ.

– Оле, веселыя вояки! – восклицалъ сеньорито. – Такой нравится мнѣ моя дѣвочка! Отважной, смѣлой и сердитой!..

Когда Рафаэль пріѣзжалъ въ Марчамало, Сеньорито не отказывался отъ непрерывнаго восхваленія Маріи де-ла-Лусъ.

Надсмотрщикъ принималъ съ наивнымъ удовлетвореніемъ всѣ похвалы невѣстѣ, расточаемыя ей его хозяиномъ. Въ концѣ-концовъ, онъ былъ словно родной ея братъ, и Рафаэль гордился этимъ родствомъ.

– Разбойнкъ, – говорилъ ему сеньорито съ комическимъ негодованіемъ въ присутствіи дѣвушки. – Ты заберешь себѣ лучшее во всей странѣ, жемчужну Хереса и его окрестно-

стей. Посмотри на вионградникъ Марчамало, стоящій сотни миллионовъ?... Но онъ ничто; лучшее здѣсь – эта вотъ дѣвушка, это сокровище прелестей. И оно принадлежитъ тебѣ, воръ... безстыдникъ.

И Раіфаэль смѣялся во все горло, такъ же какъ и сеньоръ Ферминъ. До чего остроумень и миль донъ-Луись! Сеньорито, придерживаясь тона комической серьезности, набрасывался на своего надсмотрщика:

– Смѣйся, разбойникъ.... Посмотрите, какъ онъ доволенъ завистью къ нему всѣхъ остальныхъ. Въ одинъ прекрасный день я убиваю тебя, увожу Марію де-ла-Лусъ и сажаю ее на тронъ въ Хересѣ, посреди площади Нуэва, а у ногъ ея соберу всѣхъ цыганъ Андалузій, чтобы они играли и танцевали и, соперничая другъ передъ другомъ, вослѣвали бы королеву красоты и изящества... Это сдѣлаю я, Луись Дюпонъ, хотя бы двоюродный мой братъ и отлучилъ меня за это отъ церкви.

И онъ продолжалъ въ томъ же тонѣ нанизывать цѣлый рядъ гиперболическихъ и безсвязныхъ похвалъ среди смѣха Маріи де-ла-Лусъ и ея отца и жениха, признательныхъ за милое обхожденіе сеньорито.

Когда кончился сборъ винограда, Луись почувствовалъ гордость какъ послѣ совершенія великаго подвига.

Они справились со сборомъ винограда съ помощью лишь женщинъ, а между тѣмъ храбрецы забастовщики не осмѣлились даже и показаться, ограничиваясь лишь потоками

угрозъ. Это произошло несомнѣнно потому, что онъ находился на виноградникѣ, оберегая его, и оказалось достаточнымъ для нихъ узнать, что донь-Луись защищаетъ Марчамало съ своими друзьями, чтобы никто не приблизился съ намѣреніемъ помѣшать работѣ.

— Что вы скажете на это, сеньоръ Ферминъ, — говордль онъ стремительно. — Они хорошо сдѣлали, что не явились, потому что ихъ встрѣтили бы выстрѣлами. Какъ вознаграждать меня мой двоюродный братъ за то, что я дѣлаю для него? Какое тамъ вознагражденіе. Онъ часто говорить, будто я ни на что не годенъ... Но сегодняшній день. надо отпраздновать. Я тотчасъ же поѣду въ Хересь, и привезу самое лучшее вино изъ бodeги. И если Пабло взбѣситя, когда вернется, пусть себѣ бѣситя. Что-нибудь же долженъ онъ мнѣ дать за мои заслуги. И сегодня ночью у насъ кутежъ... самый большой кутежъ за все время: пока не взойдетъ солнце. Мнѣ хочется, чтобы эти дѣвушки, вернувшись къ себѣ въ горы, остались бы довольны и помнили бы сеньорито... Привезу также музыкантовъ, чтобы дать вамъ отдыхъ, и пѣвицъ, чтобы Марикита не одна бы пѣла и уставала бы.

...Какъ, вамъ не желательны женщины такого рода въ Марчамало?... Вѣдь мой двоюродный братъ не узнаеть!.. Ну, хорошо, не привезу ихъ. Вы, сеньоръ Ферминъ, устарѣли; но чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе, я отказываюсь отъ пѣвицъ. Впрочемъ, хорошенько разсудивъ дѣйствительно, нѣтъ нужды еще привозить женщинъ туда, гдѣ и такъ ихъ столько, что

кажется цѣлое женское учлище. Но музыки и вина у насъ будетъ поверхъ головы! И пляска деревенская, и всякія танцы – полька, вальсъ... Вы увидите, что за пиръ на весь міръ будетъ у насъ сегодня ночью, сеньоръ Ферминъ.

И Дюпонъ уѣхалъ въ городъ въ своемъ экипажѣ, оглашавшемъ дорогу громкимъ звономъ бубенчиковъ. Вернулся онъ уже съ наступленіемъ ночи, лѣтней, теплой и такой тихой, что ни малѣйшее дуновеніе вѣтерка не колебало воздушныя струи.

Земля испускала изъ себя горячія испаренія; синева неба отливала бѣлесоватымъ оттѣнкомъ, звѣзды казались окутанными густымъ туманомъ. Въ ночномъ безмолвіи слышался трескъ виноградныхъ лозъ, кора которыхъ разсѣдала, расколота жарой. Кузнечики неистово трещали въ бороздахъ, сжигаемые землей, лягушки квакали вдали, видно имъ мѣшала спать слишкомъ теплая влага ихъ лужи.

Спутники Дюпона, снявъ сюртуки, въ однихъ жилетахъ, разставляли подъ аркадами безчисленныя бутылки, привезенныя изъ Хереса.

Женщины, одѣтыя легко, въ однѣхъ лишь ситцевыхъ юбкахъ, выставляя голыя руки изъ-подъ платка, скрещеннаго на груди, занялись корзинами съ провизіей и восхищались ихъ содержимымъ, осыпая похвалами щедраго сеньорито. Приказчикъ хвалилъ качество закусокъ и оливокъ, служащихъ для возбужденія жажды.

– Вотъ такъ кутежъ готовитъ намъ сеньорито, – говорилъ

онь, смѣясь какъ патріархъ.

Во время обильнаго ужина на эспланадѣ, то, что всего больше привлекло восхищеніе людей, было вино. Женщины и мужчины ѣли стоя, и взявъ въ руки стаканы съ виномъ, они подходили къ столику, за которымъ сидѣлъ сеньорито съ приказчикомъ и его дочерью, и на которомъ стояли двѣ свѣчи. Ихъ красноватое пламя, поднимавшее копотные языки въ ночной тишинѣ безъ малѣйшаго дрожанія, освѣщало золотистую прозрачность вина. Но что это такое?... И всѣ принимались опять смаковать вино, налюбовавшись прекраснымъ его цвѣтомъ, и открывали широко глаза съ смѣшнымъ изумленіемъ, отыскивая слова, точно они не могли найти достаточно сильныхъ выраженій для того благоговѣнія, которое имъ внушала чудесная жидкость.

– Это какъ есть настоящія слезинки Іисуса, – говорили нѣкоторые, набожно прищелкивая языкомъ.

– Нѣтъ, – возражали другіе, – это самое что ни на есть молоко Пресвятой Матери Божьей.

И сеньорито смѣялся, наслаждаясь ихъ изумленіемъ. Это было вино изъ бodega «братевъ Дюпонъ», старое и страшно дорогое, которое пили только лишь милорды тамъ, въ Лондонѣ. Каждая капля стоила песету. Донъ-Пабло хранить это вино, какъ хранятъ сокровище, и было весьма вѣроятно, что онъ вознегодуетъ, узнавъ объ опустошеніи, совершенномъ его легкомысленнымъ родственникомъ.

Но Луисъ не раскаивался въ своемъ великодушіи. Ему

доставляло удовольствіе виномъ богатыхъ довести до потери разума толпу бѣдняковъ. Это было удовольствіе римскаго патриція, который напавалъ допьяна своихъ кліентовъ и рабовъ питьемъ императоровъ.

– Пейте, дѣти мои, – говорилъ онъ отеческимъ тономъ. – Пользуйтесь, такъ какъ вамъ никогда больше въ жизни не видать такого вина. Многіе сеньоритосы изъ «Circulo» позавидовали бы вамъ. Знаете ли цѣнность всѣхъ этихъ бутылокъ? Это цѣлый капиталъ: вино это дороже шампанскаго и за каждую буылку прдходится платить не помню сколько дуросовъ.

И бѣдные люди набрасывались на вино, и пили, жадно пили, словно въ ротъ къ нимъ вливалось счастье.

На столикъ сеньорито подавались бутылки послѣ долгаго пребыванія ихъ въ оосудахъ со льдомъ. Вино оставляло пріятное ощущеніе прохлады.

– Мы опьянѣемъ, – говорилъ поучительнымъ тономъ приказчикъ. – Вино это пьемъ, не чувствуя его. Это прохлада для рта и огонь въ желудкѣ.

Но онъ продолжалъ наливать имъ свой стаканъ чуть ли не послѣ cadaго съѣденнаго имъ куска, смакуя холодный нектаръ и завидуя богатымъ, которые могутъ ежедневно доставлять себѣ это удовольствіе боговъ.

Марія де-ла-Лусъ пила столько же, какъ и отецъ ея. Какъ только ея стаканъ оказывался пустымъ, сеньорито спѣшилъ наполнить его снова:

– Перестань подливать мнѣ, Луись, – молила она. – Ты увидишь, что я опьянѣю. Это вино предательское.

– Глупая, оно вѣдь точно вода! И если ты бы даже опьянѣла, вѣдь это же пройдет!..

Когда кончили ужинать, послышался звонъ гитаръ, и рабочій людъ образовалъ кружокъ, усѣлись на полъ передъ стульями, занятыми музыкантами и сеньорито съ его свитой. Всѣ были пьяны, но продолжали пить. Зрѣлище было непривлекательное. Потъ выступилъ у нихъ на кожѣ; грудь ихъ расширялась, точно имъ не хватало воздуха. Вина, еще вина! Противъ жары нѣтъ лучшаго средства: это настоящее андалузское прохладеніе.

Одни хлопали въ ладоши, другіе ударяли бутылкой о бутылку, какъ бы палочками, аплодируя знаменитой «севичильянѣ», отплясываемой Маріей де-ла-Лусъ и сеньорито. Дѣвушка танцевала, стоя среди кружка противъ Луиса, съ раскраснѣвшимися щеками и необычайнымъ блескомъ глазъ.

Никгда еще она не танцевала съ такимъ увлеченіемъ и такой граціей. Голыя ея руки, жемчужной бѣлизны, поднимались надъ головой ея словно перламутровыя арки роскошной округлости. Ситцевая юбка, среди фру-фру, обрисовывавшаго дивныя очертанія ея бедеръ, давала возможность видѣть изъ-подъ ея подола маленькія ножки, превосходно обутыя, точно ножки сеньориты.

– Ахъ! Не могу больше! – сказала она вскорѣ, задыхаясь

отъ танца.

И она упала, тяжело дыша, на стуль, чувствуя, что кругомъ нея начинается вертѣться эспланада, и всѣ присутствующіе, и даже большая башня Марчамало.

– Это жара, – сказали серьезно ея отецъ.

– Прохладись немного и все пройдетъ, – добавилъ Лирсъ.

И онъ предложилъ ей стаканъ золотистой жидкости, такой холодной, что стекло вспотѣло. Марія пила тревожно, съ неистовой жаждой, и желаніемъ возобновить ощущение прохлады во рту, такъ сильно пылавшемъ, точно у нея въ желудкѣ былъ огонь. Время отъ времени она протестовала.

– Я непременно опьянѣю, Луисъ. И даже думаю, что и теперь я пьяна.

– Такъ чтожъ, – восклицалъ сеньорито. – И я тоже пьянъ, и твой отецъ, и всѣ мы. На то вѣдь и праздникъ! Еще стаканъ. Оле, дѣвочка моя, храбрѣй. Кутить такъ кутить!

Среди круга плясали съ деревенской тяжеловѣсностью нѣсколько дѣвушекъ, въ парѣ съ виноградарями, не менѣе мужиковатыми.

– Это ничего не стоитъ, – крикнулъ сеньорито. – Прочь, прочь! Идите-ка сюда, маэстро Орель – продолжалъ онъ, обращаясь къ гитаристу. – Салонный танецъ для всѣхъ. Польку, вальсъ, что-нибудь такое. Мы будемъ танцевать, держа другъ друга за талію, какъ сеньоры.

Дѣвушки, отуманенныя виномъ, схватили другъ друга, или упали въ объятія молодыхъ виноградарей. Всѣ приня-

лись кружиться подъ звуки гитары. Приказчикъ ъ и спутники дона-Луиса аккомпанировали гитарѣ, ударяя пустой бутылкой о бутылку, или же палкой о полъ, смѣясь какъ дѣти надъ этимъ своимъ музыкальнымъ искусствомъ.

Марію де-ла-Лусъ увлекъ сеньорито, схвативъ ее за руку, и въ то же время обнявъ за таллію. Дѣвушка сопротивлялась, не желая танцовать, кружиться, когда голова ея какъ будто качается и все кругомъ нея вертится. Но, наконецъ, она перестала сопротивляться, и пошла съ своимъ танцоромъ.

Луисъ потѣлъ, утомленный неподвижностью дѣвушки. Вотъ такъ тяжесть! Прижимая въ себѣ это безсильное тѣло, онъ чувствовалъ на груди прикосновеніе упругихъ выпуклостей. Марія положила голову свою ему на плечо, точно не желая ничего видѣть, изнуренная теплотой. Только разъ подняла она ее, чтобы взглянуть на Луиса, и въ ея глазахъ сверкнула слабая искра сопротивленія и протеста.

– Оставь меня, Рафаэль, это не хорошо.

Дюпонъ, разсмѣялся.

– Какой тамъ Рафаэль!.. Ахъ какъ мило, и въ какомъ состояніи дѣвочка! Вѣдь мое имя Луисъ!..

Дѣвушка снова уронила ему голову на плечо, точно не понимая словъ сеньорито.

Все болѣе и болѣе чувствовала она себя уничтоженаой виномъ и движеніемъ. Съ закрытыми глазами и мыслями, кружащимися, какъ бѣшеное колесо, ей казалось, что она виситъ надъ темной бездной, въ пустомъ пространствѣ, безъ

иной опоры, какъ только этихъ мужскихъ рукъ. Если онѣ отпустить ее, она станетъ падать, падать, не достигая дна и инстинктивно цѣплялась она за свою поддержку.

Луисья былъ не менѣе взволнованъ, чѣмъ его танцовщица. Онъ тяжело дышалъ отъ тяжести дѣвушки и трепеталъ съ свѣжаго и сладкаго прикосновенія ея тѣла, съ ароматомъ здоровой красоты, который, казалось, поднимался сладострастнымъ потокомъ изъ вырѣзки на ея груди. Отъ дыханія ея у него поднималась кожа, на шеѣ и проходилъ трепеть по всему его тѣлу... Когда побѣжденный усталостью онъ усадилъ Марію, дѣвушка упала на стулъ, шатаясь, блѣдная, съ закрытыми глазами. Она вздыхала, поднимая руку ко лбу, точно онъ болѣлъ у нея.

Между тѣмъ парочки среди круга танцовали, съ бѣшеными возгласами, стучаясь, намѣренно сталкиваясь, и съ такой силой, что чуть не опрокидывали на полъ зрителей, заставляя ихъ удаляться со своими стульями.

Двое парней принялись ругать другъ друга, схвативъ за руку одну и ту же дѣвушку. Въ пьяныхъ ихъ глазахъ сверкнулъ огонь убійства, и они кончили тѣмъ, что бросились въ виноградныя давяльни, чтобы взять оттуда рѣзакі, короткіе и тяжелые кривые ножи, убивавшіе однимъ взмахомъ.

Сеньорито переступилъ имъ дорогу. Какъ можно убивать другъ друга изъ-за того, чтобы танцевать съ какой-то одной дѣвушкой, когда ихъ столько здѣсь ожидающихъ танцоровъ? Пусть замолчатъ и развлекаются. И онъ заставилъ ихъ дать

другъ другу руку и пить вмѣстѣ изъ одного стакана.

Музыка умолкла. Всѣ смотрѣли тревожно въ ту сторону эспланады, гдѣ были двое поссорившихся.

— Праздникъ пусть продолжается, — приказаль Дюпонъ словно добродушный тиранъ. — Ничего не случилось здѣсь.

Музыка заиграла снова, парочки пустились опять плясать, и сеньорито вернулся въ кругъ. Стулъ Марикиты оказался пустымъ. Луись оглянулся кругомъ, но не увидѣлъ дѣвушки нигдѣ на площадкѣ.

Сеньоръ Ферминъ стоялъ, углубленный въ раздумье, созерцая руки Пакорра Орла, съ восхищеніемъ гитариста. НиктЛо не видѣлъ, какъ удалилась Марія де-ла-Лусъ.

Дюпонъ вошелъ въ домъ виноградныхъ давилень, идя на цыпочкахъ, открывая двери съ кошачьями ухватками, самъ не зная почему.

Онъ обыскалъ комнату приказчиака. Ему предстало, что дверь въ комнату Марикиты будетъ заперта; но при первомъ же толчкѣ она пшроко распахнулась. Кровать дѣвушки оказалась пуста и вся комната въ порядкѣ, словно никто не входилъ сюда. Также пусто было и въ кухнѣ. Тихонько прошелъ онъ въ большую комнату, служившую спальней для работниковъ. Ни одной души! Затѣмъ онъ просунулъ голову въ отдѣленіе виноградныхъ давилень. Разсѣянный свѣтъ неба, проникавшій черезъ окна, бросалъ на полъ слегка прозрачныя пятна. Въ этомъ безмолвіи Дюпону слышался точно звукъ дыханія и слабое движеніе кого-то, лежащаго на полу.

Онъ пошелъ впередъ. Ноги его наткнулись на толстую дерию, а на ней лежало какое-то тѣло. Вставъ на колѣни, чтобы лучше видѣть, онъ скорѣе ощупью, чѣмъ глазами угадалъ Марію де-ла-Лусъ, приютившуюся здѣсь. Безъ сомнѣнія ей было непріятно уйти въ себѣ въ комнату въ такомъ позорномъ видѣ.

Отъ прикосновенія рувъ Луиса, казалось, проснулась эта плоть, поверженная въ усыпленіе пьянства. Прелестное тѣло повернулось, глаза заблестѣли, одно мгновеніе усиливаясь остаться открытыми и горячія уста прошептали что-то сеньорито. Ему послышалось:

– Рафаэ... Рафаэ...

Больше она ничего не сказала.

Обнаженные руки скрестились на шеѣ Луиса.

Марія де-ла-Лусъ падала и падала въ черную яму безсознанія, и падая цѣплялась съ отчаяніемъ за эту поддержку, сосредоточивая на ней всю свою волю, оставивъ свое тѣло въ безчувственномъ небреженіи.

VIII

Въ началѣ января забастовка работниковъ распространилась по всѣмъ окрестностямъ Хереса. Полевые поденщики на мызахъ присоединились къ виноградарямъ. Владѣльцы иммѣній, въ виду того, что въ зимніе мѣсяцы земледѣльческія работы не очень значительны, терпѣливо переносили этотъ конфликтъ.

– Они сдадутся, – говорили хозяева. – Зима жестокая и голодь силенъ.

На виноградникахъ уборка лозъ производилась приказчиками вмѣстѣ съ болѣе преданными хозяину поденщиками, на которыхъ и обрушивалось негодованіе забастовщиковъ, называвшихъ ихъ предателями и угрожавшимъ имъ местию.

Люди богатые, несмотря на свое высокомѣріе, проявляли нѣкоторый страхъ, какъ и всегда. Мадридскія газеты заговорили по ихъ желанію о забастовкѣ въ Хересѣ, разрисовывая ее самыми черными красками, раздувая все дѣло и придавая ему значеніе національнаго бѣдствія.

Власть имущіе укорялись за ихъ беззаботность, но съ такими указаніями на неотложность, точно каждый богатый былъ осажденъ въ своемъ домѣ, защищаясь ружейными выстрѣлами противъ жестокой и голодной толпы. Правительство, чтобы положить конецъ жалобамъ этихъ нищенствующихъ у власти, послало, по обыкновенію, вооруженную си-

ду, и въ Хересь прибыли новые отряды жандармеріи, двѣ роты пѣхоты и конный эскадронъ, соединившійся со стражей у склада сѣмянъ.

Благопристойные люди, какъ ихъ называлъ Луисъ Дюпонъ, улыбались съ блаженствомъ при видѣ столькихъ красныхъ панталонъ на улицахъ. Въ ушахъ ихъ раздавалось словно самая лучшая музыка – бряцанье сабель по мостовой, и войдя въ свои казино, душа ихъ радовалась при видѣ сидящихъ вокругъ столовъ офицеровъ въ ихъ военныхъ мундирахъ.

Тѣ, которые нѣсколько недѣль передъ тѣмъ оглушали правительство своими жалобами, точно имъ предстояла участь быть обезглавленными этими сборищами работниковъ, остававшихся у себя въ селахъ со скрещенными руками, не осмѣливаясь вступить въ Хересь, – теперь выказывались надменными и хвастливыми до жесткости. Они смѣялись надъ хмурыми лицами забастовщиковъ, надъ ихъ глазами, въ которыхъ можно было прочесть голодь и отчаявіе.

Сверхъ того, власти сочлды, что насталь моментъ дѣйствовать устрашеніемъ, жандармерія арестовывала тѣхъ, кто стоялъ во главѣ рабочихъ союзовъ. Ежедневно отводилось нѣкоторое ихъ число въ тюрьму.

– Уже болѣе сорока человекъ взяты, – говорили люди свѣдущіе на званныхъ вечерахъ. – Когда накопится ихъ сто или двѣсти, все успокоится какъ по мановенью волшебства.

Въ полночь сеньоры, выходя изъ казино, встрѣчали жен-

прнь, закутанныхъ въ потертыхъ накидкахъ или съ юбками накинутыми на головы, и эти женщины просили милостыню.

— Сеньоръ, намъ нечоро ѣсть... Сеньоръ, мы умираемъ отъ голода... У меня трое малютокъ, и мужъ, который тоже изъ бастующихъ, не приноситъ имъ хлѣба въ домъ.

Сеньоры только смѣялись, ускоряя шагъ. Пусть имъ дасть хлѣба Сальватьерра и другіе ихъ проповѣдники. И они смотрѣли съ почти влюбленнымъ чувствомъ на солдатъ, проходившихъ по улицамъ.

— Будьте вы прокляты, сеньоритосы! — ревели несчастныя женщины, доведенные до отчаянія. — Дай-то Богъ, чтобы когда-нибудь власть перешла бы къ намъ, бѣднымъ.

Ферминъ Монтенегро смотрѣлъ съ грустью на ходъ глухой этой борьбы, которая не могла кончиться иначе, какъ чѣмъ-нибудь ужаснымъ, но онъ смотрѣлъ издалека, такъ какъ уже не было въ Хересѣ его учителя Сальватьерры. Молчалъ онъ также и въ конторѣ, когда здѣсь, въ его присутствіи, друзья дона Пабло выражали свои жестокія желанія репрессіи, имѣющей устранить работниковъ.

Съ тѣхъ поръ, тѣхъ онъ вернулся изъ Малаги, его отецъ всякій разъ, что видѣлся съ нимъ, совѣтовалъ ему быть осторожнымъ. Онъ долженъ молчать. Въ концѣ-коцовъ, они ѣдятъ хлѣбъ Дюпоновъ, и было бы неблагогородно съ ихъ стороны присоединиться къ этимъ отчаявшимся, хотя жалобы ихъ и вполне справедливы. Къ тому же, для сеньора Фермина, всѣ человѣческія стремленія вмѣщались въ донъ-Фер-

нандо Сальватьерра., а онъ отсутствовалъ. Его держали въ Мадридѣ подь бдительнымъ надзоромъ, чтобы не дать ему вернуться въ Андалузію.

Ферминъ подчинялся желаніямъ отца, храня осторожность. Онъ выслушивалъ молча насмѣшки конторскихъ служащихъ, которые, зная о его дружбѣ съ Сальватьеррой, чтобы польстить хозяину, смѣялись надъ забастовщиками.

Но вскорѣ Монте-Негро пересталъ думать о забастовкѣ, такъ какъ у него появились свои собственныя тяжелыя заботы.

Однажды, выйдя изъ конторы, чтобы идти обѣдать въ гостиницу, гдѣ онъ жилъ, онъ встрѣтилъ надсмотрщика Матансуэлы.

Рафаэль, казалось, поджидалъ его, стоя на углу площадки, противъ бодегъ Дюпона. Ферминъ не видѣлъ его уже давно. Онъ нашелъ его очень измѣнившимся: лицо похудѣло, глаза провалились и подь ними появились черные круги. Одежда на немъ была грязная и запыленная, и вообще онъ былъ одѣтъ съ большой небрежностью, точно онъ забылъ о прежнемъ желаніи своемъ считаться однимъ изъ наиболее элегантныхъ и нарядныхъ деревенскихъ всадниковъ.

– Ты нездоровъ, Рафаэль? Что съ тобой? – воскликнулъ Монтенегро.

– Горе, – сказалъ односложно надсмотрщикъ.

– Прошлое воскресенье я не видѣлъ тебя въ Марчамалѣ, и въ предпрошлое тоже. Не поссорился ли ты уже съ моей

сестрой?

– Мнѣ надо поговорить съ тобой, но очень-очень продолжительно, – сказала Рафаэль.

На площади этого нельзя сдѣлать, въ гостинице тоже, потому что то, что надсмотрщикъ имѣеть сообщить, должно оставался въ тайнѣ.

– Хорошо, – согласился Ферминъ, угадывая, что дѣло идетъ о любовномъ горѣ. – Но такъ какъ я долженъ обѣдать, пойдемъ въ гостиницу Монтаньесъ, и тамъ ты можешь излить мнѣ эти эти маленькія горести, мучащія тебя, пока я буду ѣсть.

Въ гостиницѣ Монтадьесъ, проходя мимо самой большой изъ комнатъ, они слышали звонъ гитары, хлопанье въ ладоши и крики женщинъ.

– Это сеньорито Дюпонъ, – сказалъ имъ лакей, – пируетъ здѣсь съ друзьями и красавицей, привезенной имъ изъ Севильи. "Теперь у нихъ начался кутежъ и продлится онъ до утра.

Двое друзей выбрали себѣ какъ можно больше комнату, чтобы шумъ пиршества не помѣшалъ ихъ разговору.

Монтенегро заказалъ себѣ обѣдъ, и челоуѣкъ накрылъ на столъ въ этой маленькой комнаткѣ. Вскорѣ затѣмъ онъ вернуіся, неся большой подносъ, уставленный бутылками. Это была любезность, оказанная имъ дономъ-Луиоомъ.

– Сеньорито, – сказалъ челоуѣкъ, – узнавъ, что вы здѣсь, посылаетъ вамъ все это. Вы можете выбирать, что вамъ понравится, за все заплачено.

Ферминъ поручилъ ему передать дону-Луису, что онъ зайдетъ къ нему, лишь только кончить обѣдать, и заперевъ на ключъ дверь комнаты, они остались наединѣ съ Рафаэлемъ.

– Слушай, другъ, – сказалъ Фермицъ, указывая на блюда, – возьми себѣ что-нибудь.

– Не хочу ѣсть, – отвѣтилъ Рафаэль.

– Не хочешь ѣсть? Ты, какъ всѣ влюбленные, живешь, что ли воздухомъ? Но ты выпьешь?

Рафаэль, не говоря ни слова, сталъ неистово пить вино стаканъ за стаканомъ.

– Ферминъ, – сказалъ онъ немного спустя, глядя на друга краснѣвшими глазами. – Я сошелъ съ ума... окончательно сошелъ съ ума.

– Я это вижу, – отвѣтилъ Монтенегро флегматично не переставая ѣсть.

– Ферминъ, – точно какой-то демонъ нашептываетъ мнѣ въ уши самыя ужасныя вещи. Еслибъ твой отецъ не былъ бы моимъ крестнымъ и еслибъ ты не былъ бы ты, давно уже я убилъ бы твою сестру, Марію де-ла-Лусъ. Клянусь тебѣ этимъ вотъ лучшимъ моимъ спутникомъ, единственнымъ наслѣдствомъ моего отца.

И вынувъ шумно изъ его ноженъ старинный нѣсколько заржавленный ножъ, онъ поцѣловалъ его блестящее лезвіе.

– Ты говоришь что-то не то, – заявилъ Монтенегро, устремивъ пристальный взглядъ на друга.

Онъ уронилъ вилку и темное облачко омрачило ему лобъ. Но тотчасъ же затѣмъ лицо его прояснилось.

— Ба, — добавилъ онъ, — ты дѣйствительно сошелъ съ ума, и больше чѣмъ слѣдуетъ.

Рафаэль заплакалъ, слезы текли у него до щекамъ, падая въ вино.

— Это правда, Ферминъ, я сошелъ съ ума. Угрожаю, а самъ готовъ расплакаться — чисто баба. Посмотри каковъ я, — подпасокъ, и тотъ бы справился со мною... Чтобы я убилъ Марикиту? Хорошо было бы, еслибъ у меня хватило жестокости на это. Потомъ ты бы убилъ меня, и всѣ мы отдохнули бы.

— Но, говори же! — воскликнулъ Ферминъ съ нетерпѣніемъ. — Что это все означаетъ? Рассказывай и брось плакать, а то ты напоминаешь ханжу въ процессіи выноса плащаницы. Что у тебя такое съ Марикитой?

— Она не любитъ меня! — крикнулъ надсмотрщикъ съ тономъ отчаянія. — Она меня не хочетъ знать. Мы съ ней порвали и больше не видимся.

Модтенегро улыбаялся.

— И это все? Ссора влюбленныхъ, капризъ молодой дѣвушки... Это пройдетъ. Онъ это знаетъ понаслышкѣ.

Ферминъ говорилъ съ скептицизмомъ практическаго юноши, на англійскій манеръ, по его выраженію, такъ какъ онъ былъ врагомъ идеалистической любви, длившейся годами и бывшей одной изъ мѣстныхъ традицій. Для себя онъ не

признаеть ничего такого и ограничивается тѣмъ, что просто беретъ, что можетъ, время отъ времени, для удовлетворенія своихъ желаній.

— Это бываетъ пользительно, — продолжалъ онъ, — но утонченныхъ отношеній, со вздохами, терзаніями, и ревностью! Этого мнѣ не требуется. Время нужно мнѣ для другихъ вещей.

И Ферминъ старался насмѣшливымъ тономъ своимъ утѣшить друга. Плохая полоса эта пройдетъ. Все лишь капризы женщинъ, дѣлающихъ видъ, что онѣ негодуютъ и сердятся, чтобы ихъ больше полюбили. Когда онъ менѣ всего будтъ ждать этого, онъ увидить, что Марія де-ла-Лусъ вернется къ нему, говоря: все было лишь шуткой, для испытанія его чувства, и она сильнѣе прежняго любить его.

Но юноша отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, она не любить меня. Все кончено, и я умру.

Онъ разсказалъ Монтенегро, какъ порвались ихъ отношенія. Однажды ночью она позвала его, чтобы поговорить съ нимъ у рѣшетчатаго оана, с сообщила ему, такимъ голосомъ и съ такимъ выраженіемъ, отъ воспоминанія которыхъ еще теперь бросало въ дрожь бѣднаго юношу, что между ними все кончено. Иеусе Христе, вотъ такъ извѣстіе, чтобъ получить его сразу, не будучи подготовленнымъ къ нему.

Рафаэль ухватился за рѣшетку, чтобы не упасть. Затѣмъ онъ прибѣгъ во всему: къ мольбамъ, угрозамъ, слезамъ; но она оставалась непреклонной, и съ улыбкой, отъ которой

бросало въ холодъ, отказывалась продолжать съ нимъ прежнія ихъ отношенія. Ахъ, женщины!..

– Да, сынъ мой, – сказала Ферминь, – легкомысленная породаі... Хотя рѣчь идетъ о моей сестрѣ, не дѣлаю, исключенія для нея.

– Но какую же причину привела тебѣ Марикита?...

– Что она уже не любитъ меня, что сразу погасла прежняя ея любовь, что у нея не осталось ни крошки привязанности и она не желаетъ лгать, притворяясь влюбленной. Какъ будто любовь можеъ погаснуть сразу, какъ гаснетъ огонь свѣчи!

Рафаэль вспомнилъ финалъ послѣдняго своего разговора съ ней. Утомившись умолять и плакать, держаться за рѣшетку и стоять на колѣняхъ, какъ ребенокъ, отчаяніе заставило его разразиться угрозами. Пусть проститъ ему Ферминь, но въ ту минуту онъ чувствовалъ себя способнымъ совершить преступленіе. Дѣвушка, утомившись слушать его мольбы, испуганная его проклятьями, кончила тѣмъ, что разомъ захлопнула окно. И такъ обстоитъ дѣло до сихъ поръ.

Два раза побывалъ онъ въ Марчамало днемъ подъ предлогомъ повидать сеньора фермера, но Марія де-ла-Лусъ пряталась, едва слышала галопъ его лошади на большой дорогѣ.

Монтенегро слушалъ его задумчиво.

– Нѣтъ ли у нея другого жениха? – сказалъ онъ. – Можетъ быть она влюбилась въ кого-нибудь?

– Нѣтъ, нѣтъ, – поспѣшилъ возразить Рафаэль, словно эта увѣренность служила ему утѣшеніемъ. – То же самое поду-

маль и я въ первую минуту и уже видѣлъ себя сидящимъ въ тюрьмѣ въ Хересѣ и вызваннымъ въ судъ. Всякаго, кто бы отнял у меня мою Марикиту де-ла-Лусъ – я убью. Но, ахъ, никто не отнимаетъ ее у меня, она сама отошла... Я проводилъ дни, издали наблюдая за башней Марчамало. Сколько стакановъ вина выпилъ я въ постояломъ дворикѣ на большой дорогѣ и это вино обратилось въ ядъ, когда я видѣлъ кого-нибудь поднимающагося или спускающагося съ холма виноградника... Я проводилъ ночи, лежа между виноградными лозами съ ружьемъ наготовѣ, рѣшивъ всадить нѣсколько пуль въ животъ первому, кто подошелъ бы къ рѣшетчатому окну Марикиты... Но я никого не видѣлъ, кромѣ дворнягъ. И за все это время я забросилъ свои обязанности на мызѣ въ Матансуелѣ, хотя, что мнѣ тамъ дѣлать при забастовкѣ. Меня никогда тамъ нѣтъ; обо всемъ заботится бѣдный Сарандилья. Еслибъ хозяинъ узналъ бы объ этомъ, онъ тотчасъ же отказалъ бы мнѣ. Глаза и уши у меня только лишь на то, чтобы слѣдить за твоей сестрой, и я знаю, что и жен ха у нея нѣтъ, и никого она не любитъ. Мнѣ все еще мерещится, будто она неравнодушна ко мнѣ, видишь какой я безумецъ!.. Но проклятая избѣгаетъ видѣться со мной и говорить, что не любить меня.

– Но можетъ ты въ чемъ-нибудь провинился передъ нею, Рафаэль? Можетъ быть она разсердилась на тебя за какой-нибудь твой легкомысленный поступокъ?

– Нѣтъ, этого тоже нѣтъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я полюбилъ

твою сестру, я не смотрю ни на одну дѣвушку. Всѣ кажутся мнѣ некрасивыми, и Марикилья это знаетъ. Въ послѣднюю ночь, когда я говорилъ съ ней и умолялъ ее простить меня, самъ не зная за что, я спрашивалъ ее, не оскорбилъ ли я ее чѣмъ-нибудь, бѣдняжка плакала словно кающаяся Магдалина. Ей хорошо извѣстно, что я ни въ чемъ не виноватъ передъ ней. Сама она говорила: «Бѣдный Рафаэль! Ты хорошій! Забудь меня, со мной ты былъ бы несчастливъ». И она захлопнула окно передо мной.

Юноша стоналъ, говоря это, въ то время, какъ его другъ задумался.

– Ничего не понимаю. Марикилья порываетъ съ тобой и не имѣетъ другого жениха. Она чувствуетъ къ тебѣ состраданіе, говоритъ, что ты добрый... Разгадай, кто можетъ, эти гіерогліфы!

Послѣ долгаго молчанія надсмотрщикъ вдругъ сказалъ.

– Ферминъ, одинъ ты можешь устроить все дѣло.

Для этого-то онъ и ждалъ его у выхода изъ конторы. Ему извѣстно, какое онъ имѣетъ большое вліяніе на сестру. Марія де-ла-Лусъ уважала его сильнѣе, чѣмъ отца, и восхищалась его знаніями.

– Если ты ей скажешь, чтобы она сдѣлала, она сдѣлаетъ. Постарайся смягчить это каменное сердце.

– Хорошо, я готовъ сдѣлать все, что могу. Повидаю Марикиту, поговорю съ ней о тебѣ. Доволенъ ты?

Рафаэль, вытирая слезы и улыбаясь, спросилъ, когда онъ

думаетъ идти къ Марикитѣ.

— Завтра. Сегодня вечеромъ мнѣ въ конторѣ еще надо привести въ порядокъ счеты.

— Нѣтъ, Ферминъ, умоляю тебя спасеніемъ души твоей. Поѣзжай сейчасъ.

И Рафаэль такъ усдиленно сталъ молить его, что Монте-негро уступилъ. Раннимъ вечеромъ Ферминъ отправился въ Марчамало, сидя верхомъ на крупѣ лошади Рафаэля, которую тотъ бѣшено прищпоривалъ. Оба они спѣшились на постояломъ дворикѣ по большой дорогѣ, вблизи виноградника.

— Я подожду тебя здѣсь, — сказала надсмотрщикъ.

Но Ферминъ объявилъ, что онъ переночуетъ на виноградникѣ, и пусть Рафаэль пріѣзжаетъ за нимъ на другой день утромъ.

Когда сеньоръ Ферминъ увидѣлъ, что идетъ его сынъ, онъ нѣсколько тревожно спросилъ, не случилось ли что въ Хересѣ.

— Ничего, отецъ.

Пріѣхаль онъ переночевать сюда, такъ какъ его отпустили изъ конторы, гдѣ у него въ этотъ вечеръ не было работы. Радуюсь посѣщенію сына, старикъ все же не могъ отдѣлаться отъ безпокойства, высказаннаго имъ, когда онъ увидѣлъ сына.

— Я подумаль, увидавъ тебя, что въ Хересѣ дѣла плохи; но если и ничего еще тамъ не случилось, то скоро случится. Сидя здѣсь, мнѣ все извѣстно; я имѣю друзей на другихъ ви-

ноградникахъ, которые сообщаютъ мнѣ о намѣреніяхъ забастовщиковъ.

И приказчикъ разскалъ сыну о большомъ митингѣ работниковъ, который долженъ состояться на слѣдующій день на равнинѣ Каулина. Никто не знаетъ, кто давалъ приказаніе, до изъ устъ въ уста распространился призывъ по горамъ и селамъ, и многія тысячи человѣкъ соберутся вмѣстѣ, даже работники изъ окрестностей Малаги, – всѣ тѣ, которые занимались поденщиной въ округѣ Хереса.

– Настоящая революція, сынъ мой! Всѣмъ руководить молодой человѣкъ, пріѣзжій изъ Мадрида, котораго прозвали Мадриленьо. Онъ проповѣдуетъ объ убійствѣ богатыхъ и распредѣленіи между бѣдными всѣхъ сокровищъ Хереса. Народъ точно обезумѣлъ: всѣ увѣрены что завтра они побѣдятъ и что нуждѣ наступитъ конецъ. Мадриленьо прикрывается именемъ Сальватьерра и будто бы дѣйствуетъ по его приказанію; и многіе утверждаютъ, точно сами видѣли его, что донъ-Фернандо скрывается въ Хересѣ и явится, лишь только начнется революція. Что ты скажешь на это?

Ферминъ съ недовѣрчивостью покачалъ головой. Нѣскольکو дней тому назадъ Сальватьерра писалъ ему, но не выражалъ намѣренія вернуться въ Хересъ. Ферминъ сомнѣвается въ его пріѣздѣ туда. Притомъ, онъ считаетъ неправдоподобнымъ это намѣреніе возстанія. Надо думать, что это лишь одна изъ многихъ ложныхъ тревогъ, распускаемыхъ доведенными до отчаянія голодными. Было бы безуміемъ попытаться

ся овладѣть городомъ въ то время, какъ тамъ войско.

— Вы увидите, отецъ, что если и состоится собраніе въ Каулинѣ, то все ограничится лишь криками и угрозами, какъ во время собраній въ деревняхъ. А относительно донъ-Фернандо не беспокойтесь. Я убѣжденъ, что онъ въ Мадридѣ. Онъ не такой сумасшедшій, чтобъ вмѣшаться въ нелѣпость, подобную этой.

И я думаю такъ же, сынъ мой; но во всякомъ случае завтра постарайся держаться дальше отъ этихъ безумцевъ, если они дѣйствительно вступятъ въ городъ.

Ферминъ смотрѣлъ во всѣ стороны, ища глазами свою сестру. Наконецъ, показалась Марія де-ла-Лусъ, она улыбалась Фермину и осыпала его возгласами радостнаго удивленія, Юноша внимательно взглянулъ на нее. Ничего. Еслибъ не разговоръ съ Рафаэлемъ, онъ не могъ бы на лицѣ ея уловить признаки горя.

Прошло болѣе часа, и Ферминъ все еще не могъ говорить наедине съ сестрой. По пристальнымъ взорамъ, устремленнымъ на нее братомъ, дѣвушка, казалось, угадывала нѣчто изъ мыслей. Она то блѣднѣла, то краснѣла.

Сеньоръ Ферминъ спустился внизъ съ холма виноградника, идя навстрѣчу погонщикамъ, проѣзжавшимъ по большой дорогѣ. Это были друзья и ему хотѣлось узнать отъ нихъ кой-что о предполагавшемся завтрашнемъ собраніи.

Оставшіись одни, братъ и сестра обмѣнялись взглядами среди тягостнаго молчанія.

– Мнѣ надо поговорить съ тобой, Марикита, – сказалъ, наконецъ, юноша тономъ рѣшимости.

– Говори, Ферминъ, – отвѣчала она спокойно. – Увидавъ тебя, я поняла, что ты пріѣхаль съ какой-нибудь цѣлью.

– Нѣтъ, я не буду говорить здѣсь. Отецъ можетъ вернуться, а то, о чемъ намъ съ тобой нужно переговорить, требуетъ времени и спокойствія. Пойдемъ, прогуляемся.

И они направились внизъ съ холма, по спуску, противоположному большой дорогѣ, сзади башни. Марія де-ла-Лусъ нѣсколько разъ хотѣла остановиться, не желая идти такъ далеко. Ей хотѣлось поскорѣй выйти изъ тревожной неизвѣстности. Но братъ не соглашался начать разговоръ, пока они не покинутъ виноградника Дюпона, гдѣ отецъ ежеминутно можетъ встрѣтиться съ ними.

Наконецъ они остановились вблизи ряда кустарниковъ, у большого отверстія въ стѣнѣ, откуда виднѣлся оливковый садъ, сквозь листву котораго прорывались лучи заходящаго солнца.

Ферминъ усадилъ сестру на холмикъ, самъ же, стоя передъ ней, сказалъ съ ласковой улыбкой, чтобы пробудить въ ней довѣрчивость къ нему:

– Ну, маленькая сумасбродка, скажи мнѣ, почему ты порвала съ Рафаэлемъ, и прогнала его отъ себя, какъ собаку, нанеся ему такое горе, что, повидимому, бѣдняга умереть отъ него.

Марія де-ла-Лусъ, казалось, желала обратить въ шутку все

дѣло, но ея лицо покрылось блѣдностью и улыбка смахивала на горестную гримасу.

– Потому, что я его не люблю, потому что онъ мнѣ надоѣлъ, вотъ почему. Онъ дуракъ, наскучившій мнѣ. Не вольна я развѣ не любить человѣка, который мнѣ не нравится?...

Ферминъ заговорилъ съ ней, какъ съ мятежной дѣвчонкой. Она не умѣетъ скрыть, что любитъ Рафаэля. Во всемъ этомъ есть нѣчто, что ему необходимо знать для блага ихъ обоихъ, чтобы снова уладить дѣло между ними. Она не злой человѣкъ и не можетъ такъ жестоко обойтись со своимъ женихомъ. Какъ, такимъ образомъ топтать любовь, начавшуюся чуть ли не съ дѣтства? Какъ, такимъ образомъ, гоняють отъ себя человѣка, продержавъ его долгій рядъ годовъ, какъ говорится, пришитымъ къ своей юбкѣ. Что-то есть необъяснимое въ ея поведеніи, и необходимо, чтобы она во всемъ открылась бы ему.

Но дѣвушка не поддавалась, на ласкающій и убѣждающій тонъ брата.

– Ничего таого нѣтъ, – отвѣтила она энергично, выпрямившись, какъ бы желая встать. – Все это твои выдумки. Другого ничего нѣтъ, кромѣ того, что всякое ухаживаніе мнѣ надоѣло, я вообще не желаю выходить замужъ и рѣшила провестии свою жизнь съ отцомъ и съ тобой.

И такъ какъ дѣвушка, чтобы скрыть свое смущеніе, возвысила голосъ, повторяя, что она вольна надъ своими чувствами и можетъ поступать, какъ ей заблагоразсудится, Фер-

минь сталь раздражаться.

– Ахъ ты, обманщица, съ жесткой душой и каменнымъ сердцемъ! Думаешь ли ты, что можно такъ бросать чело- вѣка, когда взбредеть на умъ, послѣ того, какъ въ теченіе долгихъ годовъ вели съ нимъ любовные разговоры у рѣшет- чатаго окна, довели его до безумія медовыми рѣчами, и по- слѣ того, какъ ты утверждала, что любишь его больше, чѣмъ жизнь? За меньшее, чѣмъ это, убивали дѣвушекъ ударомъ кинжала... Кричи: повторяй, что ты сдѣлаешь то, что тебѣ вздумается... мои мысли обращены лишь къ тому несчаст- ному, сердце котораго, когда ты болтаешь, словно безразсуд- ная, исходить кровью и онъ плачетъ какъ ребенокъ, несмот- ря на то, что онъ самый храбрый мужчина изъ всѣхъ мужчи- нъ въ Хересѣ. И все изъ-за тебя... изъ-за тебя, которая ве- деть себя хуже цыганки, изъ-за тебя, флюгеръ!..

Возбужденный порывомъ гнѣва, онъ говорилъ о горѣ Ра- фаэля, о слезахъ его, когда онъ молилъ Фермина о помощи, о терзаніяхъ, съ которыми онъ ждетъ исхода его посредни- чества. Но ему пришлось прервать свою рѣчь.

Марія де-ла-Лусъ, внезапно переходя отъ сопротивленія къ унынію, разразилась слезами и стонами, все увеличиваю- щимся по мѣрѣ того, какъ Ферминъ подвигался въ разговорѣ о любовномъ отчаяніи ея жениха.

– Ахъ, бѣдняжка! – стонала дѣвушка, забывъ о всякомъ притворствѣ. – Ахъ, Рафаэль души моей!..

Голось брата смягчился.

Ты любишь его, видишь ли, что ты его любишь? Ты сама выдала себя, зачѣмъ заставляешь ты его страдать? Зачѣмъ это упрямство, доводящее его до отчаянія и тебя до слезъ?

Дѣвушка молчала, она крѣпко сжимала губы, боясь сказать лишнее и только плакала.

– Говори! – крикнулъ повелительно Ферминъ. – Ты любишь Рафаэля, быть можетъ, даже больше, чѣмъ прежде. Отчего ты разсталась, отчего порвала съ нимъ? Говори, или, мнѣ кажется, я убью тебя!

И онъ грубо встряхнулъ Марію де-ла-Лусъ, которая, словно она была не въ состояніи вынести тяжесть своего волненія, упала на холмикъ, спрятавъ лицо въ свои руки.

Солнце садилось. Послѣдніе его лучи, ложась по землѣ, обливали оранжевымъ сіяніемъ стволы оливковыхъ деревъ, верескъ, росшій кругомъ, и изгибы тѣла дѣвушки, лежащей на землѣ.

– Говори, Марикита! – загремѣлъ голосъ Фермина. – Скажи, почему ты это дѣлаешь? Бога ради, скажи! Не то я сойду съ ума! Скажи твоему брату, твоему Фермину!

Голосъ дѣвушкѣ раздался слабый, словно далекій, стыдливый.

– Я не люблю его потому что слишкомъ сино люблю его... Я не могу его любить, потому что слишкомъ его люблю, чтобы сдѣлать его несчастнымъ.

И Марикита приподнялась, пристально устремивъ на Фермина глаза, наполненные слезами.

Онъ можетъ ее убить, но она не вернется къ Рафаэлю. Она клялась, что если будетъ считать себя недостойной его, то бросить его, хотя бы погубила этимъ душу свою. Было бы преступленіемъ наградить эту столь сильную любовь, внося въ будущую ихъ совмѣстную жизнь нѣчто, что могло бы оскорбить Рафаэля, такого добраго, благороднаго и любящаго.

Водворилось продолжительное молчаніе.

Солнце зашло. Теперь черная листва оливковыхъ деревьевъ вырисовывалась на фіолетовомъ небѣ съ легкой золотой бахромой на краю горизонта.

Ферминъ молчалъ, точно сраженный тѣмъ, что онъ предчувствовалъ.

— Значить, — сказала онъ съ торжественнымъ спокойствіемъ, — ты считаешь себя недостойной Рафаэля? Ты избѣгаешь его, потому что въ твоей жизни есть нѣчто, могущее оскорбить его, сдѣлать его несчастнымъ?

— Да, — отвѣтила она, не опуская глаза.

— Что же это такое? Говори: я думаю, что брату это должно быть извѣстно.

Марія де-ла-Лусъ снова спрятала голову. свою въ рукахъ. Нѣтъ, она ничего не скажетъ. Мука эта превосходитъ ея силы. И она опять расплакалась.

Монтенегро заговорилъ мягко, нѣжно, напоминая дѣвушкѣ тѣсную дружбу, соединявшую ихъ.

Они не знали своей матери, и Ферминъ заступилъ ея мѣ-

сто для малютки. Сколько разъ сидѣль онъ у ея колыбели, сколько разъ отдавалъ ей свой кусокъ хлѣба, когда она была голодна, ухаживалъ за ней во время ея болѣзней, и она никогда не имѣла тайнъ для него. А теперь? Ты дурная сестра... Какъ плохо я тебя зналъ!

– Ферминъ, я бы хотѣла быть нѣмой, чтобы ты не страдалъ, потому что я знаю, что правда истерзаетъ тебя.

И она принялась рассказывать случившееся съ ней безстрастнымъ голосомъ, точно рассказывала о несчастьи другой женщины. Ея слова вызывали быстро мѣняющіяся представленія въ умѣ ея брата. Ферминъ видѣлъ общее пьянство въ послѣднюю ночь послѣ сбора винограда, видѣлъ пьяную дѣвушку, упавшую, словно недвижимое тѣло въ углу виноградныхъ давленей, и затѣмъ появленіе сеньорито, чтобы воспользоваться ея безчувственнымъ состояніемъ.

– Вино! Проклятое вино! – говорила Марія де-ла-Лусъ съ гнѣвнымъ выраженіемъ лица.

– Да, вино, – повторялъ Ферминъ.

И онъ вспомнилъ Сальватьерру, проклинавшаго вино и его тлетворное вліяніе.

Затѣмъ, слушая сестру, онъ видѣлъ ея полное ужаса пробужденіе, когда исчезъ печальный обманъ опьянѣнія, то негодованіе, съ которымъ она оттолкнула отъ себя человѣка, котораго не любила и еще болѣе ненавистнаго ей вслѣдствіе легкой его побѣды.

Все было кончено для Маріи де-ла-Лусъ. Она уже не мо-

жетъ принадлежать любимому челоѣку. Она должна при-
творяться жестокой, разлюбившей его, должна заставить его
страдать, вѣрить въ ея непостоянство, но не говорить ему
правды.

Она была вс. я во власти предубѣжденія женщинъ; кото-
рыя смѣшиваютъ любовь съ физической дѣвственностью. По
мнѣнію ихъ женщина можетъ тогда лишь выйти замужъ, ко-
гда сумѣла сберечь свое цѣломудріе. Если она его потеряла
даже противъ своей воли, по какой-нибудь печальной слу-
чайности, все же приходилось склонить голову, проститься
съ счастьемъ и пройти жизненный путь свой въ одиночествѣ
и скорби, въ то время какъ несчастный женихъ удалялся съ
своей стороны, отыскивая новую урну любви, нетронутую и
неприкосновенную.

Ферминъ слушалъ молча, съ опущенной головой и закры-
тыми глазами. Онъ казался точно трупъ. Первое его дви-
женіе было ударить сестру, но это былъ лишь краткій про-
блескъ атавистической жестокости. Какое право имѣлъ онъ
качать сестру, она лишь жертва, а главный виновникъ – ви-
но, этотъ золотистый ядъ, дьяволъ янтарнаго цвѣта, распро-
странявшій съ своимъ ароматомъ безуміе и преступленіе.

Ферминъ долгое время оставался безмолвнымъ.

– Обо всемъ случившемся, – сказалъ онъ наконецъ, – ни
слова отцу. Бѣдный старикъ умеръ бы.

Марикита утвердительно кивнула головой.

– Если встрѣтишься съ Рафаэлемъ, – продолжалъ онъ, –

и ему тоже ни слова. Я его знаю, бѣдному юношѣ пришлось бы идти по твоей винѣ на каторгу

Предупрежденіе было излишне. Чтобы избѣжать этой мести Рафаэля, она солгала, притворившись, что разлюбила его.

Ферминъ продолжалъ говорить мрачнымъ тономъ, но повелительно, не допуская возраженія. Она выйдетъ замужъ за Луиса Дюпона. Ненавидить его? Убѣжала отъ него съ чувствомъ глубочайшаго отвращенія послѣ той ужасной ночи?... Но это единственное рѣшеніе вопроса. Съ ихъ семейной честью ни одинъ сеньорито не можетъ играть безнаказанно. Если она его не любитъ, то ей по обязанности придется терпѣть его. Самъ Луисъ явится къ ней и попроситъ ея руки.

– Я его ненавижу, презираю! – говорила Марикита. – Пусть онъ не приходитъ! Не хочу видѣть его!..

Но всѣ ея протесты разбились о твердое рѣшеніе ея брата. Она вольна въ своихъ чувствахъ, но честь семьи выше ихъ. Остаться дѣвушкой, скрывъ свое безчестіе, съ грустнымъ утѣшеніемъ, что она не обманула Рафаэля, ее это могло бы удовлетворить. Но его, ея брата? Какъ былъ бы онъ въ состояніи жить, встрѣчаясь ежечасно съ Луисомъ Дюпонъ, не потребовавъ отъ него удовлетворенія за оскорбленіе, нанесенное имъ, мучимый мыслью, что сеньорито смѣется про себя надъ нимъ, встрѣчаясь съ нимъ?...

– Молчи, Марикита, – сказалъ онъ рѣзко. – Молчи и будь

послушна. Если ты, какъ женщина, не сумѣла уберечь себя, то не мѣшай брату защитить честь семьи.

Становилось темно и Ферминъ съ сестрой вернулись на мызу. Эту ночь они оба провели безъ сна.

Незадолго до разсвѣта Ферминъ покинулъ Марчамало, направляясь въ Хересь. Выйдя на большую дорогу, онъ встрѣтилъ близъ постоялаго двора Рафаэля верхомъ, ожидавшаго его.

– Если ты такъ рано вышелъ, вѣрно имѣешь что-нибудь хорошее сказать мнѣ, – воскликнулъ юноша съ дѣтскимъ до-вѣремъ, чуть не вызвавшимъ слезы на глазахъ Фермина. – Говори скорѣй, Ферминильо, какой результатъ твоего посольства?...

Монтенегро долженъ былъ сдѣлать громадное усиліе надъ собой, чтобы солгать. Дѣло двигается понемногу и обстоитъ недурно. Рафаэль можетъ быть спокоенъ: женскій капризь, не имѣющій подъ собой ни малѣйшаго основанія. Самое важное то, что Марикита любить его попрежнему. Въ этомъ онъ можетъ быть увѣренъ.

Рафаэль сіялъ отъ счастья.

– Садись Ферминильо, я доведу тебя въ Хересь во мгновение ока.

И они помчались по дорогѣ галопомъ, разставшись лишь въ предмѣстьѣ Хереса. Рафаэлю нужно было ѣхать въ Матансуэлу, такъ какъ онъ имѣлъ свѣдѣнія о томъ, что готовилось вечеромъ въ районѣ Каулина. Онъ долженъ соблюдать

интересъ своего хозяина, дона-Луиса.

Фермину эти слова юноши доставили лишь новые муки. Если бы онъ только зналъ! Весь тотъ день Монтенегро провель въ конторѣ, работая механически, съ мыслями, уходящими далеко, далеко. Онъ поднималъ иногда голову съ своихъ счетовъ и устремлялъ неподвижный взглядъ на Пабло Дюпона, Принципаль разговаривалъ съ дономъ-Рамономъ и друими, оеньорами, богатыми земдевлдѣльцами, приходившими съ сумрачными лицами. Однако, эти лица прояснялись, когда они выслушивали сообщенія милліонера, послѣ чего всѣ дружно смѣялись.

Монтенегро не обращалъ на нихъ вниманія, должно быть они говорили о собраніи въ Каулинѣ.

Не разъ, когда Дюплнъ оставался одинъ въ своемъ кабинетѣ, Ферминъ чувствовалъ искушеніе войти туда, но онъ сдерживался. Нѣтъ, не здѣсь. Онъ долженъ говорить съ нимъ наединѣ. Взбалмошный характеръ былъ ему хорошо извѣстенъ. Онъ, отъ удивленія, разразится крикомъ и всѣ служащіе въ конторѣ услышатъ его.

Поздно вечеромъ Ферминъ направился къ роскошному дому вдовы Дюпонъ. На мгновеніе остановился онъ во дворѣ съ бѣлыми аркадами, среди клумбъ, платановъ и пальмъ. Въ одной изъ галлерей слышалось журчаніе воды. Это былъ фонтанъ съ притязаніями на монументъ, украшенный статуей Пресвятой Дѣвы Лурдской изъ бѣлаго мрамора.

Лишь только было доложено о Ферминѣ, его тотчасъ же

провели въ кабинетъ сеньора, который какъ разъ стоялъ у телефона съ трубкой въ рукахъ.

— Что такое? Имѣешь сообщить что-нибудь? Тебѣ извѣстно что-либо о собраніи въ Каулинѣ? Мнѣ только что передавали, что отовсюду въ городъ идутъ толпы крестьянъ. Ихъ около трехъ тысячъ.

Монтенегро сдѣлалъ жестъ безразличія. Онъ ничего не знаетъ о собраніи и пришелъ по другому дѣлу.

— Я радъ что ты такъ относишься

— сказалъ донъ-Пабло, садясь за письменный столъ. — Ты всегда былъ немного зеленый, и я очень доволенъ, что ты не вмѣшиваешься въ эти дѣла. Говорю, тебѣ это потому, что расположенъ къ тебѣ, и потому что господамъ забастовщикамъ придется плохо.... очень плохо. Но говори, Ферминильо, какое дѣло у тебя ко мнѣ?

Дюпонъ сидѣлъ, устремивъ взглядъ на своего служащаго, который съ нѣкоторою робостью началъ объясненіе свое. Ему извѣстно доброе чувство дон-Пабло и всей его семьи къ семьѣ бѣднаго приказчика въ Марчамало. Кромѣ того Ферминъ высоко ставитъ характеръ своего пригципала, его религіозность, неспособную мириться съ порокомъ и несправедливостью. И потому, въ трудную минуту для его семьи, онъ обращается къ дону-Пабло за совѣтомъ, за нравственной поддержкой.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ съ нетерпѣніемъ донъ-Пабло. — Говори скорѣй и не трать даромъ время. Не забывай,

что сегодня необычайный день. Съ минуты на минуту меня опять вызовутъ къ телефону.

Ферминъ стоялъ съ опущенной головой, съ такимъ горестнымъ выраженіемъ лица, какъ будто слова сжигали ему языкъ. Наконецъ, онъ началъ разсказъ о случившемся въ Марчамалѣ въ послѣднюю ночь винограднаго сбора.

Вспыльчивый, гнѣвный и властный характеръ Дюпона сказался въ громкихъ крикахъ. Его эгоизмъ побудилъ его прежде всего подумать о себѣ, о безчестіи, нанесенномъ его дому.

– Такія мерзости у меня въ Марчамалѣ! – воскликнулъ онъ, вскактвая со стула. – Башня Дюпоновъ, мой домъ, куда я часто вожу свою семью, превращень въ вертепъ порока! Демонъ похотливосвѣти творилъ подвиги свои въ двухъ шагахъ отъ часовни, отъ храма Божьяго, гдѣ ученые священнослужители церкви провозглашали свои высокія и прекрасныя проповѣди. И негодование душило его.

– Пожалѣй меня, Ферминъ, – кричалъ донъПабло. – Я богатъ, мать моя святая жена, истинная христианка, дѣти послушныя. Но мой тяжкій крестъ, это – дочери маркиза и этотъ Луись, двоюродный мой братъ, безчестіе всей семьи!

Дюпонъ упалъ на стулъ свой, въ изнеможеніи закрылъ лицо руками. Но взглянувъ на стоявшаго передъ нимъ Фермина, онъ ег спросилъ:

– Какъ ты думаещшь, чѣмъ же я могу помочь тебѣ во всемъ этомъ?

Монтенегро стряхнулъ свою робость, чтобы отвѣтить принципалу. Онъ пришелъ просить у него совѣта, болѣе того – поддержки для исправленія зла, и это онъ, какъ христіанинъ и кабальеро, какъ онъ всегда отзывался о себѣ, – навѣрное и не преминетъ сдѣлать.

– Вы глава нашей семьи и поэтому я и обратился къ вамъ. У васъ есть средство оказать намъ добро и вернуть честь моей семьѣ.

– Глава... глава... – иронически повторилъ донъ-Пабло. И онъ замолкъ, видно отыскивая въ умѣ рѣшеніе вопроса. Затѣмъ заговорилъ о Маріи де-ла-Лусъ. Она тяжело согрѣшила и ей есть въ чемъ раскаиваться.

– Я думаю, – добавилъ онъ, – что лучше всего твоей сестрѣ пойти въ монастырь. Не дѣлай отрицательнаго жеста. Я поговорю съ моей матерью. Мы дадимъ пять или шесть тысячъ дуросовъ... сколько понадобится... для взноса въ одинъ изъ самыхъ лучшихъ монастырей.

Ферминъ всталъ, блѣдный, нахмуривъ брови.

– Это все, что вы имѣете сказать мнѣ?. – спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

Милліонеръ удивился вопросу юноши. Какъ, онъ недоволенъ этимъ? Можетъ онъ предложить лучшее рѣшеніе вопроса? И съ безпредѣльнымъ изумленіемъ, точно говорить о чемъ-то неслыханномъ и безконечно-нелѣпомъ, донъПабло добавилъ:

– Развѣ только тебѣ приснилось, что двоюродный мой

братъ можетъ жениться на твоей сестрѣ?

– Это самое простое, естественное и логическое, то, что требуетъ честь и единственное, что можетъ посовѣтовать такой христианинъ, какъ вы.

Дюпонъ снова заговорилъ возбужденнымъ тономъ.

– Та, та, та!.. Теперь христіанство вамъ по вкусу! Вы, зеленые, толкуете его на свой лады. Хотя мы и дѣти одного небеснаго отца, но пока живемъ на землѣ, социальный строй, установленный свыше, не долженъ нарушаться. Каждый обязанъ оставаться въ томъ общественномъ сословіи, въ которомъ лнъ родился. Хотя Луисъ развратный человекъ, но онъ можетъ со временемъ исправиться, и онъ членъ моей семьи. Вспомнимъ, что и святой Августинъ въ молодости...

Но Дюпона позвали какъ разъ въ телефону и, простоявъ нѣсколько минутъ у аппарата, слушая и издавая радостныя восклицанія, онъ обернулся затѣмъ къ Монтенегро, какъ казалось, уже забывъ о причинѣ его посѣщенія.

– Они подходятъ къ городу, Ферминъ, – сказалъ онъ, потирая себѣ руки.

– Мнѣ сообщаютъ отъ имени алкальда, что собравшіеся на Каулинъ начинаютъ направляться къ городу. Небольшой страхъ въ первую минуту, а затѣмъ: бумъ, бумъ, бумъ, – хорошій урокъ, который имъ недостаегъ, потомъ тюрьма, и даже нѣсколько казней, чтобы они опять стали осторожнѣе и насъ оставили бы въ покоѣ на нѣкоторое время.

Донъ=Пабло приказалъ закрыть ворота и ставни его до-

ма. Если Ферминъ не желаетъ переночевать здѣсь, ему надо уходить сейчасъ. Принципаль говорилъ торопливо, съ мыслями, устремленными на близкое нашествіе забастовщиков, доведенныхъ до отчаянія, и онъ толкалъ Фермина къ выходу, провожая его до дверей, точно оиъ забылъ о его дѣлѣ.

— На чемъ же мы порѣшили, донъ-Пабло?

— Ахъ, да... Твое дѣло... дѣло сестры твоей. Посмотримъ... Заходи другой разъ; я поговорю съ моей матерью. Мысль о монастырѣ лучше всего, повѣрь мнѣ.

И увидавъ на лицѣ Фермина протестъ, онъ заговорилъ смиреннымъ тономъ.

— Брось мысли о свадьбѣ. Пожалѣй меня и мою семью. Не достаточно ли уже у насъ горя? Дочери маркиза, безчестящія насъ, живя со сволочью. Луисъ, который, казалось, пошелъ, наконецъ, до хорошему путию И вдругъ такое приключеніе съ нимъ... Ты хочешь огорчить меня и мою маъ, настаивая, чтобы Дюпонъ женился на дѣвушкѣ изъ виноградника? Я думалъ, что ты насъ больше уважаешь. Пожалѣй меня, пожалѣй.

— Да, донъ-Пабло, я жалю васъ, — сказала Ферминъ. — Вы заслуживаете состраданія по грустному состоянію вашей души. Религія ваша совершенно иная, чѣмъ моя.

Дюпонъ отступилъ на шагъ, забывъ моментально о всѣхъ своихъ тревогахъ. Была затронута самая чувствительная его струна. И служащій его осмѣливался говорить съ нимъ такимъ тономъ.

– Моя религія... моя религія... – воскликнулъ онъ гнѣвно, не зная съ чего начать. – Что ты можешь сказатъ о ней? Завтра мы обсудимъ этотъ вопросъ въ конторѣ... а если нѣтъ, то сейчасъ...

Но Ферминъ прервалъ его.

– Завтра это было бы трудно, – сказалъ онъ спокойно. – Мы съ вами не увидимъ завтра, и, быть можетъ, и никогда. Сейчасъ тоже нельзя: я очень спѣшу... Прощайте, донъ-Пабло! Не буду беспокоить васъ вторично: вамъ больше не придется просить меня пожалѣть васъ. То, что мнѣ остается сдѣлать, я сдѣлаю одинъ.

И онъ поспѣшно вышелъ изъ дома; Дюпона. Когда онъ очутился на улицѣ, начинало темнѣть.

IX

Раннимъ вечеромъ собрались первыя кучки рабочихъ на громадной равнинѣ Каулины. Одни спустились съ горъ, другіе пришли съ мызь, или съ полей, по ту сторону Хереса; нѣкоторые явились съ пограничныхъ мѣстностей Малаги, и изъ Санлукара де-Варромедя. Таинственный призывъ раздался по всѣмъ постояннымъ дворамъ, по всѣмъ селамъ и людскимъ на всемъ пространствѣ округа Хереса, и всѣ работники поспѣшно собрались, думая, что насталь моментъ возмездія.

Они смотрѣли на Хересь злобными глазами. День расчета бѣдныхъ съ богатыми приближался, и бѣлый, улыбающійся городъ, городъ богачей, съ его бodeгами и миллионами, будетъ сожженъ, освѣщая ночь пламенемъ пожара!

Вновь прибывшіе собирались по одну сторону дороги, на равнинѣ, покрытой кустарникомъ. Быки, которые паслись здѣсь, ушли въ самую глубь равнины, словно испуганные этимъ чернымъ пятномъ, которое все увеличивалось и увеличивалось непрерывно вливающимися въ него новыми полчищами работниковъ.

Вся орда нужды явилась на призывъ. Это были люди исхудалые, съ лицами, сожженными солнцемъ. Къ полевымъ работникамъ присоединились и городскіе рабочіе изъ Хереса. Возбужденіе мятежа, страстное стремленіе къ мести, же-

ланіе улучшить свою участь, казалось, сравнивали всѣхъ ихъ, придавая имъ какъ бы семейное сходство.

— Идемъ, — восклицали они съ горящими глазами, видя что столько товарищей собралось. Ихъ было больше четырехъ тысячъ. Вновь прибывавшіе подходили къ собравшимся на равнинѣ съ вопросомъ:

— Въ чемъ дѣло?

— Да, въ чемъ же дѣло? — Все собрались, не зная почему и для чего.

Распространилась вѣсть, что сегодня вечеромъ, когда стемнѣетъ, начнется революція, и они пришли, доведенные до отчаянія нуждой и преслѣдованіями забастовки, съ старыми пистолетами за кушаками, съ серпами въ рукахъ, ножами или страшными рѣзаками, которые однимъ взмахомъ могли отрубить голову.

У нихъ было нѣчто большее, чѣмъ все это: была вѣра, вдохновляющая всякую толпу въ первые моменты возстанія, энтузіазмъ и довѣрчивость, благодаря которой они принимали съ восторгомъ самыя нелѣпыя свѣдѣнія, считая ихъ вполне достовѣрными. Инициатива этого собранія, первая мысль о немъ принадлежала Мадриленьо, молодому человеку, незнакомому въ этой мѣстности, но явившемуся въ окрестностяхъ берега во время разгара забастовки и возбуждавшего отвагу въ слушателяхъ своими пылкими рѣчами. Никто не зналъ его, но языкъ у него былъ хорошо повѣшенъ и, повидимому, это была важная птица, судя по знакомства-

мъ, которыми онъ хвастался. Его послалъ, какъ онъ говорилъ, Сальватьерра, чтобы замѣнить его во время отсутствія его.

Великому социальному движенію, имѣющему измѣнить весь существующій строй міра, должно быть положено начало въ Хересѣ. Сальватьерра и другіе, не менѣе извѣстныя лица, уже скрываются въ городѣ, чтобы появиться въ благоприятный моментъ. Войско присоединится въ революціонерамъ, лишь только они вступятъ въ городъ.

И легковѣрные работники, съ яркимъ воображеніемъ южанъ, передавали другъ другу эти свѣдѣнія, украшая ихъ всякаго рода подробностями. Прольется кровь однихъ лишь богатыхъ. Солдаты перейдутъ къ нимъ, и офицеры тоже на сторонѣ революціи. Старики, тѣ, которые пережили сентябрьское возстаніе противъ Бурбоновъ, были наиболѣе довѣрчивые и легковѣрные.

Они видѣли своими глазами и не нуждались въ томъ, чтобы имъ что-либо доказывали. Возставшіе генералы и адмиралы были лишь автоматами, дѣйствовавшими подъ вліяніемъ великаго человѣка, уроженца здѣшной мѣстности. Донъ-Фернандо сдѣлалъ все это, онъ вызвалъ мятежь во флотѣ, онъ послалъ полки въ Алколеа противъ солдатъ, шедшихъ изъ Мадрида. И то, что онъ сдѣлалъ, чтобы лишить королеву ея престола и подготовить появленіе республики, длившейся семь мѣсяцевъ, развѣ онъ этого не повторитъ, когда дѣло касается столь важной вещи, какъ завоеваніе хлѣба для бѣд-

ныхъ?

Время шло, и солнце стало заходить, а толпа все еще не знала, что она собственно ждет и до которыхъ поръ ей надо оставаться здѣсь.

Дядя Сарандилья переходилъ отъ одной группы къ другой, чтобы удовлетворить свое любопытство. Онъ ускользнулъ изъ Матансуэлы, поссорившись съ своей старухой, которая не хотѣла отпустить его, и, не послушавшись совѣтовъ надсмотрщика, напоминавшаго ему, что въ его годы нельзя пускаться въ поиски приключеній. Онъ хотѣлъ видѣть вблизи, что такое революція бѣдняковъ; присутствовать при той благословенной минутѣ (если она настанетъ), когда крестьяне подѣлятъ землю на мелкіе участки, осуществлѣя его мечту.

Онъ старался узнать слабыми своими глазами знакомыхъ среди прѣбывающихъ, удивлялся ихъ неподвижности, неувѣренности и неимѣнію плана.

– Я былъ солдатомъ, – говорилъ онъ, – былъ на войнѣ, а то, что вы теперь готовите, все равно что сраженіе. Гдѣ же у васъ знамя? Гдѣ вашъ полководецъ?...

Сколько онъ ни осматривался кругомъ, онъ видѣлъ лишь только группы людей, какъ казалось, утомившихся безконечнымъ ожиданіемъ. Нѣтъ ни полководца, ни знамени!

– Плохо, очень плохо, – разсуждалъ Сарандилья. – Мнѣ кажется я лучше ворочусь на мызу. Старуха права, это кончится пораженіемъ.

Еще одинъ любопытный тоже переходилъ отъ одной группы къ другой. Это былъ Алкапарронъ, съ двойной своей шляпой, нахлобученной на глаза. Поденщики встрѣчали его смѣхомъ. И онъ тутъ же? Они ему дадутъ ружье, когда войдутъ въ городъ. Посмотримъ, храбро ли онъ будетъ сражаться съ буржуями.

Но цыганъ отвѣчалъ на предложеніе преувеличенными изъявленіями испуга. Людямъ его племени не нравится война. Взять ему ружье? Быть можетъ они видѣли многихъ цыганъ, которые были бы солдатами?

— Но красть, — это ты сумѣешь, — говорили ему другіе. — Когда настанетъ время дѣлежа, какъ ты набьешь себѣ пузо, бездѣльникъ!

И Алкапарронъ смѣялся, какъ обезьяна, потирая себѣ руки, при упомнаніи о разграбленіи города, польщенный въ своихъ атавистическихъ расовыхъ инстинктахъ.

Одинъ изъ бывшихъ поденщиковъ въ Матансуэлѣ напомнилъ ему его двоюродную сестру Мари-Крусъ.

— Если ты мужчина, Алкапарронъ, ты можешь сегодня ночью отомстить за нее. Возьми этотъ серпъ и всади его въ брюхо разбойнику дону-Луису.

Цыганъ отстранилъ рукой предложенное ему смертоносное орудіе, и убѣждалъ отъ говорившихъ съ нимъ, чтобы скрыть свои слезы.

Начинало темнѣть. Поденщики, уставъ ждать, стали двигаться туда и сюда, разражаясь протестами. Пусть скажутъ

наконецъ, кто тутъ распоряжается. Останутся они всю ночь что ли на Каулинѣ? Гдѣ Сальватьерра? Пусть онъ явится!.. Безъ него они никуда не пойдутъ.

Нетерпѣніе и неудовольствіе толпы были причиной того, что наконецъ у нея явился вождь. Надъ криками толпы возвысился громовой голосъ Хуанона. Его руиіи атлета поднялись надъ головами.

— Но кто же далъ намъ приказаніе собраться здѣсь?... Мадриленьо? Пускай же онъ идетъ сюда. Пусть его отыщутъ!

Городскіе рабочіе, ядро идейныхъ товарищей, пришедшихъ сюда изъ Хереса, и которымъ было поручено вернуться не иначе какъ съ крестьянами, собрались вокругъ Хуанона, угадывая въ немъ вождя, который сплотитъ воедино всѣ разрозненныя воли.

Наконецъ нашли Мадриленьо, и Хуанонъ приступилъ къ нему съ распросомъ, что они тутъ дѣлаютъ? Пріѣзжіи выразался весьма многословно, ничего въ сущности не сказавъ.

— Мы собрались здѣсь для революціи, а именно для соціальной революціи.

Хуанонъ топаль ногой отъ нетерпѣнія. Гдѣ же Сальватьерра? Гдѣ донъ-Фернандо?...

Мадриленьо не видѣлъ его, но зналъ, ему этл говорили, что донъ-Фернандо въ Хересѣ и ждетъ вступленія туда рабочихъ. Онъ зналъ также, или вѣрнѣе, ему говорили, что и войско перейдетъ на ихъ сторону. И стража, охраняющая тюрьму, точно также въ заговорѣ. Ничего другого не нужно, ка-

къ только идти въ городъ и сами солдаты откроютъ ворота тюрьмы, выпустивъ на свободу всѣхъ арестованныхъ товарищей.

Великанъ Хуанонъ стоялъ нѣсколько минутъ въ задумчивости, почесывая себѣ лобъ, точно этимъ онъ могъ оказать помощь ходу запутанныхъ своихъ мыслей.

– Пусть такъ, – воскликнулъ онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія. – Значить, вопросъ въ томъ, покажемъ ли мы себя мужчинами или нѣтъ: войдемъ ли въ городъ, чтобы тамъ ни случилось, или же отправимся спать по домамъ.

Въ его глазахъ блестѣла холодная рѣшимость, фатализмъ тѣхъ, которые становятся вождями толпы. Онъ бралъ на себя отвѣтственность за мятежъ, не подготовленный имъ. О предполагавшемся возстаніи онъ зналъ столько же, какъ эти люди, бродившіе, казалось, въ какихъ-то сумеркахъ, не въ состояніи объяснить, себѣ, что они тутъ дѣлаютъ.

– Товарищи! – крикнулъ Хуанонъ повелительно. – Впередъ, въ Хересь, всѣ тѣ, у кого есть мужество въ душѣ! Мы освободимъ изъ тюрьмы нашихъ бѣдныхъ братьевъ... долой всѣхъ, кто желалъ бы помѣшать этому. Сальватьерра тамъ.

Первый, подошедшій къ импровизированному вождю, былъ Пако де-Требухена, бунтовщикъ-поденщикъ, котораго не принимали, на работу ни на одной мызѣ и который скитался изъ села въ село съ своимъ осликомъ, продавая водку и революціонныя брошюры.

– Я пойду съ тобой, Хуанонъ, такъ какъ Товарищъ Фер-

нандо ждетъ насъ.

— Кто мужчина, и у кого есть совѣсть, пусть идетъ за мной, — громко крикнулъ Хаунонь, самъ не зная, куда ему вести товарищей.

Однако, несмотря на его призывы къ мужеству и, совѣсти, большинство собравшихся инстинктивно отступало. Ропотъ недовѣрія, безпредѣльнаго разочарованія поднялся въ толпѣ. Отъ шумнаго энтузіазма большинство сразу перешло къ подозрѣніямъ и страху. Ихъ южное воображеніе, всегда склонное къ неожиданному и чудесному, внушило имъ вѣру въ появленіе Сальватьерры и друг хъ знаменитыхъ революціонеровъ, сидящихъ верхомъ на рѣзвыхъ коняхъ, словно гордые и непобѣдимые полководцы, стоявшіе во главѣ большого войска, чудесно появившагося изъ-подъ земли. Имъ же предстояла лишь задача сопровождать могущественныхъ этихъ союзниковъ при вступленіи ихъ въ Хересь, взявъ на себя легкій трудъ убить побѣжденныхъ и завладѣть ихъ богатствомъ! А вмѣсто этого имъ говорятъ, чтобы они одни вступили въ этотъ городъ, который вырисовывается на горизонтѣ, въ послѣднемъ сіяніи заходящаго солнца, и, казалось, сатанински мигаетъ имъ красными глазами своего освѣщенія, точно заманивая ихъ въ западню. Они не дураки. Жизнь для нихъ тяжела чрезмѣрностью работы и непрерывнымъ голодомъ; но еще хуже — умереть. Домой, домой!

И группы начали уходить въ направленіи, противоположномъ городу, теряться въ полумракѣ, не желая выслушивать

оскорбленія Хуанона и наиболѣе экзальтарованныхъ изъ рабочихъ.

Эии послѣдніе, боясь, что, оставаясь дольше здѣсь, они облегчатъ лишь новое бѣгство, отдали приказаніе двинуться впередъ.

– Въ Хересь! Въ Хересь!..

Они пошли. Было ихъ около тысячи человѣкъ: городскіе рабочіе, и люди-звѣри, которые отправились на собраніе, чувствуя запахъ крови, и не могли уйти, точно ихъ толкаль инстинктъ, болѣе смѣлый, чѣмъ ихъ воля.

Рядомъ съ Хуанономъ, среди самыхъ храбрыхъ, шель Маэстрико, тотъ юноша, который проводилъ ночи въ людской въ Матансуэлѣ, учась читать и писать.

– Мнѣ кажется, что наше дѣло плохо, – сказалъ онъ своему энергичному товарищу. – Мы идемъ, точно слѣпые. Я видѣлъ людей, бѣжавшихъ по направленію въ Хересь, чтобы предупредить о нашемъ прибытіи. Насъ ждутъ, но не готовы что-либо хорошее.

– Ты ошибаешься, Маэстрико, – отвѣчалъ повелительно вождь рабочихъ, который, гордясь взятымъ имъ на себя дѣломъ, считалъ малѣйшее возраженіе непочтительностью. – Ты ошибаешься. Если же ты боишься, убѣгай, какъ остальные. Намъ не нужны здѣсь трусы.

– Я трусь? – воскликнулъ чистосердечно парень. – Впередъ, Хуанонъ! Жизнь не такъ-то и дорога.

Они шли всѣ молча, съ опущенной головой, точно собира-

ются напасть на городъ. Мадриленьо объяснилъ свой планъ. Первымъ дѣломъ надо идти въ тюрьму освободить арестованныхъ товарищей. Тамъ къ нимъ присоединится войско. И Хуанонъ, словно никакой приказъ не можетъ быть изданъ помимо него, повторялъ громко:

– Въ тюрьму, друзья! Спасать нашихъ братьевъ!

Они сдѣлали большой обходъ, чтобы войти въ городъ переулкомъ, точно они совѣстились проходить широкими и хорошо освѣщенными улицами. Многие изъ этихъ людей лишь разъ-другой побывали въ Хересѣ, не знали улицъ и слѣдовали за своими предводителями съ покорностью стада, думая съ тревогой, какъ димъ выбраться оттуда, если пришлось бы спастись бѣгствомъ.

Черная и безмолвная человѣческая лавина двигалась впередъ съ глухимъ топотомъ ногъ, отъ котораго дрожала мостовая. Двери домовъ залирались, свѣчи въ окнахъ тушились. Съ одного балкона женщина осыпала ихъ руганью.

– Канальи! Низкій сбродъ! Дай-то Богъ, чтобы васъ повѣсили, это все, что вы заслуживаете!..

И на мостовой послышался ударъ разбившагося о камни глинянаго сосуда, но его дребезги, не попали ни въ кого. Это была Маркезита, которая съ балкона торговца свиней негодовала противъ антипатичной ей низкой черни, осмѣливающейся угрожать благопристойнымъ людямъ.

Тояко нѣкоторые изъ толпы подняли головы. Остальные прошли мимо, не обращая вниманія на бессмысленную вы-

лазку противъ нихъ, желая какъ можно скорѣй поспѣть навстрѣчу другой. Городскіе рабочіе узнали Маркезиту, и уходя отвѣчали на ея осворбленія словами, столь же классически-ми, какъ и похабными. Вотъ такъ распутная баба! Есл бь они не торопились такъ сильно, то хорошенько нахлопали бы ей, поднявъ юбки.

Толпа нѣсколько отшатнулась, повидагаясь вверхъ, на площади de la Carcel, самое мрачное мѣсто города. Многіе изъ мятежниковъ вспомнили о своихъ товарищахъ изъ союза «Черной руки», казненныхъ здѣсь.

Площадь была пустынная: старинный монастырь, превращенный въ тюрьму, высился весь темный, безъ единого огонька въ окнахъ, съ плотно закрытыми дверями. Даже часово́й и тотъ спрятался за большими воротами.

Взойдя на площадь, передовые ряды толпы остановились, сопротивляясь напору заднихъ. Какъ, нѣтъ никого? Гдѣ же ихъ союзвики? Гдѣ солдаты, которые должны были присоединиться къ нимъ?

Они не замедлили узнать это. Изъ-за низенькой рѣшетки мелькнулъ бѣглый огонекъ, красное пламя, окутанное дымомъ. Сильный и сухой трескъ пронесся по площади. За нимъ послѣдовалъ еще и еще трескъ и такъ до девяти разъ, которые, толпѣ, неподвижной отъ изумленія, показались безконечными. Это были войска, стрѣлявшія въ нихъ, прежде чѣмъ они приблизились на разетояніе, когда могли въ нихъ попасть пули.

Изумление и ужась придали нѣкоторымъ работникамъ истинный героизмъ. Они побѣжали впередъ съ крикомъ и распростертыми руками.

– Не стрѣляйте, братья, насъ предали!.. Братья, мы вѣдь пришли не за дурнымъ дѣломъ!..

Но братья были туги на ухо и продолжали стрѣлять. Вскорѣ толпу охватила паника бѣгства. Всѣ – храбрые и трусы – бросились бѣжать съ площади, толкая и топча другъ друга, словно ихъ гнали кнутомъ по спинѣ эти выстрѣлы, продолжавшіе потрясать пустынную площадьъ.

Хуанонъ и налболѣе энергичные остановили людской потокъ, когда повернули въ переулокъ. Ряды выстроились снова, но ихъ было уже меньше и не столь плотные. Теперь на лицо было лишь около шестисотъ человѣкъ. Легковѣрный вождь ругался глухимъ толосомъ.

– Давайте сюда Мадриленьо, пусть онъ намъ объяснить это.

Но искать его оказалось бесполезнымъ. Мадриленьо всчезъ во время бѣгства, скрылся, услышавъ выстрѣлы, въ переулокъ, какъ и всѣ, хорошо знавшіе городъ. При Хуанонѣ остались лишь крестьяне, жители горъ, которые по улицамъ Хереса шли ошупью, изумленные тѣмъ, что они идутъ во всѣ стороны, не встрѣчая никого, точно городъ необитаемъ.

– И Сальватьерры нѣтъ въ Хересѣ, и ему ничего обо всемъ этомъ неизвѣстно, – сказалъ Маэстрико Хуанону. – Мнѣ кажется, что насъ обманули.

– И я того же мнѣнія, – отвѣтили атлеты. – Что намъ теперь дѣлать? Разъ мы здѣсь, пойдѣмте-ка въ центръ Хереса, на улицу Марса Ларіа.

Они начали беспорядочное шествіе во внутрь города. Ихъ успокаивало, внушая нѣкоторую храбрость, лишь то обстоятельство, что они не встрѣчаютъ ни препятствій, ни враговъ. Гдѣ жандармерія? Почему войско прячется? Тотъ фактъ, что солдаты оставались въ казармахъ, предоставивъ городъ ихъ власти, наполнялъ крестьянъ безумной надеждой, что появленіе Сальватьерры во главѣ съ возставшими войсками еще возможно.

Безпрепятственно дошли они до улицы Ларіа. Никакихъ предосторожностей не было принято противъ ихъ движенія. На улицѣ не видно было ни одного прохожаго, но казино были всѣ освѣщены, а окна въ нижнихъ этажахъ не были защищены ставнями.

Мятежники прошли мимо клубовъ богатыхъ, бросая туда взгляды ненависти, но почти не останавливались. Хуанонъ ждалъ гнѣвнаго взрыва толпы: онъ даже приготовился вмѣшаться съ своимъ авторитетомъ вождя, чтобы уменьшить катастрофу.

– Вотъ они, богачи! – говорили въ толпѣ.

– Вотъ тѣ, которые насъ кормятъ какъ собакъ.

– Тѣ, которую насъ грабятъ. Посмотрите, какъ они пьютъ нашу кровь...

И послѣ краткой остановки, они поспѣшно прошли даль-

ше, точно ихъ гдѣ-то ждали и они боялись опоздать.

У нихъ были въ рукахъ страшные рѣзаки, серпы, ножи. Пусть только богатые выйдутъ на улицу и они увидятъ, какъ ихъ головы покатаются на мостовую. Но это должно быть сдѣлано на улицѣ, потому что всѣ они чувствовали нѣкоторое отвращеніе къ тому, чтобы войти въ дверь, точно стекла были не переступаемой стѣной.

Долгіе годы подчиненія и трусости тяготѣли надъ грубымъ людомъ, увидавшимъ себя лицомъ въ лицу съ своими угнетателями. Кромѣ того, ихъ приводило въ смущеніе яркое освѣщеніе главной городской улицы, ея широкіе тротуары съ рядомъ фонарей, красноватый блескъ оконъ. Всѣ внутренно приводили себѣ одно и то же извиненіе въ оправданіе своей слабости. Еслибъ они въ открытомъ полѣ встрѣтили этихъ людей!

Когда толпа проходила мимо «Circulo Caballista», изъ оконъ показалось нѣсколько головъ молодыхъ людей. Это были сеньоритосы, слѣдившіе съ плохо скрываемымъ безпокойствомъ за шествіемъ забастовщиковъ. Но видя, что они идутъ не останавливаясь, въ глазахъ ихъ сверкнула иронія и къ нимъ вернулась увѣренность въ превосходствѣ ихъ словія.

– Да здравствуетъ социальная революція! – крикнулъ Маэстрико, точно ему было больно пройти безмолвно передъ жилищемъ богатыхъ.

Любопытные у оконъ скрылись, но скрываясь смѣялись, и

это восклицаніе доставило имъ большое удовольствіе. Если они довольствуются тѣмъ, что кричать!..

Въ безцѣльномъ шествіи толпа дошла до площади Hysba, и видя, что ихъ вождь остановился, они его окружили, обративъ на него вопросительные взгляды.

— Что намъ дѣлать теперь? — спросили они наивно. — Куда мы идемъ?.

Хуанонъ принялъ свирѣпый видъ.

— Можете идти, куда хотите. Нечего сказать, многое мы сдѣлали!.. А я пойду прохладиться.

И завернувшись въ свою накидку, онъ прислонился спиной къ столбу фонаря, оставаясь неподвижнымъ въ позѣ, выражавшей глубокое уныніе.

Толпа стала расходиться, дѣлясь на маленькія кучки. Въ каждой изъ нихъ импровизировали предводители, которые повели товарищей въ разныя направленія. Городъ въ ихъ рукахъ: теперь-то начнется лафа! Проявился атавистическій инстинктъ расы, неспособной совершить что-либо совокупно, лишенный коллективнаго значенія и чувствующей себя сильной и предприимчивой единственно лишь когда каждое отдѣльное лицо можетъ дѣйствовать по собственному вдохновенію.

На улицѣ Ларіа погасли огни. Казино закрылись. Послѣ тяжелаго ислытанія, перенесеннаго богатыми при видѣ угрожающаго прохода толпы, они боялись возвращенія черги, раскаявшейся въ своемъ великодушіи, и всѣ двери запира-

лись.

Многочисленная группа работниковъ направилась къ театру. Тамъ находились богатые, буржуа. Слѣдуетъ убитъ всѣхъ ихъ и разыгралась бы дѣйствительная трагедія. Но когда поденщики дошли до ярко освѣщеннаго входа, они остановились. Никогда не были они въ театрѣ. Теплый, налитанный испареніями газа воздухъ, громкій шумъ двора, прорывавшійся черезъ щели дверей, смутили ихъ.

— Пусть они выйдутъ, пусть выйдутъ и узнаютъ кой-что!

Къ дверямъ театра; подошло нѣсколько зрителей, привлеченныхъ слухомъ о нашествіи, наполнявшемъ улицы. Одинъ изъ нихъ въ плащѣ и шляпѣ сеньорито дерзнулъ выйти къ этимъ людямъ, закутаннымъ въ грубыхъ мантияхъ, стоявшей кучкѣ передъ театромъ.

Они кинулись къ нему окруживъ его съ поднятыми надъ нимъ серпами и рѣзаками, въ то время какъ остальные зрители бѣжали, спасаясь въ театрѣ. Наконецъ, въ ихъ рукахъ то, чего они искали. Это буржуа, буржуа съ нагруженнымъ желудкомъ, которому слѣдуетъ пустить кровь, чтобы онъ вернулъ народу все награбленное имъ.

Но буржуа, здоровенный юноша, съ спокойнымъ и искреннимъ взглядомъ удержалъ ихъ жестомъ.

— Э, товарищи! Я такой же рабочий, какъ и вы!

— Руки, покажи руки, — крикнули нѣсколько поденщиковъ, не опуская грознаго своего оружія.

И откинувъ плащъ, онъ протянулъ имъ руки, сильныя,

четвероугольная, съ ногтями, обломанными ручной работой. Одинъ за другимъ эти мятежники стали ощупывать его ладони, оцѣнивать, насколько они жестки. На нихъ мозоли, онъ изъ ихъ среды. И угрожающее оружіе было спрятано подъ мантиями.

— Да, я изъ вашей среды, — продолжалъ молодой парень. — По ремеслу я столяръ, но мнѣ нравится одѣваться какъ сеньоритосы, и вмѣсто того, чтобы проводить ночь въ трактрѣ, стирѣ, я провожу ее въ театрѣ. У каждого свои вкусы...

Это разочарованіе навело такое уныніе на забастовщиковъ, что многіе взъ нихъ удалились. Иисусе! гдѣ же спрячутся богатые?...

Они шли по узкимъ улицамъ и отдаленнымъ переулкамъ, маленькими кучками, жаждая встрѣтить кого-нибудь, чтобы онъ имъ показалъ свои руки. Это лучшее средство разпознать враговъ бѣдныхъ. Но съ мозолистыми или немозолистыми руками, они никого не встрѣтили по дорогѣ.

Городъ казался пустыннымъ. Видя, что солдаты продолжаютъ оставаться у себя въ казармахъ, жители запирались въ своихъ домахъ, преувеличивая значительность вторженія рабочихъ, воображая, что чуть ли не милліоны людей владѣли улицами и окрестностями города,

Кучка изъ пяти поденщиковъ наткнулась въ узкой улицѣ на сеньорита. Эти люди были самые свирѣпые изъ всей толпы, это были люди, чувствовавшіе нетерпѣливую жажду смертоубійства, при видѣ, что время проходитъ, а кровь не

проливается.

– Руки, покажи намъ руки, – кричали они, окруживъ юношу, поднимая надъ его головой четвероугольные, сверкающіе рѣзакі.

– Руки! – возразилъ, разсердившись, молодой человѣкъ, откидывая плащъ. – Зачѣмъ я долженъ показывать вамъ руки? Не желаю этого дѣлать.

Но одинъ изъ нападавшихъ схватилъ его за плечо и рѣзкимъ движеніемъ заставилъ показать руки.

– У него нѣтъ мозолей! – крикнули они радостно. И отступили на шагъ назадъ, словно для того, чтобы кинуться на него съ большимъ размахомъ. Но спокойствіе юноши остановило ихъ.

– У меня нѣтъ мозолей? Что же въ томъ? Но я такой же работникъ, какъ и вы. И у Сальватьерры тоже нѣтъ мозолей, а, повидимому, вы большіе революціонеры, чѣмъ онъ!..

Имя Сальватьерра, казалось, остановило приподнятые надъ нимъ ножи.

– Оставьте парни, – сказалъ сзади ивъ голосъ Хуанона. – Я его знаю и отвѣчаю за него. Онъ пріятель товарища Фернандо, и принадлежитъ къ послѣдователямъ идеи.

Эти дикари отошли отъ Фермина Монтенегро съ нѣкоторымъ огорченіемъ, видя, что намѣреніе ихъ не удалось. Но присутствіе Хуанона внушало имъ почтеніе.

Къ тому же, изъ глубины улицы приближался другой молодой человѣкъ. Навѣрное это какой-нибудь буржуа, возвра-

щавшійся къ себѣ домой.

Въ то время какъ Монтенегро благодарилъ Хуанона за его своевременное появленіе, спасшее ему жизнь, нѣсколько дальше отъ того мѣста состоялась встрѣча поденщиковъ съ прохожимъ.

— Руки, буржуа, покажи намъ руки.

Буржуа оказался блѣднымъ и худымъ юношей, лѣтъ семнадцати, въ потертой одеждѣ, но съ большимъ воротничкомъ и яркимъ галстукомъ. Онъ дрожалъ отъ страха, показывая свои блѣдныя и анемичныя руки, руки писца, сидѣвшаго день деньской не на солнышкѣ, а въ клѣткѣ-конторкѣ. Онъ плакалъ, извиняясь прерывчатыми словами, глядя на рѣзакі глазами, полными ужаса, словно холодъ сталъ гипнотизировать его. Онъ идетъ изъ конторы... онъ просидѣлъ поздно за работой Не бейте меня... я иду домой, моя мать ждетъ меня... а-а-а-ай!..

Это былъ крикъ боли, страха, отчаянія, всполошившій всю улицу. Вопль, отъ котораго волосы вставали дыбомъ, и въ то же время что-то переломилось, вродѣ сломаннаго горшка, и юноша спиной свалился на землю.

Хуанонъ и Ферминъ, дрожа отъ ужаса, подбѣжали къ кучкѣ людей и увидѣли среди нихъ на мостовой юношу съ головой въ все увеличивающейся и увеличивающейся черной лужѣ и ногами судорожно растягивающимися и стягивающимися, въ предсмертной агоніи.

Варвары казались довольны своимъ дѣломъ.

— Посмотрите на него, — сказалъ одинъ изъ нихъ. — Ученикъ буржуа! Онъ умираетъ, какъ цыпленокъ... Скоро наступеть очередь и учителей.

Хуанонъ разразился проклятіями. Вотъ все, что они сумѣли сдѣлать? Трусы! Они прошли мимо казино богатыхъ, настоящихъ враговъ, и имъ ничего другого не пришло на умъ, какъ только кричать, страшась сломать стекла, бывшія единственной защитой богатымъ. Они умѣютъ лишь ітрлько зарѣзать ребенка, такого же работника, какъ и они, бѣднаго писца въ конторѣ, который зарабатывалъ двѣ песеты въ день; и, быть можетъ, содержалъ свою мать.

Ферминъ сталъ бояться, чтобы Хуанонъ не кинулся съ ножомъ на своихъ товарищей.

— Куда идти съ этими звѣрями? — ревъль Хуанонъ. — Пусть позволить Богъ или дьяволь, что насъ всѣхъ перехватили и повѣсили бы... И меня перваго, за то, что я животное, за то, что я повѣрилъ тому, что мы на что-нибудь годны.

Несчастный силачъ удалился, желая избѣжать столкновенія съ своими свирѣпыми товарищами. И они тоже кинулись въ разсыпную, точно слова поденщика вернули имъ разумъ.

Монтенегро, оставшись одинъ съ трупомъ, испугался. Нѣсколько оконъ стали открываться послѣ поспѣшнаго бѣгства убійць, и онъ, опасаясь, чтобы обитатели улицы не застали бы его подлѣ убитаго, тоже бѣжалъ.

Въ своемъ бѣгствѣ онъ не останавливался, пока не попалъ

на главныя улицы. Тутъ онъ считалъ себя лучше охраненнымъ отъ встрѣчи съ звѣрями, требовавшими, чтобы имъ показывали руки.

Черезъ короткое время городъ какъ будто сталъ просыпаться. Издали послышался топотъ, отъ котораго дрожала земля и вскорѣ пронесся по улицѣ Ларіа рысью эскадронъ улановъ. Затѣмъ въ концѣ этой улицы засверкали ряды штыковъ и пѣхота прошла мѣрнымъ шагомъ. Фасады большихъ домовъ, казалось, повеселѣли, разомъ открывъ свои двери и балконы.

р1, смВойско расположилось по всему городу. Отъ свѣта фонарей сверкали конницы, штыки пѣхотинцевъ, лакированныя трехуголки жандармовъ. Въ полумракѣ вырисовывались красныя пятна панталонъ солдатъ и желтые ремни жандармовъ.

Державшіе взаперти эту вооруженную силу сочли, что моментъ насталъ разсыпать ее по городу. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ городъ отдалъ себя безъ сопротивленія во власть работниковъ, утомляясь монотоннымъ ожиданіемъ изъ-за скудости мятежниковъ. Но кровь уже потекла. Достаточно было одного трупа, того трупа, который оправдалъ бы жестокое возмездіе и власти пробудились отъ добровольнаго своего сна.

Ферминъ думалъ съ глубокой грустью, о несчастномъ писцѣ, распростертомъ тамъ, въ узкой улицѣ, жертва эксплуатируемая даже въ ея смерти, облегчавшей имъ тотъ предлогъ,

который искали власть имуще.

По всему Хересу началась охота за людьми. Взводы жандармовъ и пѣхоты охраняли, не двигаясь съ мѣста, въздъ въ улицы, въ то время, какъ кавалерія и сильный пѣшій патруль изслѣдовали городъ, арестуя подозрѣваемыхъ.

Ферминъ переходилъ съ одного мѣста на другое, не встрѣчая задержки. По внѣшности онъ былъ сеньорито, а военная сила охотилась лишь за тѣми, кто казался по одеждѣ рабочимъ или крестьяниномъ. Монтенегро видѣлъ ихъ проходившими цѣлыми рядами по дорогѣ въ тюрьму, окруженные штыками и конными отрядами, нѣкоторые, предававшіеся унынію, точно ихъ удивляло враждебное появленіе войска, «которое должно было соединиться съ ними», другіе – ужасавшіеся, не понимали, почему ряды арестованныхъ могли пробуждать такую радость на улицѣ Ларіа, когда нѣсколько часовъ передъ тѣмъ они проходили по ней какъ триумфаторы, не позволивъ себѣ ни малѣйшаго безпорядка.

Это была постоянная переправа арестованныхъ работниковъ, схваченныхъ въ ту минуту, когда они намѣревались выйти изъ города. Другіе были взяты нашедшими себѣ убѣжище въ тавернахъ или встрѣченные неожиданно на улицахъ, во время осмотра города.

Нѣкоторые изъ арестованныхъ были городскіе жители. Они тол ко что передъ тѣмъ вышли изъ своихъ домовъ, увидавъ, что улицы очистились отъ нашествія, но уже внѣшности бѣдняковъ было достаточно, чтобы ихъ арестовали въ

качествѣ мятежниковъ. И группы арестованныхъ проходили все вновь и вновь. Тюрьма оказалась слишкомъ мала для столькихъ людей. Многіе были отведены въ казармы.

Ферминъ чувствовалъ себя утомленнымъ. Съ вечера онъ странствовалъ по всему Хересу, отыскивая одного человѣка. Вторженіе забастовщиковъ, неуверенность, что можетъ произойти изъ этого событія, развлекли его въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, заставляя забыть о своихъ дѣлахъ. Но теперь, когда происшествіе окончилось, онъ чувствовалъ, что нервное его возбужденіе исчезло и утомленіе овладѣло имъ.

Одну минуту онъ рѣшилъ было идти домой, въ себѣ въ гостиницу. Но дѣло его было не изъ тѣхъ, которое откладывается на слѣдующій день. Необходимо этою же ночью, тотчасъ же, покончить съ вопросомъ, заставившимъ его покинуть домъ дона-Пабло словно обезумѣвшей, разставшись съ нимъ навсегда.

Онъ опять принялся бродить по улицамъ, отыскивая нужнаго ему человѣка, не останавливая взоровъ на отрядахъ арестованныхъ, которые проходили мимо него.

Вблизи площади Нусба произошла, наконецъ, желаемая встрѣча.

— Да здравствуютъ жандармы! Да здравствуютъ благопристойные люди.

Это кричалъ Луисъ Дюпонъ, среди безмолвія, вызваннаго въ городѣ появленіемъ столькихъ ружей на улицахъ. Онъ былъ пьянъ; это ясно было видно до блестящимъ его глазамъ

и винному запаху изъ его рта. Сзда него шель Чиво и человѣкъ изъ гостиницы, несшій стаканы въ рукахъ и бутылки въ карманахъ.

Луись, узнавъ Фермина, бросился въ его объятія, желая поцѣловать его.

– Что за день! Э, какая блестящая побѣда!

И онъ ораторствовалъ, словно одинъ онъ разсѣялъ забастовщиковъ.

Узнавъ, что чернь вступаетъ въ городъ, онъ, вмѣстѣ съ храбрымъ своимъ спутникомъ, приютились въ ресторанѣ Монтаньесъ, крѣпко заперевъ двери, чтобы никто бы имъ не мѣшалъ. Надо же было подкрѣпиться, выпить немного, прежде чѣмъ приступить въ дѣлу. У нихъ еще хватить времени выйт на улицу и обратить въ бѣгство низкую сволочь, стрѣляя въ нихъ. Для этого достаточно ихъ двухъ – его и Чиво. Нужно убаюкать врага, дать ему набраться смѣлости, до той благовременной минуты, когда они двое появятся, какъ послы смерти. И наконецъ, они вышли изъ ресторана, съ револьверомъ въ одной рукѣ и ножомъ въ другой, но такъ неудачливо, что уже встрѣтили войско на улицахъ. Пусть такъ, все же они совершили нѣчто.

– Я, – говорилъ съ гордостью пьяница, – помогъ задержать болѣе дюжины рабочихъ. Сверхъ того, роздалъ не знаю сколько, пощечинъ этой гадкой черни, которая, вмѣсто того, чтобы смириться, все еще говорила дурно о благопристойныхъ людяхъ... Хорошую встрепку получать они!.. Да здрав-

ствуешь жандармерія! Да здравствуютъ богатые!

И словно отъ этихъ восклицаній у него пересохло въ горль, онъ сдѣлалъ знакъ Чиво, который подбѣжалъ, подавая два стакана съ виномъ.

— Пей, — приказалъ Луись свюему другу.

Ферминъ колебался.

— У меня нѣтъ охоты пить, — сказалъ онъ глухимъ голосомъ. — Я желалъ бы лишь одно: поговорить съ тобой, и тотчасъ же. Поговорить объ очень интересной вещи...

— Хорошо, мы поговоримъ, — отвѣтилъ сеньорито, не придавая значенія просьбѣ Фермина. — Мы поговоримъ хоть три дня съ ряду: но сперва мнѣ надо исполнить свой долгъ. Я хочу угостить стаканомъ вина всѣхъ храбрецовъ, которые вмѣстѣ со мною спасли Хересь. Потому что ты долженъ знать, Ферминильо, что я, одинъ я сопротивлялся всѣмъ этимъ разбойникамъ. Пока войско было въ казармахъ, я стоялъ на своемъ посту. Полагаю, что городъ долженъ высказать мнѣ признательность за это, сдѣлавъ для меня что-нибудь!..

Взводъ конницы какъ разъ проѣзжалъ рысцой. Луись подбѣжалъ къ офицеру, поднимая вверхъ стаканъ вина, но командующій отрядомъ проѣхалъ дальше, не обративъ вниманія на предложенное ему угощеніе, а за нимъ послѣдовали его солдаты, которые чуть не раздавили сеньорито.

Его энтузіазмъ не охладѣлъ однако отъ этого недостатка вниманія.

— Оле, храбрая конница, — сказалъ онъ, бросая свою шля-

пу къ заднимъ ногамъ лошадей.

И поднявъ ее, надѣлъ себѣ на голову, и съ величественнымъ жестомъ, прижавъ одну руку къ груди, крикнулъ:

– Да здравствуетъ войско!

Ферминъ не хотѣлъ выпустить его изъ рукъ, и, вооружившись терпѣніемъ, сталъ сопровождать его въ его экскурсіяхъ по улицамъ. Сеньорито останавливался передъ группами солдатъ, приказывая двумъ своимъ головорѣзамъ выходить впередъ со всѣмъ запасомъ бутылокъ и стакановъ.

– Оле, храбрецы! Да здравствуетъ кавалерія... а также и пѣхота... и артиллерія, хотя ея здѣсь нѣтъ! Стаканъ вина, лейтенантъ!

Офицеры, раздраженные этой нелѣпой экспедиціей, безславной и не представлявшей никакой опасности, отталкивали своимъ жестомъ пьяницу! Впередъ! Никто не пьетъ здѣсь.

– А такъ какъ вы не можете пить, – настаивалъ сеньорито съ упорствомъ опьянѣнія, я выпью, вмѣсто васъ, за здоровье храбрыхъ людей!.. Смерть разбойникамъ!

Кучка жандармовъ привлекла его вниманіе въ небольшомъ переулкѣ. Унтеръ-офицеръ, командовавшій отрядомъ, старикъ съ торчащими вверхъ, съ просѣдью усами, тоже не принялъ угощеніе Дюпона.

– Оле, храбрые люди! Благословенна будь маменька каждого изъ васъ! Да здравствуетъ жандармерія! Вы не откажетесь вѣдь выпить со мной по стакану вина? Чиво, подавай живѣй этимъ кабальеросамъ.

Ветеранъ вновь сталъ отказываться. Уставъ, военныя правила... Но твердый свой отказъ онъ сопровождалъ благо-склонной улыбкой. Съ нимъ говорилъ Дюпонъ, одинъ изъ наиболѣе богатыхъ людей въ городѣ. Унтеръ-офицеръ зналъ его, и, несмотря на то, что нѣсколько минутъ передъ тѣмъ встрѣчалъ ударами прикладовъ всѣхъ проходившихъ по улицѣ въ одеждѣ рабочихъ, онъ терпѣливо выслушивалъ тостъ сеньорито.

– Проходите, донъ-Луисъ, – говорилъ онъ тономъ просьбы. – Ступайте-ка домой: эта ночь не ночь веселія.

– Хорошо, я ухожу, почтенный ветеранъ. Но передъ тѣмъ выпью бокаль, и еще одинъ, и еще столько счетомъ, сколько васъ въ отрядѣ. Я буду пить, такъ какъ вы не можете этого сдѣлать изъ-за глупаго устава, и пусть оно пойдетъ вамъ на пользу... За здоровье всѣхъ васъ! Чокнись, Ферминъ; чокнись и ты, Чиво. Повторите всѣ за мной: да здравствуютъ треуголки!..

Онъ усталъ, наконецъ, переходить отъ отряда къ отряду, гдѣ никто не принималъ предлагаемое имъ угощеніе и рѣшилъ считать свою экспедицію оконченной. Совѣсть его была спокойна: онъ оказалъ почетъ всѣмъ героямъ, которые съ его храброй поддержкой спасли городъ. Теперь назадъ въ ресторанъ Монтаньесъ провести тамъ ночь до утра.

Когда Ферминъ очутился въ отдѣльной комнатѣ ресторана, передъ батареей новыхъ бутылокъ, онъ счелъ, что настало время приступить къ дѣлу.

— Мнѣ надо переговорить съ тобой о чемъ-то очель важномъ, Луись. Кажется, я уже сообщалъ тебѣ объ этомъ.

— Я помню... тебѣ нужно было поговорить... Говори, сколько хочѣшь.

Онъ былъ такъ пьянь, что глаза его закрывались и онъ гну-савиль, какъ старикъ.

Ферминъ посмотрѣлъ на Чиво, который по обыкновенію усѣлся рядомъ со своимъ покровителемъ.

— Я долженъ переговорить съ тобой, Луись, но дѣло это очень щекотливое... Безъ свидѣтелей.

— Ты намекаешь на Чиво? — воскликнулъ Дюпонъ, открыва глаза. — Чиво, это я, все, что меня касается, извѣстно ему. Еслибъ явился сюда мой двоюродный братъ Пабло говорить со мной о своихъ дѣлахъ, Чиво бы оставался здѣсь и все бы слушалъ. Говори безъ опасенія, другъ! Чиво — колодець для всего, что мое.

Монтенегро покорился необходимости стерпѣть присутствіе этого вихляя, не желая отложить ради своей совѣстливости столь нужное ему объясненіе.

Онъ заговорилъ съ Луисомъ съ нѣкоторой робостью, прикрывая свою мыль, хорошенько взвѣсивая слова, чтобы только они двое огли бы ихъ понять, а Чиво оставался бы въ невѣдѣніи.

Если онрл, стѣ его рскаль повсюду, донъ-Луись можетъ легко представить себѣ почему онъ это дѣлалъ... Ему все извѣстно. Случившееся въ послѣднюю ночь сбора виногра-

да въ Марчамалѣ, навѣрное не исчезло изъ памяти Луиса. И вотъ, Ферминъ явился къ нему, чтобы предложить сеньорито исправить сдѣланное имъ зло. Всегда считаль онъ его своимъ другомъ и надѣется, что тотъ и выкажетъ себя имъ, потому что если этого не случится...

Утомленіе, нервное возбужденіе ночи, полной волненій, не позволили Фермину долгаго притворства, и угроза явилась на его устахъ въ то же время, какъ она сверкнула въ глазахъ его.

Стаканы вина, выпитые имъ, сжимали ему желудокъ, вино превратилось въ ядъ изъ-за того отвращенія, съ которымъ онъ его взялъ изъ этихъ рукъ.

Дюпонъ, слушая Монтенегро, притворялся болѣе пьянымъ, чѣмъ онъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, чтобы такимъ образомъ скрыть свое смущеніе.

Угроза Фермина вынудила Чиво прервать молчаніе. Головорѣзь считаль моментъ благопріятнымъ для льстиваго вмѣшательства.

— Здѣсь никто не смѣетъ угрожать, знаете ли вы это, цыпленокъ?... Гдѣ Чиво, тамъ никто не дерзаетъ сказать что-либо его сеньорито.

Юноша вскочилъ и, устремивъ на хвастуна грозный взглядъ сказалъ повелительно:

— Молчать!.. Держите свой языкъ въ карманѣ или гдѣ хотите. Вы здѣсь никто, а чтобы говорить со мной, вамъ надо просить у меня позволенія.

Фанфаронъ стоялъ въ нерѣшительности, точно раздавленный высокоомѣриемъ юноши, и прежде чѣмъ онъ пришелъ въ себя отъ нападенія на него, Ферминъ добавиль, обращаясь въ Луису:

– И ты-то считаешь себя храбрымъ?... Считаешь себя храбрымъ, а ходишь повсюду съ провожатымъ, какъ дѣти ходятъ въ школу! Считаешь себя храбрымъ, и даже, чтобы поговорить наединѣ съ пріятелемъ, не расстаешься съ нимъ! Тебѣ слѣдовало бы носить коротенькіе панталоны.

Дюпонъ забылъ свое опьянѣніе, стряхнулъ его съ себя, чтобы выпрямиться передъ пріятелемъ во всемъ величіи своей доблеести, Ферминъ ранилъ его въ наиболѣе чувствительное мѣсто!..

– Ты знаешь, Ферминильо, что я храбрѣе тебя, и что воешь Хересь меня боится. Сейчасъ увидишь, нуждаюсь ли я въ провожатыхъ. Ты, Чиво, проваливай.

Храбрецъ сопротивлялся, фыркнувъ что-то съ высокоомѣриемъ безнаказанности.

– Проваливай! – повториль сеньорито, словно собираясь дать ему ударъ ногой.

Чиво вышелъ и двое друзей вновь усѣлись. Луись уже не казался пьянымъ: напротивъ, онъ дѣлалъ усилія казаться совершенно трезвымъ, открывая безмѣрно глаза, точно онъ намѣревался уничтожить взглядомъ Монтенегро.

– Когда пожелаешь, – сказалъ онъ глухимъ голосомъ, чтобы внушить больше страху, – мы пойдемъ убивать друъ дру-

га. Не здѣсь, потому что Монтаньесь мнѣ пріятель, и я не хочу компрометировать его.

Ферминъ пожалъ плечами, въ знакъ пренебреженія къ этой террористической комедіи. Они поговорятъ и объ этомъ, но уже послѣ, смотря по тому какой будетъ результатъ ихъ разговора.

– Теперь къ сути, Луись. Ты знаешь какое ты сдѣлалъ зло! А какъ ты думаешь исправить его?

Синьорито потерялъ опять свое спокойствіе, видя, что Ферминъ безъ обиняковъ касается непріятнаго вопроса. Развѣ вся вина его? Виноватъ проклятый кузень, вино, случай... то, что онъ чрезмѣрно добрый; потому что, еслибъ онъ не жилъ бы въ Марчамалѣ, оберегая интересы своего двоюроднаго брата, (будь онъ проклятъ, если тотъ благодарень ему за это) ничего не случилось бы. Но что тутъ говорить: зло сдѣлано. Онъ кабальеро, рѣчь идетъ о семьѣ друзей, и онъ не думаетъ отвиливать. Чего желаетъ Ферминъ? Его состояніе и личность – все въ распоряженіи Фермина. По его мнѣнію самое разумное было бы, чтобы они вдвоемъ, съ общаго согласія, опредѣлили бы извѣстную сумму: всене-премѣнно онъ, такъ или иначе, достанетъ ее, чтобы отдать двѣушкѣ въ видѣ приданаго, и было бы удивительно, еслибъ, послѣ того, она не нашла бы себѣ хорошаго мужа.

Почему Ферминъ дѣлаетъ недовольное лицо? Развѣ онъ сказалъ что-нибудь нелѣпое? Если ему не нравится это рѣшеніе вопроса, у него на готовѣ есть другое. Марія де-ла-

Лусь можетъ идти жить съ нимъ. Онъ устроить ей большой домъ въ городѣ и она будетъ жить какъ королева. Дѣвушка нравится ему и высказанное ею презрѣніе къ нему послѣ той ночи очень его огорчило. Онъ приложить всѣ усилія, чтобы сдѣлать ее счастливою. Многіе богатые въ Хересѣ живутъ такимъ образомъ со своими любовницами, которыхъ всѣ уважають, словно законныхъ женъ, и если они и не женятся на нихъ, то лишь только потому, что тѣ низкаго сословія. И это предложеніе не устраиваетъ его? Пусть же самъ Ферминъ придумаетъ что-нибудь и они сразу покончатъ дѣло.

– Да, надо покончить его сразу, – повторилъ Монтенегро, – И поменьше словъ, потому что мнѣ тяжело говорить обо всемъ этомъ. Вотъ что ты долженъ сдѣлать: завтра ты пойдешь къ своему двоюродному брату и скажешь ему, что, устыдившись своего проступка, ты женишься на моей сестрѣ, какъ это обязанъ сдѣлать кабальеро. Если онъ дастъ свое позволеніе – отлично, если нѣтъ – все равно. Ты женишься и постарайся, исправившись, не дѣлать несчастной свою жену.

Сеньорито откинулся на стулѣ, точно скандализированный громадностью притязанія.

– Вотъ какъ... Велишь жениться! Ты просишь не малаго!..

Онъ заговорилъ о своемъ двоюродномъ братѣ, увѣряя, что тотъ ни за что не дастъ своего согласія. Жениться онъ не можетъ. А карьера его? А будущность? Какъ разъ ихъ семья, съ согласія отцов-іезуитовъ, ведетъ переговоры о его женить-

бѣ съ богатой дѣвушкой изъ Севильи, давнишней духовной дочери отца Урисабала. Эта женитьба необходима ему, такъ какъ его состояніе очень пошатнулось отъ чрезмѣрной его расточительности, очень, а для его политической карьеры ему необходимо быть богатымъ.

– Жениться на твоей сестрѣ, это нѣтъ, – кончилъ свою рѣчь Дюпонтъ. – Это чистое безуміе, Ферминъ; обдумай самъ хорошенько, это нелѣпица.

Ферминъ возразилъ, сильно возбуждаясь. Нелѣпица – вѣрно, но только для бѣдной Марикильи. Вотъ такъ счастье! Быть. обремененной мужемъ, подобнымъ ему, этому сборищу всѣхъ порововъ, который не можетъ жить даже съ самыми грязными въ мірѣ женщинами! Для Маріи де-ла-Лусъ этотъ бракъ означалъ лишь новое жертвоприношеніе, но нѣтъ другого исхода, кромѣ него.

– Ты думаешь, что я дѣйствительно желаю породниться съ тобой и радуюсь этому?... Весьма ошибаешься. Какъ было бы хорошо, еслибъ никогда у тебя въ умѣ не зародилась бы злая мысль, сдѣлавшая сестру мою несчастной! Не будь этого случая я не согласился бы имѣть тебя своимъ зятемъ, хотя ты бы просилъ меня о томъ на колѣняхъ, нагруженный милліонами. Но зло сдѣлано и единственное средство исправить его предложенное мной, хотя всѣмъ намъ придется вслѣдствіе того испытывать муки. Ты знаешь, что лично я ни во что не ставлю бракъ – это лишь одно изъ многихъ, существующихъ въ мірѣ, лицемѣрій. Одно лишь необходимо для счастья –

любовь и больше ничего. Я могу говорить такимъ образомъ, потому что я мужчина; потому что я плюю на общество и на все то, что скажутъ люди. Но сестра моя женщина и ей, чтобы жить спокойно, чтобы ее уважали, нужно дѣлать то, что дѣлаютъ остальные женщины. Она должна выйти замужъ за человѣка, обольстившаго ее, хотя и не чувствуя къ нему ни крошки любви. Никогда больше не вернется она къ прежнему своему жениху: было бы низостью обмануть его. Ты можешь сказать, пусть она останется дѣвушкой, такъ какъ никому неизвѣстно то, что случилось; но все, что дѣлается, — узнается. Ты самъ, еслибъ я тебя оставилъ, кончилъ бы тѣмъ, что въ пьяную ночь рассказалъ бы о выпавшемъ на твою долю наслажденіи, о чудномъ кускѣ, проглоченномъ тобой на виноградникѣ двоюроднаго твоего брата. Боже сохрани, этого нѣтъ! Тутъ одинъ лишь исходъ — бракъ.

И все болѣе и болѣе сильными выраженіями онъ припиралъ къ стѣнѣ Луиса, стараясь вынудить его дать согласіе на предложенное Ферминомъ рѣшеніе вопроса.

Сеньорито защищался съ тревогой человѣка, доведеннаго до крайности.

— Ты ошибаешься, Ферминъ, — говорилъ онъ. — Я вижу яснѣе тебя.

И чтобы выйти изъ труднаго положенія, онъ предлагалъ отложить разговоръ на слѣдующій день. Они обстоятельнѣе разберутъ тогда дѣло... Страхъ, что онъ будетъ вынужденъ принять предложеніе Монтенегро, побуждалъ его настаивать

вать на своемъ отказѣ. Все, что угодно, только бы не жениться. Это немислимо, семья его отречется отъ него, всѣ будутъ смѣяться надъ нимъ; онъ потеряетъ свою политическую карьеру.

Но Ферминъ настаивалъ съ твердостью, ужасавшей Луиса.

— Ты женишься; другого выхода нѣтъ. Ты сдѣлаешь то, что обязанъ сдѣлать, или одинъ изъ насъ лишній на свѣтѣ.

Манія храбрости вновь проявилась въ Луисѣ. Онъ чувствовалъ себя въ безопасности зная, что Чиво вблизи, и быть можетъ слышитъ ихъ слова рядомъ, въ коридорѣ.

Угрозы ему? Во всемъ Хересѣ нѣтъ человѣка, который бы безнаказавно обратился къ нему съ угрозами. И онъ опускалъ руку въ карманъ, лаская стволъ недобѣдимаго револьвера, съ которымъ онъ чуть было не спасъ весь городъ, отразивъ одинъ все нашествіе. Прикосновеніе къ стволу револьвера казалось влило въ него новую отвагу.

— Э-а! Довольно! Я сдѣлаю то, что лишь могу, чтобы не осрамить себя въ качествѣ кабальеро, какимъ я есть. Но жениться я не женюсь, слышишь ли? Я не женюсь. Къ тому же почему виноватымъ долженъ быть я?

Цинизмъ блестѣлъ въ его глазахъ. Ферминъ скрежеталъ зубами и схоронивъ руки въ карманахъ, отступивъ на шагъ назадъ, словно онъ боялся тѣхъ жестокихъ словъ, которыя готовились выйти изъ устъ сеньорито.

— А твоя сестра? — продолжалъ тотъ. — Она не виновата ни въ чемъ? Ты совсѣмъ глупый, ты ребенокъ. Вѣрь мнѣ: та,

которая этого не желаетъ, ее не изнасилуютъ. Я кутила, согласенъ; но твоя сестра... твоя сестра немного...

Онъ сказалъ оскорбительное слово, но едва слышно.

Ферминъ бросился да него съ такой стремительностью, что опрокинулъ стулъ и столъ, задрезавъ, отодвинулся отъ толчка до самой стѣны. Въ одной рукѣ Ферминъ держалъ ножъ Рафаэля забытый имъ два дня тому назадъ въ этомъ самомъ ресторанѣ.

Револьверъ сеньорито такъ и остался у выхода изъ его кармана, откуда его рука не имѣла уже силъ вытащить его.

Дюпонъ пошатнулся съ громкимъ хрипѣніемъ и кровь чернымъ потокомъ хлынула у него изъ горла.

Затѣмъ онъ лицомъ внизъ грохнулся на полъ, увлекая въ своемъ паденіи со стола скатерть съ бутылками и стаканами и кровь его смѣшалась съ пролитымъ виномъ.

Х

Три мѣсяца миновало съ тѣхъ поръ, какъ сеньоръ Ферминъ выѣхалъ изъ виноградника въ Марчамалъ, и его друзья насилу могли узнать его, увидавъ его сидящимъ на солнцѣ, у дверей нищенской хижины, въ которой онъ жилъ съ своей дочерью въ предмѣстьи Хереса.

– Бѣдный сеньоръ Ферминъ! – говорили люди, видѣвшіе его. – Онъ обратился въ собственную тѣнь.

Онъ впалъ въ безмолвіе, близкое къ идиотизму. Цѣлые часы сидѣлъ онъ недвижно, съ опущенной головой, точно воспоминанія угнетали его. Когда дочь подходила къ нему, чтобы увестіи его въ домъ, или сказать, что обѣдъ на столѣ, онъ какъ будто приходилъ въ себя, давалъ себѣ отчетъ въ окружающемъ его и его глаза слѣдили за дѣвушкой строгимъ взглядомъ.

– Скверная женщина! – шепталъ онъ, – проклятая женщина!

Она, одна она виновата въ несчастіи, тяготѣвшемъ надъ семьей.

Его гнѣвъ отца, отца на старинный ладъ, неспособнаго на нѣжность и прощеніе, и мужская гордость его, вслѣдствіе которой онъ смотрѣлъ на женщину, какъ на низшее существо, ни на что другое не годное, какъ только причинять мужчинѣ громадный вредъ, этотъ его гнѣвъ преслѣдовалъ бѣд-

ную Марію де-ла-Лусъ. Также и она измѣнилась: поблѣднѣла, исхудала, съ глазами ставшими еще больше отъ слѣдовъ пролитыхъ ею слезъ.

Ей нужно было дѣлать чудеса экономіи въ новой жиизни, которую она вела съ своимъ отцомъ въ этой хижинѣ. Сверхъ ея заботъ и стѣсненій нужды, ей приходилось еще выносить мученіе упрековъ ея отца, и всю вереницу глухихъ проклятій, которыми онъ какъ бы хлесталъ ее каждый разъ, что она приближалась къ нему, отрывая его отъ его размышлений.

Сеньоръ Ферминъ жилъ съ непрерывными мыслями о злополучной ночи вторженія въ Хересь забастовщиковъ.

Для него все случившееся послѣ того не имѣло никакого значенія. Ему казалось, что онъ еще слышитъ, какъ ворота въ Марчамало, за часъ до разсвѣта, дрожали подъ бѣшеными ударами незнакомца. Онъ всталъ съ ружьемъ наготовѣ и открылъ окно... Но это былъ его сынъ, его Ферминъ, безъ шляпы, съ руками, запачканными въ крови и расцарапаннымъ лицомъ, точно онъ боролся со множествомъ людей.

Они обмѣнялись лишь нѣсколькими словами. Ферминъ убилъ сеньорито Луиса и пробилъ себѣ дорогу, ранивъ голову рѣза, сопровождавшаго Луиса. Эви незначительныя царапины получены имъ во время борьбы. Ему надо бѣжать, спастись тотчасъ же. Враги навѣрное подумаютъ, что онъ въ Марчамалѣ, и на разсвѣтѣ конные жандармы явятся на виноградникъ.

Это былъ моментъ безумной тревоги, и бѣдному старику онъ показался безконечнымъ. Куда бѣжать?... Руки его выдвигали ящики комода, разбрасывая бѣлье. Онъ искалъ свои сбереженія.

— Возьми, сынъ мой, возьми все. — И онъ набивалъ ему карманы дуросами, песетасами, всѣмъ серебромъ, заплѣсневѣвшимъ отъ долгаго лежанія взаперти, мало-по-малу собранномъ въ теченіе долгихъ лѣтъ.

Рѣшивъ, что онъ далъ ему достаточно, онъ его вывелъ изъ виноградника. Скорѣй! Еще ночь и имъ удастся уйти изъ Хереса, такъ, что никто ихъ не замѣтитъ. У старика былъ свой планъ. Нужно идти къ Рафаэлю, въ Матансуэло. Юноша еще сохранилъ связи съ прежними товарищами по контрабандѣ, и проведетъ его по глухимъ тропинкамъ изъ горъ въ Гибралтаръ. Тамъ онъ можетъ сѣсть на корабль и уѣхать куда вздумаетъ — міръ великъ.

И въ теченіе двухъ часовъ отецъ и сынъ шли почти бѣгомъ, не чувствуя усталости, подгоняемые страхомъ, покидая дорогу, всякій разъ, что они издали слышали шумъ голосовъ или лошадиный топотъ.

Ахъ, это ужасное путешествіе съ его жестокими сюрпризами, оно-то и убило его. Когда разсвѣло, онъ увидѣлъ сына съ лицомъ умирающаго, запятнаннаго кровью, со всѣми внѣшними признаками убійцы, спасающагося бѣгствомъ. Ему было больно видѣть Фермина въ такомъ положеніи, но не зачѣмъ было отчаяваться. Въ концѣ-концовъ онъ мужчи-

на, и мужчины убивают не разъ, продолжая пользоваться уваженіемъ. Но когда сынъ объяснилъ ему въ краткихъ словахъ, зачѣмъ онъ убилъ, старику показалось, что онъ умираетъ; ноги у него задрожали и онъ долженъ былъ сдѣлать усиліе надъ собой, чтобы не упасть, растянувшись, среди дороги. Марикита, дочь его, была причиной всего случившагося. Ахъ, проклятая сука! И вспоминая поведеніе сына, онъ восхищался имъ, признательный ему всей душой за принесенную имъ жертву.

— Ферминъ, сынъ мой... ты хорошо поступилъ. Другого средства не было кромѣ мщенія. Ты лучший изъ всей семьи. Лучше меня, готорый не сумѣлъ уберечь дѣвушку.

Появленіе ихъ въ Матансуэло привело Рафаэля въ крайнее изумленіе. Убили его сеньорито, и онъ, Ферминъ, сдѣлалъ это!

Монтенегро проявилъ нетерпѣніе. Онъ просить Рафаэля провести его въ Гибралтаръ такъ, чтрбы никто не видѣлъ. Поменьше словъ. Желаетъ онъ спасти его, или отказывается? Надсмотрщикъ, вмѣсто отвѣта, осѣдлалъ добраго своего коня и еще одну лошадь изъ мызныхъ. Тотчасъ же онъ проводитъ его въ горы, а тамъ уже о немъ позаботятся другіе.

Старикъ видѣлъ, какъ они умчались во весь галопъ, и повернулъ въ обратный путь, весь согнувшись отъ внезапной радости, точно вся его жизнь ушла съ его сыномъ.

Затѣмъ существованіе его стало протекать какъ бы въ туманѣ сна. Онъ помнить, что немедленно покинулъ Марча-

мало, чтобы искать убожище въ предмѣстьѣ Хереса, въ хижинѣ одной изъ родственницъ его жены. На виноградникѣ онъ не могъ оставаться послѣ случившагося. Между нимъ и семьей его хозяина была кровь, и прежде, чѣмъ ему бросать это въ лицо, онъ долженъ бѣжать.

Донъ-Пабло Дюпонъ предлагалъ ему черезъ третьи лица денежную помощь для поддержки его старости, хотя онъ и считалъ его главнымъ виновникомъ всего случившагося, такъ какъ онъ не сумѣлъ научить религіи дѣтей своихъ. Но старикъ отказался отъ всякой поддержки. Очень вамъ благодаренъ, сеньоръ, удивляюсь его сострадательности, но лучше готовъ умереть съ голоду, чѣмъ взять хоть грошъ отъ Дюпонавъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ бѣгства Фермина, къ старику явился его крестникъ Рафаэль. Онъ былъ безъ мѣста, отказавшись отъ должности своей на мызѣ. Явился для сообщенія, что Ферминъ въ Гибралтарѣ, и въ одинъ, изъ ближайшихъ дней уѣдетъ моремъ въ Южную Америку.

— Также и тебя, — сказала съ грустью старикъ, — укусила проклятая змѣя, отравляющая всѣхъ насъ.

Юноша былъ грустенъ и упалъ духомъ. Говоря со старикомъ у дверей хижины, онъ посматривалъ туда съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, словно боялся появленія Маріи де-ла-Лусъ. Во время бѣгства съ нимъ въ горы Ферминъ разсказалъ ему все... все.

— Ахъ, крестный, какой это былъ ударъ для меня! Мнѣ

кажется, что я умру отъ него... И не быть въ состояніи отомстить! Этотъ безстыжій ушель изъ жизни, и я не пронзиль его кинжаломъ! Не имѣть возможность воскресить его, чтобы снова его убить!.. Какъ часто этотъ воръ, должно быть, смѣялся надо мной, водя меня одураченнымъ, такъ что я ничего объ этомъ не зналъ!

Болѣе всего приводило въ отчаяніе Рафаэля то, что онъ былъ на службѣ у этого человѣка. Какое смѣшное положеніе! Онъ плакалъ оттого, что не его рука отомстила Луису.

Теперь онъ уже не желаетъ работать. Для чего? Займется онъ опять кнтрабандой. Женщины?... на короткое время, а потомъ ихъ надо бить, какъ похотливыхъ и бездушныхъ животныхъ... Его желаніе – объявить войну полміру – богатымъ, тѣмъ, которые управляютъ, тѣмъ, которые внушаютъ страхъ своими ружьями и кто причиной того, что бѣдныхъ топчуть власть имущіе. Теперь, когда несчастный людъ Хереса обезумѣлъ отъ ужаса, и работаетъ въ полѣ, не поднимая глазъ съ земли, тюрьма передолнена и многіе, желавшіе прежде перевернуть все вверхъ дномъ, ходятъ къ обѣднѣ, чтобы избѣгнуть подозрѣнія и преслѣдованій – теперь его очередь. Богатые увидятъ, какого они пробудили звѣря тѣмъ, что одинъ изъ ихъ среды разрушилъ его мечты.

Контрабандой онъ займется только для поддержанія своего существованія. Но немного погодя, когда начнется жатва, онъ будетъ сжигать сѣдовалы, мызы и отравлять скотъ на пастбищахъ. Тѣ, что сидя въ тюрьмѣ, ждутъ моментъ казни,

Хуанонь, Маестрико и другіе, несчастные, присужденные къ смерти, будутъ имѣть мстителя.

Если найдутся люди, достаточно мужественные, чтобы присоединиться къ нему, у нихъ составитъ конный отрядъ. Для чего-нибудь онъ знаетъ вдоль и поперекъ горы. Пусть готовятся богатые. Дурныхъ онъ будетъ убивать, а съ добрыхъ будетъ брать выкупъ, отдавая его бѣдному люду.

Онъ возбуждался, изливая свой гнѣвъ въ этихъ угрозахъ. О томъ, чтобы сдѣлаться разбойникомъ, онъ говорилъ съ энтузіазмомъ, чувствуемымъ съ дѣтства деревенскими удалцами къ искателямъ приключеній на большихъ дорогахъ. По его мнѣнію, всякій оскорбленный человѣкъ могъ искать отмщенія, лишь сдѣлавшись грабителемъ на большихъ дорогахъ.

— Меня убьютъ, — продолжалъ онъ, — но раньше чѣмъ меня убьютъ, я покончу съ поль-городомъ.

И старикъ, раздѣлявшій взгляды юноши, одобрительно кивалъ головой. Онъ хорошо придумалъ. Еслибъ сеньоръ Ферминъ былъ молодъ и силенъ, у Рафаэля оказался бы въ его бандѣ лишній товарищъ.

Рафаэль уже не приходилъ больше. Онъ избѣгалъ того, чтобы дьяволъ не свелъ его лицомъ къ лицу съ Маріей де-ла-Лусъ. Увидавъ ее, онъ былъ бы способенъ убить ее или же расплакаться какъ ребенокъ.

Время отъ времени къ сеньору Фермину заходила какая-нибудь старая цыганка или отставной солдатъ изъ тѣхъ,

которые въ кофейняхъ и казино продають небольшой свой запасъ табаку.

— Дѣдушка, это вотъ вамъ... отъ Рафаэля.

То были деньги, посылаемые контрабандистомъ и котораго старикъ молча передавалъ дочери. Рафаэль не приходилъ никогда. Время отъ времени онъ появлялся по вечерамъ въ Хересь, и этого было достаточно, чтобы Чиво и другіе спутники покойнаго Дюпона скрывались по домамъ у себя, избѣгая доказываться въ тавернахъ и кофейняхъ, посѣщаемыхъ контрабандистомъ. Этотъ человѣкъ питалъ къ нимъ ненависть за прежнюю ихъ друібу съ сеньорито. Не то, чтобы они боялись его. Они были храбрецы, да только цивилизованные, и не желаютъ нарываться на ссору съ дикаремъ, который по недѣлямъ сидитъ въ горахъ вмѣстѣ съ волками.

Сеньоръ Ферминъ давалъ проходить времени, нечувствительный къ тому, что его окружало, или къ тому, что говорилось около него.

Однажды, печальное молчаніе города вывело его на нѣсколько часовъ изъ его полной безучастности. Казнь гарротой¹⁴ имѣла совершиться надъ пятью человѣками, за вторженіе въ Хересь. Процессъ былъ веденъ поспѣшно, кара исполнялась безотлагательно, чтобы благомыслящіе люди успокоились бы.

Вступленіе въ городъ мятежныхъ работниковъ съ теченіе-

¹⁴ Испанская казнь — желѣзный ошейникъ, сдавливаемый чѣмъ-то вроде Архимедова винта.

мъ времени приняло размѣры революціи, полной ужасовъ. Страхъ заставлялъ молчать. Тѣ самые, которые видѣли забастовщиковъ, безъ всякой враждебной демонстраціи, проходившихъ мимо домовъ богатыхъ, молчаливо соглашались на неслыханный судебный приговоръ.

Разсказывали о двухъ убитыхъ въ ту ночь, соединяя пьянаго сеньорита съ несчастнымъ писцомъ. Фермина Монте-негро разыскивали за смертоубійство, его процессъ велся отдѣльно; но общество ничего не потеряло, преувеличивая событія и приписывая одно лишнее убійство революціонерамъ.

Многіе были приговорены къ заключенію въ тюрьмѣ. Судъ присуждалъ къ заточенію съ ужасающею щедростью несчастныхъ крестьянъ, которые, казалось, съ изумленіемъ спрашивали себя, что они такое сдѣлали въ ту ночь? Изъ числа приговоренныхъ къ смерти, двое были убійцами юнаго писца; остальные трое шли на казнь въ качествѣ людей «опасныхъ» – за разговоры и угрозы, за то, что они были твердо увѣрены и въ своемъ правѣ на долю счастья въ мірѣ.

Многіе съ злорадствомъ подмигивали, узнавъ, что Мадриленьо, зачинщикъ вторженія въ городъ, – приговоренъ лишь къ нѣсколькимъ годамъ заключенія въ тюрьмѣ. Хуанонъ и его товарищъ де-Требухена покорно ждали смертной своей казни. Они уже не хотѣли жить, жизнь опротивѣла имъ послѣ горькихъ разочарованій знаменитой ночи. Маэстрико съ изумленіемъ открывалъ искренніе дѣтскіе глаза, какъ бы от-

казываясь вѣрять въ людскую злобу. Его жизнь была имъ нужна, потому что онъ опасный челоѣкъ, потому что онъ увлекался утопiей, что знанiя меньшинства должны перейти къ безконечной массѣ несчастныхъ, какъ орудiе спасенiя. И будучи поэтомъ, не подозрѣвая этого, его духъ, заключенный въ грубой оболочкѣ, пылалъ огнемъ вѣры, утишая муки послѣднихъ его минутъ надеждой, что позади нихъ придутъ другiе, проталкиваясь, какъ онъ говорилъ, и эти другiе кончатъ тѣмъ, что все сметутъ силой своей многочисленности, подобно тому какъ изъ водяныхъ капель составляется наводненiе. Ихъ убиваютъ теперь потому, что ихъ еще мало. Когда-нибудь ихъ окажется столько, что сильные устанутъ убивать, ужаснувшись необъятностью своей кровавой задачи, кончатъ тѣмъ, что впадутъ въ унынiе, признавъ себя побѣжденными.

Сеньоръ Ферминъ изъ этой казни ощутилъ лишь только безмолвiе города, который казался пристыженнымъ; страхъ, охватившiй бѣдныхъ; трусливую покорность, съ которой они говорили о господахъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ совершенно забылъ это происшествiе. До него дошло письмо, написанное его сыномъ, его Ферминомъ. Находился онъ въ Буеносъ-Айресъ и писалъ отцу, высказывая увѣренность относительно своей будущности. Первое время нѣсколько тяжело, но при трудѣ и выдержкѣ въ этой странѣ, почти навѣрняка достигается побѣда, и онъ не мало не сомнѣвался въ томъ, что двинется впередъ.

Съ того времени сеньоръ Ферминъ нашель себѣ занятіе и стряхнулъ маразмъ, въ который его повергло горе. Онъ писалъ сыну и ждалъ отъ него отвѣта. Какъ онъ жилъ далеко!.. Еслибъ было возможно поѣхать туда.

Въ другой день его взволновало новое происшествіе. Сидя на солнцѣ у дверей своей хижины, онъ увидѣлъ тѣнь челоуѣка, стоявшаго яеподвижно подлѣ него. Поднявъ голову, онъ вскрикнулъ:

– Донъ-Фернандо!

Это было его божество, добрый Сальватьерра, но составившійся, печальный, съ потухшими глазами, глядѣвшихъ изъ-за стеколъ голубыхъ его очковъ, точно всѣ несчастія и преступленія Хереса угнетали его.

Его выпустили, оставивъ на свободѣ, зная, безъ сомнѣнія, что теперь онъ не отыщетъ нигдѣ угла, гдѣ бы могъ свить себѣ гнѣздо, и слова его прозвучать безъ отзвука въ молчаніи террора.

Когда онъ явился въ Хересь, его прежніе друзья избѣгали его, не желая компрометировать себя. Другіе же смотрѣли на него съ ненавистью, точно онъ изъ вынужденнаго своего изгнанія былъ отвѣтственъ за все случившееся.

Но сеньоръ Ферминъ, старый его товарищъ, не принадлежалъ къ этому числу. Увидавъ его, онъ поднялся, бросился въ его объятія, съ дрожью сильныхъ людей, которые не могутъ плакать.

– Ахъ, донъ-Фернандо!.. донъ-Фернандо!..

Сальватьерра сталъ утѣшать его. Онъ все зналъ. Побольше мужества. И онъ жертва общественнаго разложенія, противъ котораго донъ-Фернандо металъ грома со всѣмъ пыломъ аскета. Еще онъ можетъ начать новую жизньъ, окруженный всей своей семьей. Міръ великъ. Гдѣ его сынъ устроитъ себѣ гнѣздо, туда и онъ можетъ поѣхать къ нему.

И Сальватьерра нѣсколько дней подъ рядъ приходилъ къ своему старому товарищу. Затѣмъ онъ уѣхалъ. Одни говорили, что онъ въ Кадиксѣ, другіе – въ Севильѣ, скитаясь по той андалузской землѣ, гдѣ съ воспоминаніями ея героизма и великодушія лежали останки его матери – единственнаго существа, любовь котораго усладила ему жизнь.

Онъ не могъ оставаться въ Хересѣ. Власть имущіе смотрѣли на него косо, точно готовы кинуться на него; бѣдные избѣгали его.

Прошелъ еще мѣсяць. Однажды вечеромъ, Марія де-ла-Лусъ, стоя у дверей своей хижины, чуть было не упала въ обморокъ. Ноги у нея дрожали, въ ушахъ звенѣло; вся ея кровь, казалось, хлынула ей въ лицо горячей волной, и потомъ отхлынула, оставивъ его покрытымъ зеленоватой блѣдностью. Рафаэль стоялъ передъ ней, укутанный въ плащъ, точно поджидая ее. Она хотѣла бѣжать, скрыться въ самый отдаленный уголокъ своей хижины.

– Марія де-ла-Лу!.. Марикилья!..

Это былъ тотъ же нѣжный и умоляющій голосъ, какъ во времена ихъ свиданій у рѣшетчатаго окна, и не зная какимъ

образомъ, она вернулась назадъ, робко приближаясь, устремивъ глаза, полные слезъ на бывшаго своего жениха.

И онъ тоже былъ полонъ грусти. Печальная серьезность, какъ бы придавала ему нѣкоторое изящество, утончая суровую внѣшность человѣка борьбы.

– Марія де-ла-Лу, – прошепталь онъ. – Два слова не больше. Ты меня любишь и я тебя люблю. Зачѣмъ намъ проводить остатокъ нашей жизни бѣснуясь, какъ несчастные?... Еще недавно я былъ такъ грубъ, что, увидѣвъ тебя, могъ почувствовать желаніе тебя убить. Но я говорилъ съ дономъ-Фернандо и онъ убѣдилъ меня своею мудростью. Это кончено.

И онъ подтвердилъ сказанное имъ энергичнымъ жестомъ. Кончилась ихъ разлука, кончилась глупая ревность въ несчастному, который не воскреснетъ и котораго она не любила, кончилось его злопамятство, вызванное несчастіемъ, въ которомъ она вовсе неповинна.

Они; уѣдутъ отсюда, они покинутъ родину – разсотояніе изгладить дурныя воспоминанія. Они разыщутъ Фермина. У него есть деньги для путешествія всѣхъ троихъ. Свободные и счастливые проживутъ они на лонѣ природы, въ мѣстности, незнакомой съ преступленіями цивилизаціи, съ эгоизмомъ людскимъ, гдѣ все принадлежитъ всѣмъ и нѣтъ другихъ привилегій, кромѣ труда; гдѣ земля непорочна, какъ воздухъ и солнце, и не была обезчещена монополіей, не разорвана на части и унижена криками: это мое... а остальные люди пусть

умирають съ голода.

И эта жизнь, свободная и счастливая возродить и ихъ души. Крестный, глядя на солнце, закроетъ глаза навѣкъ, съ спокойствіемъ исполнившаго свой долгъ. И они тоже, когда настанетъ часъ ихъ, закроютъ глаза свои, любя другъ друга до послѣдней минуты. Надъ ихъ могилами ихъ дѣло труда и свободы будетъ продолжаться ихъ дѣтьми и внуками болѣе счастливыми, чѣмъ они, такъ какъ имъ будутъ невѣдомы жестокости стараго міра, и они будутъ представлять себѣ праздныхъ богачей и жестокихъ сеньоровъ, какъ дѣти представляютъ себѣ чудовищъ и людоѣдовъ изъ сказокъ.

Марія де-ла-Лусъ слушала его растроганная. Бѣжать отсюда! Оставить позади столько воспоминаній... Еслибъ негодяй, причина гибели ихъ семьи, еще былъ бы живъ, оиа осталась бы при своемъ женскомъ упорствѣ. Но разъ, что онъ умеръ, и Рафаэль, котораго она не желаетъ обманывать, мирится съ положеніемъ дѣлъ и великодушно прощаетъ ее... да, они уѣдутъ отсюда, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

Юноша продолжалъ объяснять ей свои планы. Донъ-Фернандо беретъ на себя убѣдить старика уѣхать; къ тому же онъ имъ дастъ письма къ друзьямъ своимъ въ Америкѣ. Не пройдетъ и двухъ недѣль, какъ они отплывутъ на пароходѣ изъ Кадикса. Бѣжать, бѣжать скорѣе изъ страны висѣлицъ, гдѣ ружейными выстрѣлами думаютъ утолить голодь, и гдѣ богатые отнимаютъ у бѣдныхъ жизнь, честь и счастье!

– Пріѣхавъ туда, – продолжалъ Рафаэль, – ты будешь мо-

ей женой. Любовь моя будетъ сильнѣй прежней, чтобы ты не думала, что я храню въ глубинѣ души какое-нибудь горькое воспоминаніе. Все прошло. Донъ-Фернандо правъ. Тѣлесное опороченіе означаетъ собою очень мало. Любовь, вотъ главное, остальное – вздоръ. Твое сердце принадлежитъ мнѣ? оно мое?... Марія де-ла-Лу! Подруга души моей! Мы съ тобой пойдемъ при свѣтѣ солнца – теперь мы возродились съ тобой, теперь именно начинается наша любовь. Дай мнѣ поцѣловать тебя въ первый разъ въ жизни. Обними меня, подруга; я вижу, что ты принадлежишь мнѣ, что ты будешь поддержкой моей силы, опорой моей, когда начнется жизненная борьба на чужбинѣ.

И двое молодыхъ людей крѣпко поцѣловались на порогѣ хижины, соединивъ уста свои безъ всякаго трепета чувственности, долгое время держа другъ друга въ объятіяхъ, словно они своей любовью бросали вызовъ старому міру, который покидали.

Сальватьерра проводилъ въ Кадиксъ и усадилъ на пароходъ свеаго стараго товарища, сентора Фермина, отплывавшаго въ Америку съ Рафаэлемъ и Маріей де-ла-Лусъ. Привѣтъ! Они больше не увидятся. Міръ черезчуръ великъ для бѣдвнхъ, прикрѣпленныхъ всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Сальватьерра почувствовалъ, что у него текутъ изъ глазъ слезы. Всѣ его друзья, всѣ воспоминанія его прошлаго исчезали, разрушенные смертью или несчастіемъ. Онъ оставал-

ся одинъ среди народа, котораго намѣревался освободить и который уже не зналъ его. Молодое поколѣніе смотрѣло на него, какъ на безумца, внушавшаго нѣкоторый интересъ своимъ аскетизмомъ, но они не понимали его словъ.

Нѣсколько дней послѣ отъѣзда этихъ своихъ друзей, онъ покинулъ свое убѣжище въ Кадиксѣ, чтобы отправиться въ Хересь. Его звали умирающій, одинъ изъ товарищей хорошихъ его временъ.

Сеньоръ Матаркадильосъ, хозяинъ маленькаго постоялаго двора донъ-Грахо, былъ при смерти. Семья его умоляла революціонера пріѣхать, такъ какъ присутствіе его было послѣднимъ лучомъ радости для умирающаго. «Теперь онъ уже приговоренъ», писали его сыновья донъ-Фернанду. И онъ поѣхалъ въ Хересь и отправился пѣшкомъ по дорогѣ въ Матансуелу, по той самой дорогѣ, которую онъ прошелъ ночью, но въ обратную сторону, идя за трупомъ цыганки.

Когда онъ добрался до постоялаго двора, ему сообщили, что его другъ умеръ нѣсколько часовъ передъ тѣмъ.

Это былъ воскресный вечеръ.

Въ единственной комнатѣ хижины, на бѣдно убраной кровати лежалъ трупъ, безъ иного общества, кромѣ мухъ, жужжавшихъ надъ его почти фіолетовымъ лмцомъ.

Вдова и дѣти, неся съ покорностью давно ожидаемое ими несчастіе, наливали стаканы виномъ, и служили своимъ покупателямъ, сидѣвшимъ въ непосредственной близости постоялаго двора.

Поденщики Матансуэлы пили здѣсь, составивъ большой кружокъ.

Донъ-Фернандо, стоя у дверей хижины, созерцаль обширную равнину, гдѣ не видно было ни одного человѣка, ни одной коровы, въ монотонномъ уединеніи воскреснаго дня.

Онъ чувствовалъ себя одинокимъ, вполнѣ одинокимъ. Только что онъ лишился послѣдняго изъ товарищей революціонной юности. Изъ всѣхъ совершившихъ походъ въ шоры и шедшихъ навстрѣчу смерти или тюрьмѣ ради романтизма революціи, никого не оставалось подлѣ него. Одни бѣжали въ отчаяніи за море, подшпориваемые нищетой; другіе — гнили въ землѣ, не имѣвъ утѣшенія видѣть, что справедливость и равенство царятъ надъ людьми.

Сколько бесполезныхъ усилій! Столько тщетныхъ жертвъ! И наслѣдство столькихъ трудовъ, казалось, теряется навсегда! Новыя поколѣнія отворачиваются отъ старыхъ, не хотятъ принять изъ ихъ утомленныхъ и слабыхъ рукъ бремя ненависти и надеждъ.

Сальватерра съ грустью смотрѣлъ на толпу работниковъ. Они или не знали его, или дѣлали видъ, что не знаютъ. Ни одинъ взглядъ не былъ устремленъ на него.

Говорили они о великой трагедіи, все еще, казалось, державшей подъ своимъ гнетомъ рабочій народъ въ Хересѣ, о казни пяти поденщиковъ за ночное вторженіе въ городъ, но говорили они спокойно, безъ страсти, безъ ненависти, точно это была казнь знаменитыхъ разбойниковъ, окруженныхъ

ореоломъ народной славы.

Они выказывали нѣкоторую горячность лишь разсуждая о мужествѣ, съ которымъ они умерли, о томъ, какъ они входили на эшафотъ. Хуанъ и де-Требухена шли на смертную казнь какъ люди не способные чувствовать страхъ, не бахвалясь этимъ. Два другіе убійцы умерли какъ животные. А воспоминаніе о бѣдномъ Маэстрико почти вызывало у нихъ смѣхъ съ его дрожью смертельной тоски и его криками «да здравствуетъ революція», чтобы внушить себѣ мужество и сдержатъ нервность свою.

О власть имущихъ, о тѣхъ, которые присудили ихъ къ несправедливой и неслыханной смертной казни, о тѣхъ; которые, быть можетъ, подготовили этотъ взрывъ для оправданія репрессій, ни единого слова. Низкій страхъ, намѣреніе не думать, отражалочъ въ глазахъ всѣхъ. Они молчали и продолжали пить.

Одивъ изъ нихъ подошелъ къ Сальватьеррѣ. Это былъ Сарандилья, еще болѣе ослѣпшій. Онъ не узналъ революціонера, пока хозяева двора не сказали ему, что онъ тутъ.

Съ больши интересомъ разспрашивалъ о Рафаэлѣ. Ахъ, донъ-Фернандо, какъ все измѣнилось въ Матансуэлѣ послѣ отъѣзда Рафаэля. Теперь мыза принадлежала дону-Пабло Дюпону и имъ былъ новый надсмотрщикъ, чедовѣкъ суровый и жестокий, мучающій и его и всѣхъ поденщиковъ.

Но поденщики – вотъ они тутъ болѣе довольны, чѣмъ прежде, въ хорошихъ отношеніяхъ съ новымъ хозяиномъ, и

стыдятся, точно краснѣющія дѣвушки, подойти къ человѣку, ненавистному богатымъ. Они узнали Сальватьерру, но тѣмъ не менѣе, притворяются, что никогда не видѣли его. Они бо-
ются скомпрометироватбся.

Это уже новое сословіе работаиковъ, на которыхъ Сарандилья смотрѣлъ съ удивленіемъ. Они въ восторгѣ отъ увеличенія поденной платы.

Получали они по два реала въ день, а теперь два съ половиной, и приписываютъ это увеличеніе платы своей покорности и подчиненію. По хорошему вы выиграете больше, чѣмъ по дурному, сказали им, и они повторяютъ эти слова, глядя съ презрѣніемъ на мятѣжныхъ агитаторовъ, пытающихся побудить ихъ къ возстанію. Будучи послушными и покорными, быть можетъ, со временемъ, они получаютъ и по три реала въ день. Истинное счастье!

На мызу Матансуэлу они смотрѣли чуть ли не какъ на рай. Сострадательный Дюпонъ оказывалъ неслыханное великодушіе. Онъ заботился о томъ, чгобы поденщики ходили къ обѣднѣ по воскресеньямъ и каждый мѣсяць посылалъ ихъ къ причастію.

Дюпонъ былъ современный христіанинъ, какъ онъ говорилъ. Всѣ дороги казались ему хорошими для завоеванія души.

И поденщики, по словамъ Сарандильи, молились и пили подносимые имъ хозяиномъ за хожденіе къ обѣднѣ стаканы вина, маленько насмѣхаясь надъ нимъ и называя его «двою-

роднымъ братомъ».

Долгое, пребываніе Сарандилы рядомъ съ Сальватьеррой, и любопытство, внушаемое этимъ послѣднимъ, побѣдили, наконецъ, удаленіе отъ него поденщиковъ. Нѣкоторые подошли въ нему, и мало-по-малу около революціонера собрался кружокъ.

Одинъ изъ стариковъ заговорилъ съ нимъ насмѣшливымъ тономъ. Если донъ-Фернандо ходить по селамъ, чтобы разжигать, какъ въ былыя времена, онъ теряетъ лишь время, народъ ожегся: онъ теперь словно кошка въ пословицѣ, обваренная кипяткомъ. И не потому, чтобы поденщикамъ жилось бы хорошо. Живется-то не лучше, чѣмъ бѣднякамъ, казненнымъ въ Хересѣ. Мы старики, – продолжалъ этотъ деревенскій философъ, – еще остаемся вѣрнѣе вашей милости и другимъ вашимъ современникамъ. Знаемъ, что они не разбогатѣли проповѣдями своими, какъ многіе другіе; знаемъ, что они пострадали и много вынесли. Но посмотрите, милость ваша, на этихъ парней.

И онъ указалъ на тѣхъ, которые остались сидѣть, не приблизились въ Сальватьеррѣ; всѣ молодые.

Время отъ времени они посматривали на революціокра дерзкими глазами. «Обманщикъ, какъ и всѣ тѣ, кто стараются втереться въ среду работчиковъ. Послѣдователи его ученія гніютъ на кладбищахъ, а онъ вотъ тутъ... Поменьше проповѣдей и побольше хлѣба... Они умнѣе и видѣли достаточно, чтобы кой-чему научиться и стоять на стороне тѣхъ,

кто даетъ. Подлинный другъ бѣдныхъ хозяинъ съ его поденной платой, и если онъ сверхъ того даетъ еще вино, тѣмъ лучше. Кромѣ того, какое дѣло до судьбы рабочихъ этому дядѣ, который одѣвается точно сеньоръ, хотя онъ и въ потертомъ платьѣ, словно нищій, и не имѣетъ мозолей на рукахъ? Онъ желаетъ лишь жить за ихъ счетъ, обманщикъ какъ столько другихъ.

Сальватьерра угадывалъ эти мысли въ враждебныхъ ихъ глазахъ.

Голосъ стараго крестьянина продолжалъ преслѣдовать его своей угрюмой философией.

Зачѣмъ ваша милость такъ сильно волнуется изъ-за судьбы бѣдныхъ, донъ-Фернандо? Оставьте ихъ: если они довольны, пусть и милость ваша будетъ довольна. Притомъ, мы всѣ теперь проучены. У насъ нѣтъ силъ бороться съ властью имущими. Вы, милость ваша, который такъ много знаете, попытайтесь склонить на свою сторону жандармерию, внушите ей свои взгляды, и когда вы явитесь во главѣ ихъ, будьте спокойны, всѣ мы примкнемъ къ вамъ.

Старикъ налилъ вина въ стаканъ и подалъ его Сальватьеррѣ.

— Пейте, милость ваша, и не тревожьтесь, устраивая то, чего нельзя устроить. На свѣтѣ лишь это истина. Друзья — предатели; семья... она хороша лишь на то, чтобы свести ее съ картофелемъ. Всѣ эти революціи и раздѣлъ земля — ложь, одни лишь слова, для обмана глупцовъ. Вотъ единственная ис-

тина – вино! Глотокъ за глоткомъ оно даетъ намъ развлеченіе и веселить до самой смерти. Пейте, донъ-Фернандо; я предлагаю вамъ этотъ стаканъ вина потому, что онъ нашъ, заработанъ нами. Цѣна ему дешевая: стоитъ всего лишь одну обѣдню.

Сальватьерра, всегда такой безпристрастный на видъ, задрожалъ отъ гнѣвнаго порыва. Онъ чувствовалъ желаніе оттолкнуть стаканъ, разбить его въ дребезги, и проклясть золотистое питье, демона алкоголя, простиравшаго янтарныя свои крылья надъ этой одурѣвшей толпой, подчиняя себѣ ея волю, надѣвая на нее ярмо преступленія, безумія, трусости. Они, воздѣлывая землю въ потѣ лица, проводя по ней борозды, оставляя въ ея нѣдрахъ свое здоровье и силу, производили эту золотую жидкость, и власть имущеіе пользовались ею, чтобы напоить ихъ и удерживать, словно заколдованныхъ въ обманчивомъ веселье.

Они были самые несчастные изъ рабовъ исторіи: сами сплетали бичъ, державшій ихъ въ подчиненіи, сами ковали цѣпь, связывавшую ихъ; голодая, проданнымъ голодомъ обманчиваго тупоумія, лживо веселые болѣзненнымъ веселіемъ опьяненія.

И они смѣялись! И они совѣтовали ему смиреніе, трюня надъ его великодушными усиліями, хваля своихъ утнѣтателей!.. Неужели же рабство имѣетъ быть вѣчнымъ? Человѣческія стремленія задержатся навсегда въ этомъ кратковременномъ веселье удовлетвореннаго животнаго?

Сальватерра почувствовалъ, что его гнѣвъ улетучивается, и надежда, и вѣра возвращаются въ нему.

Начинало темнѣть, ночь спускалась на землю какъ предтеча новаго дня. Также и сумерки человѣческихъ стремленій лишь кратковременны. Справедливость и свобода дремлютъ въ душѣ cadaго человѣка. Онѣ проснутся.

За полями и нивами, въ городахъ, этихъ великихъ скопленіяхъ современной цивилизаціи, есть еще полчища доведенныхъ до отчаянія и, несчастныхъ, но такихъ, которые отрекутся отъ предательскихъ внушеній вина, которые окунутся возродившейся душой въ зарѣ новаго дня и увидятъ надъ головой своей первые лучи восходящаго солнца, въ то время какъ остальной міръ будетъ еще погруженъ въ предразсвѣтномъ мракѣ. Они явятся избранниками и раньше другихъ проснутся, встанутъ на ноги и пойдутъ вслѣдъ за единственнымъ другомъ несчастныхъ и голодныхъ, переходившимъ черезъ исторію всѣхъ религій. Оскорбленный именованъ демона, онъ, сбросивъ съ себя смѣшное убранство, приданное ему традиціей, ослѣпитъ однихъ и изумитъ другихъ самой возвышенной изъ всѣхъ красотъ, – красотой ангела свѣта, и зовутъ его революціей... соціальной революціей.